

Г И Й О М М Ю С С О

сентрал-парк

Новая книга – и опять ошеломительный успех!
За первые три дня продаж во Франции продано 75 тысяч
экземпляров, за шесть недель – 360 тысяч.

Annotation

Нью-Йорк, Сентрал-парк. Алиса очнулась на скамейке и обнаружила, что скована наручниками с незнакомым мужчиной. Выясняется, что незнакомец — джазовый музыкант. Ни он, ни она не понимают, как оказались в столь экстравагантной ситуации. Возможно, это связано с профессией Алисы — она полицейский и пару лет назад расследовала дело серийного убийцы Эрика Вога. Неужели Вог жив и мстит ей таким образом? Вопросов больше, чем ответов. Но Алиса уверена, что сможет распутать этот клубок. И кстати, неплохо бы узнать, кто ее новый знакомый — что-то подсказывает Алисе, что это темная лошадка.

- [Гийом Мюссо](#)

- [Часть 1](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)

- [Часть 2](#)

- [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)

- [Часть 3](#)

- [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)

- [22](#)
  - [Часть 4](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
    - [27](#)
    - [28](#)
    - [Увидишь...](#)
    - [Спасибо](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
-

Гийом Мюссо СЕНТРАЛ-ПАРК

*Ускользящее существование для нас, чем
известное.*

Сомерсет Моэм

Часть 1

ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

Не сомневаюсь, что в любом человеке таится еще и незнакомец. Затейник. Обманщик. Хитрец.

Стивен Кинг

Первое ощущение — свежий ветерок, дующий прямо в лицо.

Легкий шелест листвы. Вдали журчанье ручья. Негромкое щебетанье птиц. Солнечный свет, о котором можно только догадываться, потому что глаза еще закрыты.

Поскрипывание веток. Запах влажной земли. Запах палой листвы. И острый лесной запах серого лишайника.

И где-то вдали — неотчетливый призрачный гул какой-то другой, несогласной с этой стихии.

Алиса Шафер с трудом открыла глаза. Лучи восходящего солнца били прямо в лицо, одежда промокла от росы. Зябкая утренняя сырость пробирала до костей. В горле пересохло, во рту противный горький вкус. Язык не ворочается, руки-ноги застыли, голова налита свинцом.

Привстала и только тогда поняла, что лежит на грубой деревянной скамье. В полном недоумении она обнаружила рядом еще и мужчину. Плотный, коренастый, он привалился к ее боку и давил на нее.

Сердце у нее заколотилось быстро-быстро, и она едва удержала рвущийся из груди вопль ужаса. Она хотела убежать и рванулась со скамейки, но... Принуждена была опуститься обратно на скамью. Ее правая рука была скована наручником с левой рукой незнакомца. Алиса дернулась изо всех сил, но мужчина лежал неподвижно.

«Черт побери!»

Сердце едва не выскакивало из груди. Алиса скосила глаза на часы. Циферблат старенького «Патек Филиппа» был весь поцарапан, но механизм работал исправно, и календарь сообщил: вторник, 8 октября, 8 часов.

«Господи помилуй! Да где же это я?» — спросила себя Алиса, вытирая рукавом мокрое лицо.

Она огляделась вокруг, пытаясь хоть как-то сообразить, где оказалась. Поняла, что находится в золотом осеннем лесу, где есть и совсем зеленые кустики, что кустов много, и они очень разные. Глушь. Тишина. Скамья

стоит на лужайке, вокруг растут дубы, чуть поодаль что-то вроде скалистого выступа и снова заросли кустов. Вокруг ни души. Но, учитывая ее престранное положение, это, наверное, и к лучшему.

Алиса посмотрела вверх. Теплое солнечное сияние, зыбкое, словно бы нереальное. Светящиеся нити пронизывают пылающую крону раскидистого вяза, чьи корни уже укрыты плотным ковром влажной листвы.

«Лес Рамбуйе? Фонтенбло? Венсенский?» — пыталась сообразить Алиса.

Почтовая открытка с репродукцией импрессионистов плохо сочеталась своим безмятежным свечением с сюрреалистическим пробуждением в обществе незнакомца.

Алиса осторожно наклонилась, чтобы как следует рассмотреть его лицо.

Мужчине, похоже, было лет тридцать пять, возможно, даже сорок, у него были взлохмаченные каштановые волосы и небритые щеки.

«Мертвый?»

Алиса приложила три пальца к шее незнакомца над кадыком, почувствовала, как бьется сонная артерия, и успокоилась. Тип был в отключке, но, к счастью, живой. Она стала его разглядывать. Знает она его или нет? Кто же это может быть? Мошенник, которого она собиралась отправить за решетку? Друг детства, которого с годами не узнать? Нет. Лицо этого человека не говорило ей ровным счетом ничего.

Алиса отвела золотистую прядь, мешавшую смотреть, и принялась изучать металлические браслеты, которые накрепко связали ее с неведомым типом. Наручники как наручники. Стандартная модель, с двойным замком. Такими пользуется не только полиция, но и все частные сыскные агентства в мире. Вполне может быть, она сама и надела эти наручники. Алиса порылась в кармане джинсов, надеясь отыскать ключ.

Но ключа не нашла. Зато во внутреннем кармане кожаной куртки она нащупала пистолет. Решив, что при ней ее табельное оружие, она с облегчением положила руку на рукоять. Но это не был SIG-Sauer, которым обычно пользовалась она и все ее ребята из опергруппы. В кармане лежал «Глок 22» из сверхпрочного пластика. Откуда он у нее, Алиса не имела ни малейшего понятия. Теперь надо выяснить, как обстоит дело с патронами. Но одной свободной рукой это оказалось непросто. Однако она справилась, постаравшись не разбудить крепко спавшего незнакомца. В магазине не хватало одного патрона. Разглядывая пистолет, она увидела на корпусе засохшие пятна крови. Распахнула куртку и обнаружила бурые следы на

полах блузки.

«Черт побери! Что же я такое натворила?!»

Свободной рукой Алиса стала массировать себе веки. Начинаясь мигрень уже отдавала в виски, сдавливая голову невидимыми клещами. Алиса глубоко вдохнула, пытаясь отогнать страх, и сосредоточилась на вчерашнем вечере.

Вчера вечером она отправилась с тремя подругами на Елисейские Поля, решив устроить небольшой праздник. Они немало выпили, заходя то в один бар, то в другой, пропуская в каждом по стаканчику. Побывали в «Монлайте», в «Третьем этаже», в «Лондондерри»... Расстались где-то около полуночи. И Алиса, уже одна, отправилась на улицу Франклина Рузвельта, где оставила на подземной автостоянке свою машину...

И что же дальше? Черная дыра. Мозги плавают в тумане. Сколько ни старается припомнить — белое пятно. Пустота. Память заморожена, заблокирована, парализована. Возникает одна и та же картинка: автостоянка.

«Ну, давай же! Давай, черт тебя подери! Напрягись! Что произошло на автостоянке?»

Алиса отчетливо увидела, как платит за стоянку в автомате, потом спускается по лестнице на третий подземный этаж. Конечно, она малость перебрала, это уж точно. До малышки «Ауди» добралась пошатываясь, разблокировала дверь, села за руль и...

«И ничего. Пустое место».

Напрасно Алиса пыталась сосредоточиться и вспомнить. Ее воспоминания замуровала белая каменная стена. Вокруг вчерашней ночи вырос вал Адриана.^[1] Ее слабым попыткам противостояла Великая Китайская стена.

Алиса сглотнула слюну, чувствуя, как внутри вновь просыпается паника, грозя захлестнуть разум. Лес вокруг, кровь на куртке, чужой револьвер...

Нет, дело вовсе не в тяжелом похмелье после веселой вечеринки. Раз она не помнит, как оказалась здесь, значит, ее опоили наркотиком. Это уж как пить дать. Какой-то подосланный гад подсыпал ей в стакан ГНВ. А почему бы и нет? Вполне возможно. За последние годы, работая полицейским детективом, она часто сталкивалась с преступлениями, совершенными при помощи наркотиков. Это предположение она на время спрятала в укромном уголке и занялась своими карманами. Так. Исчезли бумажник и полицейское удостоверение. В результате она осталась без удостоверения личности, без денег и без мобильного...

Теперь ей было не просто страшно, ей было страшно, тоскливо и безнадежно.

Скрипнула ветка, и стайка испуганных славок мгновенно поднялась в воздух. Ветерок кружил пожелтевшие листья, и один из них коснулся щеки Алисы. Левой рукой, помогая себе подбородком, она стала застегивать молнию куртки и тут вдруг заметила у себя на ладони цифры, написанные шариковой ручкой. Бледные цифры. Едва видные. Школьники так пишут шпаргалки.

212558900

Что еще за цифры? К чему относятся? Что означают? Это она их записала? «Возможно, но полной уверенности нет», — решила Алиса, приглядевшись к почерку.

Она на миг прикрыла глаза, подавленная страхом, безнадежностью, растерянностью...

Но сдаваться не собиралась. Не в ее привычке склонять голову. Этой ночью произошло что-то крайне серьезное. И если она ничего не может вспомнить, то человек, с которым она скована, мигом освежит ей память. Во всяком случае, она на это рассчитывала.

Друг это или враг?

Неизвестно. Поэтому, держа «Глок» в руке, Алиса снова вставила в него магазин и навела на своего спутника, тряханув спящего без лишних церемоний.

— Эй, вы! Подъем!

Мужчина был не в силах стряхнуть с себя сон.

— Шевелитесь, старина! — поторопила своего спутника Алиса, потрепав за плечо.

Он заморгал, зевнул и с трудом разлепил веки. Но как только открыл глаза, испуганно дернулся — увидел ствол револьвера, приставленный чуть ли не к его виску.

Потом с испугом и недоумением уставился на Алису, затем повернул голову и с не меньшим недоумением оглядел лес вокруг себя. Полюбовавшись лесом несколько секунд, мужчина сглотнул слюну, открыл рот и спросил по-английски:

— Кто вы такая, черт возьми? И что мы тут делаем?

В каждом из нас прячется опасный незнакомец.

Братья Гримм

Незнакомец говорил с сильным американским акцентом, почти глотая букву «р».

— Где мы находимся, черт побери?! — повторил он вопрос, хмуря брови.

Алиса крепче сжала в руке пистолет.

— Полагаю, на этот вопрос должны ответить мне вы! — ответила она по-английски, приближая ствол «Глока» вплотную к виску мужчины.

— Не будем нервничать, согласны? — предложил он, попытавшись поднять руки, но поднялась только одна. — Опустите пистолет, с этими штуками шутки плохи...

Он еще до конца не проснулся и, увидев у себя на руке металлический браслет, спросил:

— С какой это радости вы меня так обрядили? В чем, интересно, я провинился? Драку затеял? Наскандалил в общественном месте?

— Наручники на вас надела не я, — мрачно отозвалась Алиса.

Теперь она имела возможность рассмотреть соседа более внимательно: одет в темно-синие джинсы, кеды «Конверс», мятую синюю рубашку и не менее мятую куртку. Глаза светлые, красивые, усталые, под глазами синяки.

— Однако, не жарко, — пожаловался мужчина, зябко втягивая голову в плечи.

Он опустил глаза, собираясь взглянуть на часы у себя на запястье, но часов там не оказалось.

— Дьяволыщина! Который теперь час?

— Восемь часов утра.

С трудом он вывернул карманы куртки и возмутился:

— Да вы все у меня украли! Бабло, бумажник, телефон!

— Я ничего не крала, — возразила Алиса. — Меня обчистили точно так же, как вас.

Он пощупал свободной рукой затылок и сообщил:

— Довольно солидная шишка. К этому вы тоже никакого отношения

не имеете?

Ответа он, похоже, не ждал.

Он искоса рассматривал соседку: узкие джинсы, кожаная куртка, из-под куртки торчат полы блузки в пятнах крови. Блондинка, худая, стройная, на вид лет тридцать, волосы собраны в узел, который вот-вот распустится. Лицо тяжеловатое, но красивое — высокие скулы, тонкий нос, тонкая кожа, блестящие яркие глаза, отливающие медью осенних листьев.

Резкая боль помешала Гэбриэлу рассматривать спутницу дальше. Ему показалось, что внутри руки пробежал огонь.

— Что еще случилось? — сердито осведомилась Алиса.

— Больно очень, — сморщившись, пожаловался он. — Похоже, как будто рана саднит...

Из-за наручников Гэбриэл не мог снять куртку, не мог закатать рукав рубашки, но, изогнув шею, сумел разглядеть у себя на руке что-то вроде повязки. Похоже, она была наложена недавно, из-под нее сочилась тоненькая струйка крови, добравшаяся уже до запястья.

— Может, не будем больше валять дурочку? — уже на нервах спросил он. — Где мы, в конце концов? В Уиклоу?

Молодая женщина наклонила голову.

— Уиклоу? А где это?

— Лес на южной стороне!

— Южной стороне чего? — уточнила она.

— Хватит надо мной издеваться! Дублина, естественно!

Алиса посмотрела на мужчину квадратными глазами.

— Вы всерьез считаете, что мы в Ирландии?

Он вздохнул и поджал губы.

— А где мы, по-вашему, еще можем быть?

— Я думала, мы во Франции. Под Парижем. Скорее всего в лесу Рамбуйе.

— Не говорите ерунды! Что за дурацкие выдумки! — оборвал он ее. — Вы-то кто такая, в конце концов?

— Девушка с пушкой, так что вопросы задаю я!

Гэбриэл смерил молодую женщину взглядом и удостоверился, что сила не на его стороне. Воцарилось молчание, и он его не прерывал.

— Меня зовут Алиса Шафер, я капитан полиции, работаю в уголовном розыске в Париже. Провела вечер с подругами на Елисейских Полях и понятия не имею, где мы сейчас и каким образом оказались прикованными друг к другу. Кто вы такой, я тоже не знаю. Вам слово!

После секундного колебания незнакомец решил все-таки

представиться:

— Я американец. Меня зовут Гэбриэл Кейн, я пианист в джазовом ансамбле. Живу в Лос-Анджелесе, но часто бываю в разъездах, так как мы даем концерты.

— Скажите, что вы помните о вчерашнем дне?

Гэбриэл нахмурился и прикрыл глаза, стараясь сосредоточиться.

— Так... Вчера вечером мы играли с ребятами, бас-гитарой и саксофонистом, в «Браун Шуга», одном из джаз-клубов в квартале Темпл-Бар в Дублине.

«Неужели в Дублине? Парень, похоже, явно с приветом!»

— После концерта я отправился в бар и, вполне возможно, немного увлекся кубинским ромом, — добавил Гэбриэл, открывая глаза.

— А потом?

— Потом...

Он наморщил лоб, закусил губу. Совершенно очевидно, что ему так же трудно вспомнить конец вчерашнего вечера, как и ей.

— Если честно, не знаю. Мне кажется, сначала я поругался с парнем, которому не понравилась моя музыка, а потом клеился к девочкам, но ни одну не снял, потому что слишком нагрузился.

— Классно! Просто шик!

Он, махнув рукой, пропустил ее слова мимо ушей и встал со скамьи, вынудив Алису сделать то же самое. Резким движением руки она заставила его снова сесть.

— Ушел из клуба где-то около полуночи, — твердо сказал Гэбриэл. — Едва держался на ногах. Стал ловить такси на Эстон-куэй. Через несколько минут одна машина остановилась и...

— И что?

— Не знаю, — признался он. — Наверное, я дал адрес моей гостиницы и повалился на сиденье.

— А потом?

— Не знаю, говорю же вам!

Алиса опустила пистолет. Несколько минут они молчали, Алиса переваривала полученную информацию. Дурная новость: неизвестный тип не из тех, кто помог бы ей прояснить ситуацию.

— Вы хотя бы понимаете, что ваш рассказ — идиотская шутка и не более? — наконец проговорила она со вздохом.

— С какой это стати?

— С такой, что мы находимся во Франции!

Гэбриэл окинул взглядом лес вокруг них: деревья, густые заросли

кустов, камни, выглядывающие из-за плюща, золотистый шатер осенней листвы прямо над головой. Он загляделся на крону гигантского вяза и заметил двух белок. Они прыгали с ветки на ветку, охотясь за синим дроздом.

— Готов поспорить на последнюю рубашку, что мы не во Франции, — сообщил он, почесывая в затылке.

— Что ж! У нас есть возможность определиться! — раздраженно сказала Алиса, пряча пистолет и заставляя своего спутника встать.

Они покинули лужайку и углубились в заросли кустов и деревьев. Накрепко соединенные друг с другом, они продирались через густой подлесок, взбирались по петляющей тропинке, потом спускались вниз, хватаясь за выступающие из склона камни. Понадобилось минут пятнадцать, чтобы выбраться из лесного лабиринта, где сплеталось множество тропок, и их путь пересекал не один ручеек. Наконец они выбрались на узкую асфальтированную аллею, обсаженную деревьями, которые, сомкнувшись кронами, образовали свод. Чем дальше они продвигались по живому коридору, тем ближе подкатывал гул цивилизации.

Родные, привычные звуки — шум большого города.

Охваченная странным предчувствием, Алиса потащила Гэбриэла к солнечному пятну, золотившемуся на листве кустарника. Свет ослепил их, они продрались сквозь заросли и неожиданно очутились на газоне, за которым раскинулась гладь озера.

И тогда они заметили мост.

Узорный выгнутый металлический мост, изящно перекинутый через один из рукавов озера.

Длинный мост сливочного цвета, украшенный арабесками и вазами с цветами.

Известный, знакомый, снятый в сотне фильмов.

Боу Бридж.

Нет, они не в Париже. И не в Дублине.

Они в Нью-Йорке.

В Сентрал-парке.

Мы жаждем истины, но в себе находим лишь неуверенность.

Блез Паскаль

— Ну и дела! — прошептал Гэбриэл.

На лице Алисы застыло изумленное и недоуменное выражение.

Как ни трудно было это признать, но факт оставался фактом. Сомнений быть не могло: они проснулись в Рэмбле, самой отдаленной и дикой части Сентрал-парка, в настоящем лесу, площадью гектаров в пятнадцать, что протянулась от озера на север.

Сердца у обоих колотились как сумасшедшие, едва не выскакивая из груди. Они подошли к озеру и оказались на людной аллее, где царило обычное для раннего утра оживление. Любители бега отлично ладили с велосипедистами, с поклонниками тай-цзы и с собачниками, вышедшими на прогулку со своими питомцами. До боли знакомый шум огромного города обрушился на них: урчание моторов, клаксоны, сирены пожарников и полицейских.

— Бред какой-то! — прошептала Алиса.

Женщина напрягала все свои силы, стараясь понять, что же все-таки с ними произошло. Пока было ясно одно: вчера вечером и она, и Гэбриэл солидно перебрали, поэтому и не могли припомнить, как провели остаток ночи. Но не могло того быть, чтобы обоих без всякого их на то согласия погрузили в самолет и отправили в Нью-Йорк. Хотя Алиса нередко бывала в Нью-Йорке, летала на каникулы вместе с Сеймуром, ее коллегой и лучшим другом. Она прекрасно знала, что полет от Парижа до Нью-Йорка длится восемь часов с небольшим, но из-за разницы во времени получалось, будто летишь всего два часа. Когда они летали с Сеймуром, он брал билет на самолет, вылетающий из аэропорта Шарль де Голль в 8:30, а уже в 10:30 они были в Нью-Йорке. Еще Алиса вспомнила, что последний самолет в Америку вылетает из Парижа где-то около восьми вечера. Но вчера в восемь вечера она точно была еще в Париже. Значит, они с Гэбриэлом летели на частном самолете. Если предположить, что их посадили в самолет в Париже в два часа ночи, в Нью-Йорк они прибыли в

четыре утра. Для того чтобы проснуться в восемь утра в Сентрал-парке, времени вполне достаточно. В книге такое было бы возможно. Но жизнь — это тебе не книга. Частный самолет или не частный, но административные формальности при въезде в Америку существуют, и процедура эта длительная и сложная. Так что версия не работала.

— Oops, sorry!

Паренек на роликовых коньках нечаянно их толкнул. Продолжая извиняться, он недоуменно и с подозрением уставился на наручники.

В мозгу Алисы немедленно вспыхнул сигнал тревоги.

— Нельзя стоять истуканами, чтобы все на нас глазели, — тревожно зашептала она. — Полицейские могут пожаловать сюда с минуты на минуту.

— И что же вы предлагаете?

— Берите меня за руку! Быстро!

— И что?

— Берите меня за руку! Мы влюбленная парочка и гуляем по мосту! — торопила она своего спутника-недотепу.

Гэбриэл взял ее за руку, и они двинулись по Боу-Бридж. Воздух был сухим и холодным. На фоне голубого неба вырисовывались великолепные здания, видные из западной части парка: башни-близнецы «Сан-Ремо» в стиле ар-деко, легендарный фасад «Дакоты», отель «Мажестик», прославившийся своими апартаментами.

— В любом случае мы должны сообщить о себе властям, — высказал свое мнение Гэбриэл, продолжая двигаться вперед.

— Только этого не хватало! Самолично ринуться в волчью пасть!

Гэбриэл возразил:

— Советую внять голосу разума, детка...

— Еще раз назовете деткой, задушу наручниками. Зажму шею и не отпущу, пока концы не отдадите. Покойники, они малоразговорчивые, сами убедитесь.

Мужчина пропустил угрозу мимо ушей.

— Вы ведь французенка, значит, попросите хотя бы совета у вас в посольстве!

Мысль о расследовании, которым предстоит заняться, подействовала на Алису благотворно. Вот уже несколько лет адреналин, сопутствующий ее профессии, был единственным поддерживающим ее силы горючим. По существу, наркотиком, который сначала уничтожил ее жизнь, а потом стал единственным смыслом существования, ради которого она вставала по утрам с постели.

Алиса перевела дыхание и полной грудью вдохнула свежий воздух Сентрал-парка. Успокоенная тем, что полицейский детектив приступил к своим обязанностям, она наметила план ближайших действий. Сеймур под ее руководством займется расследованием во Франции, она здесь, на месте.

По-прежнему держась за руки, Алиса и Гэбриэл вышли на Строберри-Филдс, Земляничную поляну, треугольной формы сад, который шел к западному выходу из парка. Капитан полиции исподтишка поглядывала на музыканта. В первую очередь необходимо установить, кто на самом деле этот человек. Сама она надела на него наручники или нет? И если да, то на каком основании?

Мужчина тоже посматривал на нее с фанфаронистым видом.

— Ну и что вы предлагаете? — поинтересовался он.

Она ответила на его вопрос вопросом.

— Есть у вас в городе знакомые?

— Да. У меня в этом городе есть даже друг, саксофонист Кенни Форест. Другое дело, что сейчас он в турне и находится в Токио.

Тогда Алиса сформулировала вопрос по-другому.

— Стало быть, вы не знаете в этом городе места, где бы мы могли найти инструмент, чтобы избавиться от наручников, переодеться и принять душ?

— Не знаю, — согласился Кейн. — А вы?

— Я?! Я живу в Париже! Я же уже сказала!

— «Живу в Париже! Я же уже сказала», — передразнил он ее с насмешливым видом. — Так послушайте меня! Я не вижу другого способа, кроме как обратиться в полицию! У нас ни цента, нам не во что переодеться, у нас нет возможности подтвердить, кто мы такие...

— Хватит ныть! Для начала нам нужен мобильник. Вот что главное. Разве нет?

— Но у нас ни цента! С этого я начал! Как вы хотите, чтобы мы раздобыли мобильник?

— Проще простого. Украдем — и дело с концом.

*В сердцевине любого препятствия таится новая
возможность.*

Альберт Эйнштейн

Алиса с Гэбриэлом вышли из парка и оказались на Централ-Парк-Вест, улице, тянущейся вдоль ограды. Сделали несколько шагов по тротуару и сразу погрузились в гущу городской жизни: клаксоны желтых такси, спешащих на всех парах в Мидтаун, зазывания продавцов хот-догов, треск отбойных молотков в руках рабочих дорожной службы.

— Только после того, как пойму, что произошло этой ночью!

— Имейте в виду, что рассчитывать на меня не стоит. Я не собираюсь затевать игру в двух веселых беглецов. Как только мы выходим из парка, я иду в первый попавшийся по дороге полицейский участок и рассказываю, что с нами приключилось.

— Вы дурак или только притворяетесь? И если вы до сих пор не заметили, то прошу обратить внимание: нас сковали наручниками, дорогой! Мы неразлучны! Неразделимы! По воле случая связаны накрепко! И до тех пор, пока мы не найдем способа разъединиться, вы делаете то же, что делаю я!

Боу-Бридж плавно соединял между собой север и юг озера, дикую растительность Рэмбла и парк с аллеями и клумбами. Сойдя с моста, они пошли по дорожке вдоль озера к гранитному куполу фонтана Шерри Хилл.

Гэбриэл продолжал настаивать:

— Почему вы отказываетесь пойти со мной в полицейский участок?

— Потому что, как это ни странно, я знаю, что значит иметь дело с полицией!

Джазист возмутился:

— Знаете — и прекрасно! Но какого черта вы тащите на свою галеру и меня?

— Что значит, мою галеру? Да, я сижу по уши в дерьме, но и вы вместе со мной тоже!

— Ничего подобного! Лично мне не в чем себя упрекнуть!

— Неужели? Интересно, откуда такая уверенность? Вы ведь сами

сказали, что совершенно не помните, как провели остаток ночи...

Замечание заметно обеспокоило Гэбриэла.

— Вы хотите сказать, что не верите моим словам?

— Ни единому. Ваша байка о баре в Дублине, Кейн, полная лажа!

— Ваша о прогулке на Елисейских Полях тоже! Но это у вас руки по локоть в крови! И это у вас в кармане пушка!

Алиса не дала ему договорить.

— Что правда, то правда, пушка у меня в кармане, поэтому вы закроете рот и будете делать то, что я скажу. Договорились?

Мужчина пожал плечами и горько вздохнул.

Алиса сглотнула слюну, чувствуя, как у нее загорелось под ложечкой, пищевод как будто обожгли кислотой. Стресс. Усталость. Страх. Все сказывается.

Как выйти из этой подлой переделки?

Алиса попыталась собраться с мыслями. Во Франции сейчас едва перевалило за полдень. Ребята из ее подразделения, не увидев с утра начальницы на работе, должны бы уже забеспокоиться. Сеймур в первую очередь и наверняка пытается дозвониться ей по мобильнику. Ему и надо звонить немедленно и просить заняться расследованием. В голове Алисы потихоньку выстроился алгоритм действий. Первое: просмотреть записи видеокамер автостоянки на улице Франклина Рузвельта. Второе: установить, какие частные самолеты вылетели из Парижа после полуночи в Соединенные Штаты. Третье: найти, где стоит ее «Ауди». Четвертое: выяснить, существует ли на свете Гэбриэл Кейн, и если да, то можно ли доверять его рассказу...

«Нельзя терять ни минуты!»

Алиса прищурилась, стараясь как можно лучше осмотреться. На противоположной стороне улицы высился импозантный, песочного цвета фасад «Дакоты», здания, под аркой которого тридцать три года тому назад был убит Джон Леннон. Своими башенками, шпилями, окнами, балкончиками «Дакота» сильно выделялась среди других, украшая готикой небо Манхэттена.

«Средневековье в двадцать первом веке».

Уличный торговец разложил на тротуаре свой товар и за гроши продавал туристам футболки и плакаты с изображением «Битлз».

В десятке метров от Алисы шумела группа подростков-испанцев. Ребята фотографировались перед зданием.

Подумать только, тридцать лет прошло, а легенда жива по-прежнему!..

Понаблюдав за ребятами, Алиса наметила себе жертву и в общих

чертах прикинула план действий. Подбородком указала на подростков Гэбриэлу.

— Видите мальчика, который говорит по телефону?

Гэбриэл почесал в затылке.

— Какого именно? Половина стоит с телефонами возле уха.

— Толстяка в очках, подстриженного под горшок, в футболке с надписью «Барселона»?

— Почему-то мне кажется, что грабить ребенка нехорошо...

Алиса взорвалась:

— А мне кажется, вы так и не поняли, в каком дерьме завязли мы оба! Ребенку лет шестнадцать, и даже больше, и мы не собираемся его грабить, прихватим телефон, и все дела.

— Я жутко проголодался, — пожаловался Гэбриэл. — Может, сначала прихватим хот-дог?

Алиса испепелила его взглядом.

— Перестаньте паясничать и слушайте меня внимательно. Мы пойдем, тесно прижавшись друг к другу. Когда поравняемся с пареньком, вы толкнете меня на него, и как только я схвачу телефон, бежим со всех ног.

Гэбриэл кивнул:

— Похоже, это нетрудно!

— Не трудно? Скоро убедитесь на собственной шкуре, как легко бегать в наручниках!

Все произошло именно так, как и наметила Алиса. Она воспользовалась минутной растерянностью паренька и выхватила у него мобильник.

— Бежим! — скомандовала она Гэбриэлу.

WALK: замигал зеленый огонек для пешеходов. Беглецы не преминули им воспользоваться, пересекли улицу и свернули за первый же угол. Бежать парой, да еще и в наручниках оказалось куда хуже, чем представлялось Алисе. Мало того что у них был разный шаг, у них был еще и разный рост, вдобавок стальной браслет больно врезался в запястье при каждом рывке.

— Они бегут за нами! — предупредил Гэбриэл, оглянувшись.

Алиса тоже оглянулась и увидела ватагу подростков-испанцев, мчавшихся следом за ними.

«Догонят...»

Она мотнула головой, и они прибавили ходу, сколько могли. 71-я стрит — улица спокойная, каких много в Верхнем Вест-Сайде, с характерными для этого квартала элегантными зданиями из темного кирпича. Широкие тротуары и отсутствие туристов позволили беглецам быстро миновать

жилой квартал и выскочить к следующей улице. Подростки не отставали, они тоже прибавили ходу, громко крича на бегу, стараясь оповестить о краже прохожих и привлечь их к погоне.

Коламбус-авеню.

Улицы с каждой минутой все оживленнее. В магазинчиках поднимаются шторы, в кафе появляются посетители, студенты валят бегом из ближайшей станции метро.

— Налево! — закричал Гэбриэл и резко свернул в сторону.

Изменение маршрута застало Алису врасплох. Она с трудом сохранила равновесие и громко вскрикнула, почувствовав, как челюсти наручника впились ей в руку.

Они помчались вниз по улице, толкая прохожих, опрокидывая лотки и рекламу, едва не раздавив карликового терьера.

«Ох, сколько же здесь народу!»

Кружится голова. Подступает дурнота. Со всех сторон люди. Стремясь избавиться от толпы, они перекочевали на мостовую.

«Неудачная мысль...»

Чуть не попали под машину. Желтое такси, взвизгнув тормозами, остановилось, и шофер отпустил им в спину мощный поток брани. Алиса споткнулась о край тротуара, стальной браслет снова впился ей в запястье, она потеряла равновесие и полетела, увлекая за собой Гэбриэла, выпустив из рук мобильник, ради которого они столько мучились.

«Дерьмо собачье!»

Гэбриэл подхватил мобильник на лету.

«Вставай!»

И вот они снова на ногах. Оглянулись, проверяя, как ведут себя преследователи. Большинство ребят оставили погоню, но двое подростков продолжали их преследовать, подарив себе удовольствие устроить гонки на Манхэттене. Они не сомневались, что выйдут победителями, и воображали, как, вернувшись, будут глумиться над приятелями.

— Быстро, однако, бегают эти паршивцы, — отдуваясь, заметил Гэбриэл. — Я уже слишком стар для подобных дурачеств!

— Поднажмем еще немного, — подбодрила его Алиса, вынуждая снова пуститься бегом.

Каждый шаг был пыткой, но они не сдавались. Бежали вперед, крепко держась за руки. Десять метров, пятьдесят, сто... Перед глазами сменялись картинки: пар из сточной канавы, клубясь, поднимается в небо, пожарная лестница вьется по фасаду кирпичного дома, мальчишки строят гримасы, глядя из окон школьного автобуса. И один за другим небоскребы из стекла

и бетона, яркие вывески, рекламные щиты.

67-я улица. 66-я.

У обоих руки в крови, сердце колотится в горле, но они продолжают бежать. И главное, быстро. Адреналин, мальчишки, бегущие по пятам, заставили заработать второе дыхание. Алиса и Гэбриэл приспособились, бегут дружнее, увереннее. И вот они на пересечении Коламбус-авеню и Бродвея. Улицы уже нет, есть гигантский перекресток, место встречи трех артерий, каждая с четырьмя рядами машин. Едва бросив взгляд, беглецы мигом оценили ситуацию и поняли друг друга.

— Вперед!

Рискуя жизнью, они бросились через перекресток по диагонали под визг тормозов и бурю проклятий.

Восточная часть Бродвея между 65-й и 62-й авеню целиком занята культурным комплексом Линкольн-центра, частью которого является и великолепная «Метрополитен-опера». Алиса подняла глаза, пытаясь сориентироваться. Гигантский многоэтажный корабль из стекла и металла выдвинул острый нос почти до середины улицы.

Алиса узнала Джульярдскую школу. Они когда-то проходили мимо нее с Сеймуром. Фасад прозрачный, а за ним можно рассмотреть балерин у станка или музыкантов, которые репетируют в студиях.

— Подземный паркинг Оперы, — шепнула Алиса, указав подбородком на бетонированный пандус, ведущий под землю.

Гэбриэл одобрительно кивнул. Они углубились в гудроновое нутро, увиливая от машин, которые поднимались наверх, к выходу. Оказавшись на первом этаже стоянки, собрали последние силы и пересекли его, потом поднялись по лестнице и вышли через другой выход — в другом конце квартала, в Дэмроч-парке.

Вновь оказавшись на улице, Алиса с Гэбриэлом с величайшим облегчением убедились, что на этот раз преследователи окончательно отстали.

* * *

Привалившись к ограде, окружавшей эспланаду, Алиса и Гэбриэль пытались отдышаться. Оба были в поту, у обоих кровоточили запястья.

— Давайте сюда телефон! — скомандовала Алиса.

— Щас. Ой! А я его потерял! — воскликнул Гэбриэл, хватаясь за карман.

— Не может быть! Вы...

— Я пошутил, — успокоил он ее и протянул смартфон.

Алиса послала шутнику убийственный взгляд и уже открыла рот, чтобы как следует обругать его, но вдруг застыла. Металлический вкус, головокружение, к горлу подступила тошнота — Алисе пришлось нагнуться над цветочным вазоном и выплюнуть жгучую желчь.

— Хорошо бы вам водички попить.

— А еще лучше поесть.

— Я же говорил, сначала нужно свистнуть хот-дог.

Они осторожно двинулись вперед, добрались до небольшого фонтана и напились из него, наконец-то утолив жажду. Дэмроч-парк, выходящий одним концом на Нью-Йорк-сити Балет, а другим — к стеклянным аркам великолепной «Метрополитен-опера», был переполнен народом, так что внимания на беглецов никто не обратил. Суета. Толкотня. Тут же у ограды рабочие натягивают тенты и готовят подиум для показа мод, который очень скоро начнется.

Алисе стало легче, после того как она попила, она взяла телефон, убедилась, что он не заблокирован, и набрала номер Сеймура.

Дождаясь его ответа, прижала мобильник подбородком к плечу и стала массировать затылок. Сердце билось как сумасшедшее.

«Сеймур, возьми трубку...»

Сеймур Ломбар был ее заместителем в следственно-оперативной группе. Всего «группа Шафер» состояла из пяти человек, и занимали они четыре небольших кабинета на четвертом этаже дома № 36 на набережной Орфевр.

Алиса взглянула на часы, пытаясь сообразить, который теперь в Париже час, учитывая разницу во времени. Двадцать минут третьего.

Полицейский откликнулся после третьего сигнала, но шум голосов, который слышался в трубке, делал разговор затруднительным. Если Сеймур еще не на рабочем месте, значит, он обедает.

— Сеймур?

— Алиса?! Ты где, черт подери? Я послал тебе тучу эсэмэсок!

— Я на Манхэттене.

— Ты... Ты надо мной издеваешься?

— Мне нужна твоя помощь, Сеймур!

— Очень плохо тебя слышу!

Алиса тоже очень плохо его слышала. Связь никудышная. Прерывистая. Голос помощника доходил совершенно непохожим, металлическим...

— Ты где, Сеймур?

— На улице Дофин, обедаю в «Каво дю пале». Слушай, я буду на работе через пять минут и сразу перезвоню. Договорились?

— Договорились. Номер у тебя высветился?

— Да.

— Супер. Не тяни. У меня для тебя работа.

Алиса, совершенно взвинченная, отключилась и протянула мобильник джазисту.

— Если надо позвонить, звоните сейчас. Даю вам пять минут. Действуйте!

Гэбриэл смотрел на нее с неподдельным интересом. Несмотря на все опасности и неприятности, он улыбался. Улыбался и глядел на Алису с легкой насмешкой.

— Вы со всеми говорите приказным тоном?

— Не тяните резину и не трепите мне нервы! — тут же оборвала его Алиса. — Вам нужен телефон или нет?

Гэбриэл взял телефон и на секунду задумался.

— Позвоню-ка я, пожалуй, Кенни Форесту.

— Саксофонисту? Но вы же только что сказали, что он в Токио!

— А вдруг он оставил ключи от квартиры соседям или консьержке? Вы знаете, который сейчас час в Японии? — спросил он, набирая номер.

Алиса посчитала по пальцам.

— Думаю, около десяти вечера.

— Черт! У него как раз концерт!

Разумеется, ответил Гэбриэлу автоответчик, но он оставил сообщение, объяснив, что он в Нью-Йорке, и пообещав перезвонить попозже.

Гэбриэл вернул телефон Алисе. Она не отрывала взгляда от часов.

«Шевелись же, Сеймур!» — молила она про себя, сжимая изо всех сил смартфон. Она уже собиралась снова набрать номер помощника, как вдруг заметила написанные шариковой ручкой цифры у себя на ладони. Еще немного, и они бы совсем стерлись.

Она показала ладонь Гэбриэлу и спросила:

— Это вам что-нибудь говорит?

Он посмотрел: 2125558900.

— Я увидела эти цифры, когда проснулась сегодня утром, но не помню, чтобы я их писала.

— Может, это номер телефона? Дайте-ка подумать. Все! Знаю! — воскликнул Гэбриэл. — 212 — это код Манхэттена. А вы уверены, что на самом деле работаете в полиции?

«Да, действительно. Странно, что я сразу сама не сообразила».

Сарказм спутника Алиса пропустила мимо ушей и набрала номер. Ей тотчас же ответили.

— Гостиница «Гринвич», добрый день. Кэндис к вашим услугам. Чем могу помочь?

«Значит, гостиница?»

Алиса лихорадочно соображала. Почему у нее оказался номер гостиницы? Может, она там остановилась? Предположение маловероятное, но она все же рискнула:

— Могу я поговорить с мисс Алисой Шафер?

Дежурная на ресепшене после недолгого молчания ответила:

— Вынуждена вас огорчить, мэм, но среди наших постояльцев такой не числится.

— Вы уверены?

— Абсолютно, мэм. Мне очень жаль.

Не успела Алиса положить трубку, как на экране появился номер Сеймура. Он звонил уже второй раз. Алиса не дала себе труда поблагодарить собеседницу, отключилась и сразу заговорила со своим помощником.

— Ты у себя, Сеймур?

— Только вошел, — ответил тот, слегка задыхаясь. — Что это еще за история с Нью-Йорком? Надеюсь, ты шутишь?

— К несчастью, нет. У меня очень мало времени, и мне очень нужна твоя помощь.

В нескольких словах Алиса описала все, что с ней произошло со вчерашнего вечера: небольшой праздник с подругами на Елисейских Полях, провал в памяти после того, как она пришла на автостоянку, пробуждение в Централ-парке прикованной наручником к незнакомцу, и, наконец, кража мобильного, чтобы дозвониться ему, Сеймуру.

— Да ну тебя, Алиса! Хватит меня разыгрывать! Нам, ей-богу, сейчас не до развлечений! Работы полно. Тебя хочет видеть судья, он отказал нам в просьбе поставить на слушание дело Сикара. А Таландье...

— Да выслушай же меня, черт побери! — повысила голос Алиса.

На глаза у нее навернулись слезы, нервы явно сдавали. Даже на другом конце Атлантики помощник должен был уловить, как дрогнул у начальницы голос.

— Мне не до шуток! Я в опасности и могу рассчитывать только на тебя!

— Хорошо. Я понял. Успокойся. Почему ты не хочешь обратиться в

полицию?

— Почему? Потому что у меня в кармане куртки чужая пушка, Сеймур. Потому что на блузке у меня пятна крови. Потому что у меня нет никаких документов. Вот почему я и не хочу обращаться в полицию. Меня просто-напросто упекут за решетку и не подумают ни о чем спрашивать.

— Но ведь трупа-то нет, — заметил помощник.

— Я в этом не уверена. И сначала мне надо выяснить, что со мной произошло. А в первую очередь снять с себя наручник.

— Что я могу для тебя сделать?

— У тебя мать американка. У тебя здесь родственники, знакомые...

— Моя мать живет в Сиэтле, ты же знаешь. Из родни в Нью-Йорке только двоюродная бабушка, которой девяносто пять лет. Старушка живет в Верхнем Ист-Сайде, если ты помнишь. Мы ее навещали, когда в первый раз приехали на Манхэттен. Уверяю тебя, у нее нет инструментов для снятия наручников, и она вряд ли сможет тебе чем-то помочь.

— Что же делать?

— Дай немного подумать. Может, придет в голову что-то толковое. Сама понимаешь, до того, как давать тебе какой-то адрес, нужно созвониться с хозяином.

— Согласна, но умоляю, действуй как можно быстрее.

Алиса повесила трубку и сжала кулаки. Гэбриэл посмотрел ей в глаза. Ему передавались вибрации «партнерши», он чувствовал ее гнев, ее отчаяние.

— А кто такой этот ваш Сеймур?

— Мой помощник в группе расследований и мой лучший друг.

— Вы уверены, что ему можно доверять?

— На все сто.

— Я не все понимаю по-французски, но мне показалось, что он не слишком торопится вам помочь.

Алиса ничего не ответила, и он продолжал:

— А гостиница? Там ничего не прояснилось?

— Нет, как вы сами могли слышать, раз слушаете мои разговоры.

— И рад бы не слушать, но не получается. Учитывая обстоятельства, надеюсь, мисс извинит мою нескромность, — насмешливо добавил он. — И как вы любезно напомнили, не я один нахожусь в этом неблагоприятном положении.

Алиса отвернулась, чтобы не смотреть на Кейна. Она была вне себя.

— Хватит меня изучать, — злобно процедила она. — Лучше позвоните! Наверняка вам есть кого предупредить: жену, подругу...

— Некого. Я свободен как ветер. По девушке в каждом порту — вот мой девиз. Я свободен, как музыка, что льется из-под моих пальцев!

— Ясно! Одинок и свободен. Я знаю мужчин такого типа.

— А вы? У вас есть муж или друг?

Она мотнула головой, отменяя вопрос, но Гэбриэл почувствовал, что задел весьма болезненную точку.

— Нет, Алиса, я серьезно: вы замужем?

— Идите к черту, Кейн!

— Я все понял, вы замужем, — сделал он вывод.

Отрицания не последовало, и Гэбриэл ринулся в открывшуюся брешь:

— Так почему же вы не позвонили мужу?

Кулаки Алисы снова сжались.

— Ваша семейная жизнь помахала вам крылышком? Неудивительно! С таким-то характером!

Алиса взглянула на него так, словно он вонзил ей в живот нож и повернул. После короткого молчания с гневом и болью она ответила:

— Потому что моего мужа нет в живых, болван!

* * *

Огорчившись, что допустил такую оплошность, Гэбриэл сделал скорбное лицо, но извиниться и высказать соболезнования не успел — телефон выдал чудовищную трель, что-то вроде сальсы на электрогитаре.

— Слушаю, Сеймур!

— Алиса! Я нашел способ разрешить твою проблему! Помнишь Никки Никовски?

— Напомни, пожалуйста!

— Когда мы приезжали в Нью-Йорк в последний раз, тогда, на Новый год, мы ходили на выставку современных художников...

— В большом доме неподалеку от набережной, да?

— Именно, в квартале Ред-Хук. Там мы долго разговаривали с одной художницей, она делает трафаретную печать на железных и алюминиевых листах.

— В конце концов ты даже купил две ее работы для своей коллекции, — вспомнила Алиса.

— Точно. Эта художница и есть Никки Никовски. Мы с ней поддерживаем отношения, и я только что с ней говорил. У нее мастерская в здании бывшей фабрики и есть инструменты, чтобы избавить тебя от

наручников. Она готова тебе помочь.

У Алисы вырвался вздох облегчения.

Обрадованная замечательной новостью, она тут же изложила помощнику план ближайших действий.

— Тебе тоже придется заняться расследованием, Сеймур! Начни с роликов видеонаблюдения подземной автостоянки на улице Франклина Рузвельта. Узнай, стоит ли там моя машина.

Полицейский перебил:

— Ты сказала, у тебя украли все документы. Я могу попробовать разыскать твой мобильник и узнать, не было ли попыток снять деньги с твоего счета в банке.

— Отлично. Еще узнай, какие частные самолеты вылетали этой ночью из Парижа в Нью-Йорк. Начни с Бурже, а потом просмотри все деловые аэропорты парижского района. Еще собери информацию о Гэбриэле Кейне, пианисте, американском джазисте. Узнай, играл ли он вчера вечером в дублинском клубе «Браун Шуга».

— Информацию об мне? — попытался возмущенно вмешаться Гэбриэл. — Мне кажется, это уже слишком!

Алиса, махнув рукой, приказала ему замолчать и продолжала диктовать порядок действий помощнику.

— Расспроси моих друзей — кто знает, может, тоже что-то подскажут. Карин Пайе, Малика Хадад и Самиа Чуаки. Мы вместе учились на юридическом. Телефоны найдешь в компьютере у меня в кабинете.

— Ладно.

Внезапно Алисе в голову пришла еще одна мысль.

— На всякий случай попробуй, вдруг получится установить происхождение револьвера. «Глок 22», сейчас назову тебе серийный номер.

Алиса назвала сочетание букв и цифр, выгравированных на пистолете.

— Записал. Сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, Алиса. Но мне кажется, нужно предупредить Таландье.

Алиса прикрыла глаза. Мысленно представила себе Матильду Таландье, начальника отдела уголовных расследований. Таландье ее терпеть не могла, и это чувство было взаимным. После «дела Эрика Вога» Матильда не раз пыталась выжить Алису с набережной Орфевр, но начальство ее пока защищало. Не почему-нибудь. Просто не желая создавать лишней шумихи, привлекать прессу. И Алиса прекрасно сознавала, что ее положение на работе шатко и ненадежно.

— И речи быть не может, — отрезала она. — Никому ни слова и занимайся моим делом в одиночку. Я не раз спасала твою репутацию, так

что и ты можешь разок пойти на риск ради меня, Сеймур!

— Ладно, согласен. Я тебе перезвоню, как только будут какие-то новости.

— Я сама тебе позвоню. Этот телефон я оставлять себе не собираюсь. А теперь скинь мне данные Никки Никовски.

Алиса отключилась, и через несколько секунд на экране смартфона появился адрес мастерской художницы. Алиса кликнула карту и постаралась определить, куда им придется держать путь.

— Не скажешь, что Ред-Хук прямо у нас под боком, — заметил Гэбриэл, тоже разглядывая план.

Алиса впиалась глазами в карту и водила по ней пальцем, стараясь как можно лучше запомнить местоположение мастерской. Она находилась в юго-восточной части Бруклина. Пешком им туда не добраться, это уж точно. Впрочем, и на городском транспорте тоже.

— Ни единого цента, так что не заплатить ни за автобус, ни за метро, — вздохнул Гэбриэл, словно бы читая мысли Алисы.

— И что вы предлагаете? — осведомилась она с явным желанием его поддеть.

— Ничего особенного, придется угнать машину, — спокойно сказал он. — Но на этот раз вы позволите совершить кражу мне, хорошо?

* * *

На углу Амстердам-авеню и 61-й стрит между двух жилых домов обнаружился небольшой дворик.

Гэбриэл ударом локтя разбил стекло старенького «Мини Купера». Они с Алисой не пожалели времени, чтобы отыскать машину, которая стояла бы в укромном уголке и была бы не слишком навороченной, чтобы заводиться по старинке.

И вот они нашли двухцветный «Остин Купер S» с темно-коричневым кузовом и белой крышей. Писк моды в конце 60-х, которую какой-то коллекционер любовно восстановил до винтика.

— Вы уверены, что знаете, что делаете? — осведомилась Алиса.

Гэбриэл ушел от прямого ответа.

— В жизни ни в чем нельзя быть уверенным, — дипломатично отозвался он.

Затем просунул руку в разбитое стекло и открыл дверцу. Вопреки общепринятому мнению, распространившемуся благодаря кино, украсть

машину — дело вовсе не плевое. Без ключа зажигания с этим не управиться. А если ты не просто в наручниках, а еще и прикован к кому-то...

Гэбриэл сел на водительское место и склонился над рулем, который блестел алюминием и полированным деревом. Предстояло как-то решать проблему с зажиганием. Алиса оперлась на окно и сделала вид, что ведет с ним беседу.

Не сговариваясь, они мгновенно распределили роли: она встала на караул, он разбирался с мотором.

Гэбриэл поддел пластиковую накладку, которая закрывала доступ к рулевой стойке, и она с сухим треском поддалась. И так, он получил доступ к проводам. Из пластикового цилиндра торчали три пары проводов разного цвета.

— Где вы этому научились?

— Улица научила. Адрес школы — квартал Инглвуд, южная часть Чикаго.

Гэбриэл внимательно рассматривал пучок проводов, стараясь определить, какая пара активирует аккумулятор.

Он показал на два коричневых и сказал:

— Это вот кабель, который питает всю электрическую сеть автомобиля.

— Уж не сплю ли я? Вы что, задумали прочесть мне курс по устройству двигателя?

Обиженный Гэбриэл взял два проводка, зачистил их и соединил. Панель управления сразу ожила.

— Хватит копаться, черт вас побери! Женщина вышла на балкон и, похоже, обратила на нас внимание!

— А вы думаете, легко «копаться» одной рукой! Посмотрел бы я, что вы делали бы на моем месте!

— Да вы только и умеете, что хвастать! Тоже мне уличная школа!

Понукаемый Алисой, пренебрегая всеми правилами безопасности, Гэбриэл зачистил зубами еще одну пару проводков.

— Помогли бы лучше, чем командовать! Возьмите этот проводок и аккуратненько коснитесь моего. Вот так, да...

Проводки соприкоснулись, между ними пробежала искра, и Алиса с Гэбриэлом услышали, что мотор заработал. Обрадованные, они обменялись быстрым взглядом сообщников, празднуя свою маленькую победу.

— А теперь вперед! — распорядилась Алиса, проталкивая Гэбриэла на

соседнее сиденье. — Поведу я!

— Не может быть и ре...

— Это приказ, — оборвала она. — К тому же у нас нет выбора. Я держу руль, вы переключаете скорости.

Одни вещи лучше усваиваются в тишине, другие в бурю.

Уилла Кэсер

Белая с голубым полицейская машина «Форд Таурус» стояла на углу Бродвея и 66-й улицы.

«Ну, Майк! Ну, быстрее же, быстрее!»

За рулем сидела Джоди Кастелло, девушка двадцати четырех лет, и в нетерпении барабанила пальцами.

Она поступила в нью-йоркскую полицию в начале месяца, и работа оказалась совсем не такой увлекательной, как она ожидала. Вот и сейчас она заступила на дежурство всего полчаса назад и уже успела отсидеть ногу. Ее сектором патрулирования был район на запад от Сентрал-парка. Богатый и слишком спокойный, на ее вкус. За две недели работы она только и делала, что объясняла дорогу туристам, гонялась за мелкими воришками, одергивала слишком рьяных автомобилистов и гоняла с тротуаров пьянчужек, надумавших присесть и распить бутылочку.

Да, с районом ей не повезло, но еще больше не повезло с напарником. Не напарник, а сплошное издевательство. Майку Эрнандесу осталось полгода до пенсии, и он уже думать не думал о работе. На работу ему было плевать, он думал только о жратве и делал все возможное, чтобы на его долю никаких неприятностей не перепало. День состоял из «остановочек с гамбургером», «перерывчиков с пончиком», «передышек со стаканчиком кока-колы». При любой возможности Майк точил лясы с торговцами и туристами. Своеобразное, прямо скажем, представление о долге полицейского...

«Ну, хватит уже! Возвращайся! — нервничала Джоди. — Не два же часа покупают пачку печенья!»

Она застегнула китель и вышла из машины, хлопнув дверью. Сейчас она сама пойдет в эту лавочку и вытащит оттуда напарника. И тут она заметила бегущих в ее сторону шестерых подростков.

— *Ladron, ladron!*

Джоди строго приказала им успокоиться, а потом милостиво

согласилась выслушать испанских туристов, которые кое-как объяснялись по-английски. Поначалу она поняла, что речь идет о банальной краже телефона, и собралась отправить их в отделение 20-го округа, с тем чтобы они оставили там заявление. Но тут ее внимание привлекла одна крайне любопытная подробность.

— Ты уверен, что воры были скованы наручниками? — уточнила она у мальчишки, который казался самым сообразительным и в то же время самым неказистым — в майке болельщика команды «Барселона», в очках с толстыми линзами, стриженный под горшок.

— Уверен, — ответил испанец, и его товарищи громкими криками подтвердили его мнение.

Джоди прикусила верхнюю губу.

«Заключенные?»

Трудно в это поверить. Сегодня с утра она, как обычно, изучила сводку, которую рассылают коллеги из главного управления, и там не упоминались ни побеги из тюрьмы, ни другие нарушители, которые напоминали бы эту парочку мошенников.

Но Джоди доверяла своей интуиции и поэтому достала из бардачка цифровой планшет.

— Какой марки у тебя телефон? — спросила она у паренька.

Выслушала ответ и связалась со службой Cloud Computing производителя. Затем попросила подростка дать адрес его электронной почты и сообщить пароль.

Теперь она могла следить за сообщениями пользователя, узнать список его адресатов, а также определить, где находится смартфон. Джоди прекрасно умела пользоваться этой службой. Полгода назад она использовала ее для личных нужд. И очень легко отыскала своего дружка и определила, что тот находится у любовницы. Неверность была доказана. Джоди нажала на встроенную мышь и запустила программу. На экране замигала голубая точка. Судя по ней, телефон паренька сейчас на середине Бруклинского моста.

Как видно, воры не ограничились кражей телефона, они еще и угнали автомобиль. И теперь удирают с Манхэттена!

От радужной перспективы хандру с Джоди как рукой сняло. Наконец-то появилась возможность заняться настоящим делом! А в случае успеха можно надеяться на повышение и более перспективную работу.

По инструкции она должна была бы просто передать полученную информацию коллегам по патрульной службе, и патруль Бруклина задержал бы подозреваемых. Но Джоди вовсе не улыбалось упустить из рук такое

потрясающее дело.

Она взглянула на кондитерскую, где продавались пончики. Майк Эрнандес, как видно, застрял там надолго.

«Тем хуже для него!»

Джоди уселась за руль, включила мигалку, сирену и ринулась в погоню по направлению к Бруклину.

* * *

Бывший квартал докеров, с трех сторон окруженный водой, занимал окончание мыса полуострова в восточной части Бруклина.

«Мини Купер» въехал на Ван-Брант-стрит, главную артерию Ред-Хука, пересекавшую весь квартал с севера на юг и завершавшуюся тупиком. Она упиралась в сетку, которая огороживала промзону, выходящую к набережной.

Алиса и Гэбриэл остановились у выщербленного тротуара.

Из-за проклятых наручников они были вынуждены выбирать из одной дверцы. Солнце ярко сияло, не мешая задувать ледяному ветру.

— Однако, холодрыга! — пожаловался джазист, поднимая воротник куртки.

Приглядевшись, Алиса узнала район, в котором они оказались. Куда ни глянь — индустриальный пейзаж: используемые не по назначению склады, кордебалет подъемных кранов, плоскодонки в соседстве с баржами.

Ощущение края света, и ему в помощь — фунтики дыма из дальних труб.

Они здесь были с Сеймуром. Тогда квартал еще не опомнился после урагана «Сэнди». Вода затопила все подвалы и первые этажи зданий, которые стояли в опасной близости к океану. Сейчас, похоже, все уже успели привести в порядок.

— Мастерская Никки Никовски вот в том доме, — показала Алиса на величественную постройку из кирпича. Судя по башенкам и трубам, это была процветающая фабрика во времена промышленного расцвета Бруклина.

Они двинулись к зданию, стоящему прямо напротив моря. Набережная была почти пуста. Ни прохожих, ни туристов. Несколько маленьких кафе и небольших магазинчиков выстроились вдоль Ван-Брант-стрит, но сейчас все еще были закрыты.

— Так кто эта женщина, к которой мы идем? — спросил Гэбриэл,

перешагивая через канализационную трубу.

— Топ-модель, чья известность пришла на девяностые.

В глазах джазмена зажегся огонек любопытства.

— Неужели настоящая модель?

— Немного же вам надо, чтобы воспламениться, — заметила Алиса, и в голосе ее послышался упрек.

— Меня удивило, как резко она поменяла курс, — объяснил он, впрочем несколько смутившись.

— Как бы там ни было, но ее картины и скульптуры стали ценить галеристы.

— Ваш друг Сеймур любитель современного искусства?

— Да. И не просто любитель, а серьезный коллекционер. Он унаследовал эту страсть от отца вместе с солидным состоянием, благодаря которому продолжает ей служить.

— А вы?

Алиса пожала плечами:

— Я ничего не смыслю в искусстве. Каждому свое, но по части страсти к охоте я, пожалуй, ему не уступлю.

— И в какой же области?

— Моя дичь — преступники и убийцы.

Оказавшись у бывшей фабрики, они на секунду застыли в растерянности перед железной дверью, ведущей в дом, но тут же обнаружили, что она не заперта. Вошли в лифт, похожий на металлическую клетку, нажали кнопку последнего этажа. Кабинка открылась на бетонированной площадке, и они подошли к единственной на ней тяжелой металлической двери. Пришлось позвонить не один раз, прежде чем дверь открылась.

На пороге — Никки в большом кожаном фартуке, толстых перчатках, в шлеме, защищающем уши от шума, темных очках и защитной маске. В таком виде предстала перед гостями хозяйка. Точеная фигура бывшей манекенщицы совсем не угадывалась под спецодеждой кузнечных дел мастера.

— Добрый день! Меня зовут Алиса Шафер. Мой друг Сеймур, вероятно...

— Входите быстрее! — оборвала ее Никки, приподнимая маску вместе с темными очками. — Предупреждаю, мне нет дела до ваших историй, и я не хочу быть в них замешанной. Я избавляю вас от наручников, и вы сразу же сваливаете. Ясно?

Гости согласно закивали, и хозяйка закрыла за ними дверь.

Мастерская тоже больше походила на кузню, чем на мастерскую художника. Огромное помещение, освещенное лампами дневного света, было увешано всевозможными инструментами. Чего тут только не было: молот и маленькие молоточки, сварочный аппарат, паяльная лампа, газовый резак... В горне пламенели угли, бросая алые отсветы на наковальню и кочергу.

Гости последовали за Никки, с трудом пробираясь между металлическими конструкциями, загромоздившими все пространство. Трафаретная печать на металле отливала пурпурными и охристыми бликами. Скульптуры из ржавого железа своими острыми верхушками грозили проткнуть потолок.

— Садитесь вот здесь, — распорядилась скульпторша, указав на два продавленных стула по сторонам верстака, которые она потрудились достать, дожидаясь прихода гостей.

Торопясь как можно скорее оказаться на свободе, Алиса и Гэбриэл поспешно заняли места. Никки вставила диск в болгарку и попросила зажать цепь наручников тисками на верстаке. Затем она включила пилу, которая яростно взревела, и подошла к гостям.

Диск справился с цепью в две секунды, и пленники наконец-то освободились друг от друга. Несколько ударов долотом заставили поддаться замки на металлических браслетах.

«Наконец-то!» — вздохнула про себя Алиса, разминая опухшую, всю в ссадинах кисть.

Она начала было благодарить скульпторшу, но Никовски сухо ее прервала.

— Теперь марш отсюда! — произнесла она, указывая на дверь.

И счастливые обретенной свободой, гости покинули мастерскую.

* * *

И вот Алиса с Гэбриэлом снова на набережной, и на устах у обоих счастливая улыбка. Освобождение не помогло им прояснить ситуацию, но зато какой это важный этап! Каждый вновь обрел самостоятельность, и сделан первый шаг к выяснению истины.

Они шли вдоль заброшенных доков, наслаждаясь ощущением невероятной легкости. Им казалось, что они сбросили тяжелейший груз. Даже ветер потеплел. Но пустыри, заброшенные ангары и склады на фоне безмятежной небесной синевы не стали милее. Зато какой волшебный вид

открывался на залив! Взгляд обнимал его весь целиком — от нью-йоркской статуи Свободы до Нью-Джерси.

— Пошли. Угощу вас чашкой капучино, — предложил Гэбриэл, весело указывая на маленькое кафе, расположившееся в старом вагончике трамвая, расписанном граффити.

Алиса тут же облила весельчака ушатом холодной воды.

— И чем будете платить? Или тоже украдете?

Гэбриэл сник, вернувшись с небес на землю. Потом пощупал предплечье. Боль, которую он чувствовал проснувшись, теперь усилилась.

Он снял куртку. На рукаве рубашки виднелись пятна крови. Он закатал рукав и увидел повязку. Широкий бинт побурел от засохшей крови. Гэбриэл снял повязку и увидел, что рука вся изранена, и ранки сразу же начали кровоточить. Похоже, что руку ему изрезали бритвой, но, по счастью, порезы были неглубокими. Однако кровоточащие царапины были нанесены не просто так...

— Да это же цифры! — воскликнула Алиса, помогая Гэбриэлу промокнуть сочащуюся кровь.

На коже отчетливо вырисовывалось число 141197, написанное кровоточащими насечками.

Лицо Гэбриэла мгновенно изменилось. Только что он сиял, радуясь обретенной свободе, теперь им снова владели раздражение и беспокойство.

— Это что еще за мерзость? Честное слово, вся эта фантаσμαгория начинает действовать мне на нервы!

— Во всяком случае, это не номер телефона, — мрачно проговорила Алиса.

— Может, дата? — высказал предположение Гэбриэл, снова натягивая куртку.

— 14 ноября 1997 года... Что ж, может быть...

Гэбриэл постарался поймать взгляд француженки.

— Послушайте, не можем же мы и дальше странствовать без денег и документов.

— И что вы предлагаете? Пойти навестить полицию и сказать, что вы украли машину?

— Первая кража за вами!

— Ах, вот оно что! Да-а, смелости вам не занимать. Вот что значит настоящий джентльмен! И как все просто, я не я, и лошадь не моя.

Гэбриэл сделал над собой усилие и не стал вступать в перепалку.

— Я знаю одного парня в китайском квартале, он дает деньги под заклад. К нему обращаются наши ребята-музыканты, когда доходит до края

и приходится закладывать инструмент.

Алиса почувствовала какой-то подвох.

— И что же вы намерены заложить? Свое пианино?

Гэбриэл криво усмехнулся и взглянул на запястье парижанки.

— Единственная вещь, которая у нас есть, это...

Алиса отпрянула.

— И не мечтай! Даже в самом страшном сне я не...

— Погодите! Это ведь «Патек Филипп», так ведь? За ваши часы можно получить по крайней мере...

— Я сказала — нет! — повысила голос Алиса. — Это часы моего мужа!

— А что у нас есть еще? Ничего. Кроме чужого мобильного.

Увидев, что Гэбриэл трясет смартфоном, который он достал из кармана, Алиса чуть не придушила своего спутника.

— Телефон все еще у вас?! Я же сказала вам его выкинуть!

— И речи быть не может! Он слишком тяжело нам достался, и это наше единственное достояние. Он нам еще послужит.

— Нас с ним засекут в две минуты! Вы что, никогда не читали детективов? Не смотрели кино?!

— Смотрел, успокойтесь. Но мы же не в кино.

Алиса открыла было рот, чтобы обругать олуха как следует, но остановилась и прислушалась. Ветер донес характерный завывающий звук полицейской сирены. Она повернула голову и увидела, что полицейская машина стоит на светофоре. Погас красный, и машина с крутящейся мигалкой и сиреной двинулась в их сторону.

* * *

— Бежим! — крикнула Алиса, хватая Гэбриэла за руку.

Они рванули к «Мини Куперу». Алиса скользнула на сиденье и включила зажигание. Ван-Брант-стрит заканчивалась тупиком, полицейская машина за спиной лишала их возможности ехать тем же путем, каким они приехали.

«Придется напролом!»

Выход один — решетчатые ворота, через которые можно попасть на набережную. Но они заперты на цепь.

«Другого выхода нет!»

— Пристегните ремень! — скомандовала Алиса и рванула так, что

колеса взвизгнули.

Вцепившись в руль, Алиса направила «Мини Купер» на предельной скорости прямо между двух створок. Цепь с лязгом поддалась, и они вылетели на трамвайную линию, которая в давние времена окружала завод.

Гэбриэл открыл окно и выбросил мобильник.

— Несколько поздногато, — сообщила Алиса, испепеляя его взглядом.

Алиса сидела так низко, что ей казалось, она ведет не настоящую машину, а игрушечную. Из-за маленьких колес и длинного корпуса «Мини Купер» на неровной поверхности набережной трясся и подпрыгивал.

Зеркало заднего видения сообщило, что полицейская машина сидит у них на хвосте. Алиса гнала по набережной вдоль моря и вдруг заметила улочку, уходящую вправо. И мигом туда свернула. Асфальт под колесами позволил ей увеличить скорость до предельной, и они помчались на север.

К этому времени движение в Бруклине становится все плотнее и плотнее.

Алиса дважды проехала на красный свет, рискуя спровоцировать аварию, но от полицейской машины не оторвалась, та по-прежнему висела на хвосте, тоже прибавив скорость.

По части удобства «Мини Купер» был не самым лучшим вариантом, но с дорогой справлялся неплохо. Алиса на полном ходу сделала резкий поворот, собираясь вернуться на главную артерию квартала.

И тут в зеркало заметила, что грозный «Таурус» совсем близко.

— Они уже прямо за нами! — запаниковал Гэбриэл, обернувшись.

Алиса подумала, не нырнуть ли ей в туннель, который ведет к скоростной автостраде. Искушение слиться с потоком машин было велико, но на скоростной автостраде «Мини Купер» уж точно не выдержать конкуренции с восемью лошадиными силами преследователя.

Алиса снова положилась на интуицию. Притормозила и резким поворотом руля выбросила машину на дорожку, которой пользуются рабочие-аварийщики, чтобы попасть на крышу подземного перехода.

— Решили нас прикончить? — рявкнул Гэбриэл, вцепившись в ремень безопасности.

Одной рукой держа руль, другой преключая скорости, Алиса проехала метров двадцать по гравию. Машина уже начала вязнуть, но тут Алисе удалось въехать на бетонированную полосу, которая ведет к кварталу Коббл-Хилл.

«Еще немного, и...»

Руль влево, потом вправо, прибавить скорость, потом сбросить, и вот машина вырулила на торговую улицу с ярко раскрашенными

магазинчиками: мясная лавка, итальянская бакалея, кондитерская и даже парикмахер, готовый побрить и постричь!

«Слишком людно!»

Преследователь по-прежнему маячил сзади. Пользуясь маневренностью «Мини Купера», Алиса виляла между машин и наконец свернула с этой слишком людной улицы и покатила по жилому кварталу.

* * *

Пейзаж вокруг изменился. Фабрично-заводская промзона Ред-Хука уступила место мирному пригородному кварталу: небольшая церковка, маленькая школа, садики перед чередой одинаковых красных кирпичных домиков.

Улица была узкой, но Алиса не снижала скорости. По-прежнему давила на газ, пригнувшись к ветровому стеклу, одержимая только одной мыслью.

За стеклом проносилась улица. Всякий раз, как Алиса меняла направление, корпус машины издавал резкий треск, и казалось, что она вот-вот развалится.

Они миновали какой-то проулок, Алиса резко притормозила, подала назад и, вновь прибавив скорость, въехала в него.

— Сюда нельзя! Здесь одностороннее движение!

Мало этого! На середине дороги остановился фургон и заблокировал движение.

— Тормозите! Мы сейчас врежемся в грузовик UPS!

Алиса будто не слышала предупреждений, наоборот, прибавила скорость и выскочила на тротуар. Старенькие амортизаторы не выдержали и сдохли. Выключив клаксон, Алиса мчалась по тротуару. Глянув в зеркало заднего вида, она убедилась, что полицейская машина, не имея возможности ехать по тротуару, уперлась носом в стоящий грузовик.

«Несколько секунд передышки!»

Маленькая машинка продолжала нестись по тротуару, но в конце концов, резко вильнув вправо, съехала на мостовую.

Теперь перед ними за литой решеткой виднелся английский парк Коббл-Хилл.

— Вы знаете, где мы находимся? — спросила Алиса, сбавив скорость, когда они подъехали к ограде парка и поехали вдоль нее.

Гэбриэл принялся читать дорожные указатели.

— Сверните налево, и мы попадем на Атлантик-авеню.

Алиса последовала его указанию, и они выехали на четырехполосную магистраль, которая пересекает Нью-Йорк с востока на запад, начинаясь от аэропорта Джона Кеннеди и заканчиваясь на берегу Ист-ривер. Алиса тут же узнала огромный проспект. Они с Сеймуром проезжали здесь на такси, направляясь в аэропорт.

— Мы ведь где-то неподалеку от Манхэттенского моста? Я не ошиблась?

— Он у нас за спиной.

Она повернула на съезд. Вскоре они добрались до развязки, через которую шла автострада в Манхэттен. Вдалеке виднелись серые пилоны подвесного моста. Две металлические башни, соединенные сплетением проводов и тросов.

— Опять позади нас!

Полицейская машина вновь следовала за ними.

«Слишком поздно! Направление не поменять!»

Теперь у них было два варианта: или двигаться по направлению к Лонг-Айленду, или возвращаться в Манхэттен. Они выбрали въезд 29А, который вел на мост. Семь полос для автомашин, четыре — для поездов метро и одна — для велосипедистов. Манхэттенский мост, словно огромный людоед, поглощал людей и транспорт Бруклина, чтобы выплюнуть их на берегу Ист-ривер.

Внезапно шоссе сузилось. Чтобы въехать на мост, нужно было сделать петлю по неширокой асфальтовой дороге. Естественно, сразу возникла пробка. Автомобили ползли бампер к бамперу. Завязнув в пробке, Алиса зажгла фары, как зажгли их все остальные. Полиция ползла метрах в ста за ними. Напрасно завывала сирена. Этот участок дороги настолько узкий, что машинам было просто некуда податься и освободить для них путь. Но и у беглецов не было возможности хоть куда-нибудь улизнуть.

— Попались, — вздохнул Гэбриэл.

— Пока нет. Мы еще можем проехать по мосту.

— Да ладно! Подумайте сами, мало того что у них уже есть наши приметы, теперь они знают, на какой мы машине. Даже если нам удастся проехать мост, на выезде нас примет другой патруль!

— А сбавить тон можно? Напоминаю, что засекли нас из-за вас. Я же сказала, что телефон нужно выбросить.

— Возразить нечего, виноват.

Алиса на секунду прикрыла глаза. Нет, она не думала, что у полиции есть их приметы, да это, по сути, и не важно. Кейн прав, полиция знает их

машину. Машина — вот главная проблема.

— Вы совершенно правы, — признала Алиса, открыв глаза.

Видя, что впереди автомобили движутся уже чуть живее, она отстегнула ремень и открыла дверцу.

— Садитесь за руль, — распорядилась она, посмотрев на Гэбриэла.

— Вы сказали, я прав. А в каком, собственно, смысле?

— Наша таратайка привлекает внимание. Сейчас попытаюсь это исправить.

Недоумевая, Гэбриэл занял место за рулем. На въезде, который шел вверх и вел непосредственно к мосту, машины уже двигались, но черепашным шагом. Гэбриэл прищурился, следя за Алисой и стараясь не потерять ее из виду. Способности этой женщины не переставали его изумлять. Алиса пробиралась между медленно движущимися машинами. И вдруг! Гэбриэла прошиб холодный пот. Алиса вытащила из-под куртки револьвер. Она стояла возле «Хонды». Старенькой «Хонды» бежевого цвета.

«Машина господина Как-у-всех», — тотчас сообразил Гэбриэл.

Зажав револьвер в руке, Алиса направила дуло в окно. Женщина, сидевшая за рулем, выскочила, не ожидая продолжения. До смерти перепуганная, она поспешно кинулась к барьеру, ограждавшему дорогу, перелезла через него и побежала вниз по откосу.

Гэбриэл присвистнул от восхищения. Обернулся посмотреть, где находится полиция. Копы стояли внизу, у начала подъема. На таком расстоянии они ничего не могли увидеть.

Гэбриэл выскочил из «Мини Купера» и пересел к Алисе в «Хонду». Как раз вовремя. Они выехали на мост.

* * *

Гэбриэл подмигнул Алисе и, чтобы разрядить напряжение, пошутил:

— А я-то уже привязался к крошке англичанке! Она куда шустрее этой калоши!

Но Алисе было не до шуток, лицо ее стало каменным.

— Вместо того чтобы валять дурака, загляните лучше в бардачок.

Гэбриэл послушно открыл бардачок и обнаружил там то, чего ему больше всего не хватало с раннего утра, — пачку сигарет и зажигалку.

— Вот подарок так подарок, — сказал он, закуривая.

Сделал две длинные затяжки и протянул сигарету Алисе. Не отпуская

руля, она тоже затянулась. От табачного дыма сразу закружилась голова. Непременно нужно что-то съесть, иначе и в обморок упасть недолго.

Алиса открыла окно и глотнула свежего воздуха. Справа тысячами огней сияли небоскребы Мидтауна, а слева ряды жилых домов Нижнего Ист-Сайда, они напомнили ей описания из старых детективов, которые так любил ее муж Поль.

«Поль...»

Алиса не позволила себе углубляться в воспоминания и глянула на часы. Прошло уже больше часа с тех пор, как они — неведомо по какой причине — проснулись в парке. С тех пор расследование не продвинулось ни на шаг. Тайна по-прежнему оставалась тайной, а вопросов только прибавилось. Да и положение их стало еще более уязвимым и опасным.

Ситуацию нужно было прояснить как можно быстрее. Ее спутник прав, без денег они ничего не смогут сделать.

— Говорите адрес вашего ростовщика, — распорядилась Алиса, как только они оказались на Манхэттене.

Стареть — значит больше не бояться прошлого.

Стефан Цвейг

Автомобиль пересек улицу Бауэри и повернул к Мотт-стрит. Алиса нашла местечко для парковки возле лавки, где продавались китайские лекарственные травы. Узковатое местечко, но ей удалось безупречно вписаться между «Газелью» и фуд-траком, продающим димсам.

— Если память мне не изменяет, ростовщик живет чуть подальше, вниз по улице, — уточнил Гэбриэл, хлопнув дверцей «Хонды».

Алиса заперла машину и двинулась вслед за ним.

Они спешили и шли очень быстро по главной артерии квартала. Мотт-стрит — узкая улица, всегда оживленная, всегда бурлящая народом. Она похожа на коридор между жилыми домами из темного кирпича с пожарными лестницами и пересекает весь китайский квартал с севера на юг.

Для пешеходов — это бесконечная череда лавчонок с самыми разнообразными витринами и вывесками, тут и салон тату и акупунктуры, тут и украшения, тут и фальшивые предметы роскоши, бакалейные магазинчики, кулинарии с выставленными черепаховыми панцирями и связками уток лаке на шестах.

Довольно скоро Алиса с Гэбриэлом добрались до дома с серым фасадом, на котором красовался гигантский неоновый дракон. Вывеска «Ломбард. Покупка. Продажа. Кредит» мигала в сером утреннем свете.

Гэбриэл толкнул дверь и вошел. Алиса за ним. Сумрачный коридор привел их в довольно большую комнату без окон, освещенную тусклым светом. Прогоркло пахло затхлостью.

На металлических полках стеллажа вдоль стены теснились самые неожиданные вещи. Телевизор с плоским экраном соседствовал с дорогой дамской сумочкой, музыкальные инструменты — с чучелами зверей и абстрактными картинами.

— Ваши часы, — проговорил Гэбриэл и протянул руку.

Алиса застыла у стены, охваченная сомнениями. После смерти мужа она поспешно избавилась от всех вещей, которые напоминали о том, кого

она так любила. Рассталась с его одеждой, книгами, даже с мебелью. Теперь у нее остались только его часы, «Патек Филипп», червонного золота с календарем, показывающим фазы луны. Полю они достались от бабушки.

Мало-помалу часы стали ее талисманом, зримой связью с ушедшим мужем. Алиса надевала их каждый день, повторяя движения, которые каждое утро делал Поль, — надевала на запястье кожаный браслет, подтягивала его, застегивала, заводила часы, протирала циферблат.

Часы действовали на Алису успокаивающе, приносили ощущение, пускай обманчивое, что Поль все еще с ней, что он где-то рядом...

— Прошу вас, — настойчиво напомнил Гэбриэл.

Они двинулись к стойке-витрине, защищенной армированным стеклом, за которой стоял молодой китаец, очень ухоженный, с внешностью андрогина: модельная стрижка, гиковские очки, джинсы в обтяжку, распахнутая узкая куртка и футболка с флуоресцентным рисунком Кита Харинга.

— Чем могу быть полезен? — осведомился китаец, заправляя длинную прядь за ухо.

Стильный, холеный, он словно бы подчеркивал грязь и убогость окружающей обстановки. Алиса скрепя сердце сняла часы и положила на стойку.

— Сколько?

Ростовщик взял бесценные часы и внимательнейшим образом их осмотрел.

— У вас есть документ, подтверждающий их подлинность? Сертификат фирмы? — осведомился он.

— Не при себе, — отозвалась молодая женщина, не глядя на него.

Китаец продолжил знакомство с хронометром, подвигал стрелки, покрутил колесико завода.

— Осторожнее, часы очень хрупкие! — вскинулась молодая женщина.

— Я исправил дату и время, — ответил китаец, подняв голову.

— Исправили? Ну и оставьте их в покое! Говорите, берете или нет?

— Я могу предложить вам за них пятьсот долларов, — сказал китаец.

— Вы что, больной?! — взорвалась Алиса, забирая часы со стойки. —

Они коллекционные! Стоят в тысячу раз больше!

Она уже пошла к выходу, но Гэбриэл удержал ее за рукав.

— Прошу вас, давайте поспокойнее, — попросил он, отводя Алису в сторону. — Вы же не продаете часы вашего мужа, понимаете? Просто-напросто отдаете их в залог. Мы их сразу же выкупим, как только все у нас наладится.

Алиса, не соглашаясь, покачала головой.

— Не может быть и речи. Будем искать другое решение.

— У нас нет другого решения, и вы это прекрасно знаете, — отчеканил Гэбриэл, повысив голос. — Послушайте! Время не ждет. Нам нужно хоть что-то поесть, чтобы восстановить силы. Мы ничего не сможем предпринять без единого цента в кармане. Подождите меня здесь и дайте мне возможность поторговаться с этим типом.

С неизъяснимой горечью в душе Алиса протянула Гэбриэлу часы-браслет и вышла из лавочки.

Стоило ей выйти на улицу, как у нее перехватило дух от острого запаха пряностей, копченой рыбы, тушеных грибов. А еще несколько минут назад она ничего этого не замечала. Внутренности у нее резко скрутило, и она вынуждена была наклониться над урной и опять выплюнуть едкую горькую желчь, которую выделил пустой желудок. Выпрямившись, Алиса прислонилась к стене, пытаясь справиться с головокружением.

Гэбриэл прав. Необходимо хоть как-то подкрепить силы.

Алиса протерла глаза и с удивлением обнаружила, что по щекам у нее текут слезы. Ноги ослабли, колени подламывались. Ей было очень плохо на этой ароматной улице, того и гляди потеряешь сознание. Сейчас она начала расплачиваться за сверхусилия этого утра. Распухшее запястье горело как в огне, мышцы руки болели.

Но главным было не это. Одиночество, неприкаянность — вот что больше всего угнетало молодую женщину. Она была одна — и в отчаянии.

Ослепительные вспышки воспоминаний загорались у нее в мозгу. Расставание с часами оживило мучительное для нее прошлое. Оно вернуло ей Поля. Их первую встречу. Ее безоглядную влюбленность. Ее ослепление. Счастье. Неистовую любовь, дававшую ей силы преодолевать любые страхи.

Воспоминания потекли потоком. Забили гейзером.

Воспоминания о счастливых днях, которые никогда не вернуться.

Я вспоминаю...

Три года назад

Париж

Ноябрь 2010

Потоки воды, дождь льет как из ведра.

— Поворачивай направо, Сеймур, это и есть улица Святого Фомы Аквинского.

Дворники работали изо всех сил, стараясь справиться с ливнем, который обрушился на Париж. Несмотря на работу резиновых лап, полупрозрачный занавес почти тотчас же снова опускался на ветровое стекло.

Наша машина свернула с бульвара Сен-Жермен на узкую улицу, которая привела к площади с церковью.

Черные тучи затянули небо. Со вчерашнего вечера бушевала гроза, заливая Париж дождем. Казалось, что заодно размылось и все, что мы видели вокруг. Фасад церкви тонул в тумане. Серая пелена скрыла барельефы, спрятала каменную резьбу. Меж водяных струй виднелись лишь каменные ангелы по углам.

Сеймур объехал маленькую площадь и припарковался возле магазина прямо напротив гинекологического кабинета.

— Как думаешь, это надолго? — спросил он меня.

— Минут на двадцать, не больше. Врач подтвердила мне время приема по электронке. А я ее заранее предупредила, что заеду во время работы.

Сеймур взглянул на экран телефона, выясняя, какие получил сообщения.

— Слушай, тут неподалеку есть пивной бар. Я съезжу туда и куплю себе сэндвич, пока буду тебя ждать. Заодно позвоню на работу и узнаю, как дела у Савиньона и Крюши. Может, появилось что-то новенькое после допроса.

— О'кей. Сбрось мне эсэмэску, если будут новости. До скорого и спасибо, что проводил, — сказала я и вылезла из машины.

И сразу на меня обрушились потоки воды. Я натянула на голову куртку, стараясь хоть как-то защититься от дождя, и бегом пробежала десять метров, которые отделяли машину от гинекологического кабинета. Впустили меня сразу, и секунды ждать не пришлось. Войдя в холл, я увидела, что секретарша болтает по телефону. Полуулыбкой она извинилась передо мной и указала на дверь приемной. Я вошла и уселась в кожаное кресло.

С самого утра я жила в полном кошмаре — замучил цистит. И, надо сказать, острейший. Беда да и только. Больно, противно, каждые пять минут тянет в туалет, а писать-то как больно! И страшно становится, когда видишь кровь в моче.

Между нами говоря, только цистита мне сейчас и не хватало! Его одного, голубчика! Последние сутки моя группа работала на разрыв. Мы

потели на допросах убийцы, добиваясь от него чистосердечного признания, потому что улики явно не хватало. А тут свалилось еще одно убийство.

Убитую, молодую женщину, нашли в ее квартире по адресу улица Фэзандри, в 16-м округе. Учительница начальной школы была зверски задушена чулком. Время уже шло к трем, а мы с Сеймуром работали на месте преступления с семи утра. Сами расспрашивали всех соседей, сами обошли все окрестности дома. Я ничего не ела, меня тошнило, а каждая попытка пописать — будто ножом режут.

Я достала из сумочки пудреницу, которую всегда ношу с собой, поглядела в зеркальце и попыталась хоть немного причесаться. Я была похожа на зомби, насквозь промокла, и мне казалось, что от меня несет псиной.

Я постаралась дышать поглубже, чтобы хоть немного успокоиться. От цистита я страдаю не в первый раз. Правда, сейчас прихватило совсем уж сурово. Но как бы паршиво ни было, я прекрасно знала: попьешь денек лекарство, и все как рукой снимет. Я так и собиралась сделать, сразу пошла в аптеку напротив дома. Но фармацевт заупрямился, ему, видите ли, нужен рецепт. Тоже мне формалист проклятый!

— Мадемуазель Шафер?

Услышав мужской голос, я подняла голову от пудреницы и взглянула на человека в белом халате. Вместо моей врачихи передо мной стоял красавец с крупным лицом, матовой кожей, вьющимися светлыми волосами и смеющимися глазами.

— Доктор Поль Малори, — представился он и поправил на носу очки в черепаховой оправе.

— Но мне назначено на прием к доктору Понселе...

— Моя коллега в отпуске. Разве она не предупредила вас, что я ее замещаю?

Я занервничала.

— Нет, не предупредила. Наоборот, подтвердила по электронной почте, что примет меня.

Я достала телефон и стала искать сообщение своей докторши в качестве подтверждения. Но когда перечитала, обнаружила, что парень прав. Кроме готовности принять меня в такой-то час, там еще говорилось, что моя врачиха в отпуске.

«Вот черт!»

— Проходите, — мягко пригласил он меня.

Честно говоря, я была не готова и колебалась. Я слишком хорошо знаю мужиков, чтобы пожелать себе мужика в качестве гинеколога. У меня не

было никаких сомнений, что женщина женщину поймет гораздо лучше. Особенно в интимных, чувствительных, психологически некомфортных ситуациях. В общем, меня все это напрягло, но я вошла в кабинет, решив свести свой визит к минимуму. И сразу взяла быка за рога:

— Я вас не задержу, доктор, мне нужен всего-навсего рецепт на антибиотик от цистита. Обычно доктор Понселе выписывала мне...

Доктор посмотрел на меня, нахмутив брови, и оборвал мою тираду:

— Простите, но мне кажется, что вы готовы даже рецепт выписать вместо меня. Надеюсь, вы понимаете, что я не могу выписать вам лекарство, даже не осмотрев?

Понимая, что все идет не по моему сценарию, я страшно разозлилась, но постаралась взять себя в руки.

— Я же сказала, у меня хронический цистит. Никаких других диагнозов быть не может!

— Нисколько не сомневаюсь, мадемуазель, но лечащий врач здесь я.

— Разумеется, я не врач, а полицейский детектив, но у меня работы выше крыши. Прошу вас, не заставляйте меня тратить время на дурацкие обследования, которые займут кучу времени!

— И тем не менее придется их пройти, — отрубил он, протягивая мне контейнер для мочи. — И еще вы сдадите в лаборатории цитобактериологический анализ.

— Простите! Но может, вы не будете упираться, а? Пропишите мне антибиотик, и мы покончим с этим делом!

— Что вы заикнулись на антибиотике? На свете много разных лекарств. Не упрямитесь, давайте вести себя разумно.

Внезапно я почувствовала, до чего устала и какая я бестолковая дура. Низ живота снова скрутило болью. Утомление, которое копилось во мне с того самого дня, когда меня назначили руководителем опергруппой, нахлынуло на меня, словно лава вулкана. На меня навалились все бессонные ночи, ужасы, страхи, призраки, которых невозможно прогнать.

Я чувствовала, что я на грани срыва, опустошена, обессилена. Что мне нужно солнце, горячая ванна, новая стрижка, более женственная одежда и две недели отдыха подальше от Парижа. Подальше от самой себя.

Я смотрела на доктора. Элегантный, ухоженный, спокойный. Красивое лицо дышит доброжелательностью, на губах ласковая улыбка. И чарующая. А его светлые волнистые волосы меня просто заворожили. И какие чудесные морщинки бегут у него от глаз к виску. А я такая уродина. И к тому же идиотка. Дура, которая пришла жаловаться на проблемы с мочевым пузырем.

— Вы достаточно пьете воды? — стал расспрашивать он меня. — Имейте в виду, что циститы часто излечиваются, если пить по два литра воды в день.

Я его не слушала. У меня есть одно полезное свойство: упадническое настроение если и приходит, то тут же и улетучивается.

В голове вспышками загорались картины. Труп женщины на месте преступления, где мы работали сегодня утром. Клара Матюрэн, варварски удушенная нейлоновым чулком. Ее выкатившиеся глаза. Лицо, искаженное ужасом. Я не имею права терять время. Не имею права расслабляться. Я должна найти убийцу до того, как он совершит новое преступление.

— А лечение травами? — задал новый вопрос красавец-блондин. — Вы знаете, что травы могут совершать чудеса? В вашем случае, например, очень помогает клюквенный сок.

Я резко и совершенно неожиданно для него встала, взяла с его письменного стола блок рецептов и оторвала один.

— Вы совершенно правы, я сама выпишу себе рецепт.

Он был так обескуражен, что пальцем не шевельнул, чтобы мне помешать.

Я развернулась на сто восемьдесят градусов и вышла, хлопнув дверью.

* * *

Париж, 10-й округ

Месяцем позже

Декабрь 2010

7 часов утра

«Ауди» выезжает в потемках на площадь Колонель-Фабьен. Городские огни отражаются в окнах красивого здания из стекла и бетона, главной резиденции Коммунистической партии. Холод адский. Я включила отопление и объехала вокруг площади, собираясь свернуть на улицу Луи-Блан. Переезжая через канал Сен-Мартен, включила радио.

— *Новости Франции. Семь часов утра. В студии Бернар Томассон.*

— *Здравствуйте, Флоранс, здравствуйте все. Похоже, что накануне праздника Рождества главной новостью будет непогода. Метеорологическая служба Франции только что предупредила о снежной буре, которая собирается обрушиться на Париж ближе к полудню. Снег сильно помешает движению на дорогах области Иль-де-Франс...*

Черт бы побрал это Рождество! Черт бы побрал семейные обязательства! Какое счастье, что Рождество бывает только раз в году. Но для меня и одного раза слишком много.

В этот ранний час в Париже еще тихо и спокойно, о буране только объявили по радио. Но ждать его осталось недолго. Воспользовавшись полупустыми улицами, я мчусь мимо Восточного вокзала, сворачиваю на бульвар Мажента и пересекаю весь десятый округ с севера на юг.

Ненавижу мать, ненавижу сестру, ненавижу брата. Ненавижу ежегодные семейные встречи, которые всегда превращаются для меня в кошмар. Береника, моя младшая сестра, живет в Лондоне. У нее там художественная галерея на Нью-Бонд-стрит. Фабрис, старший брат, финансист, работает в Сингапуре. Каждый год он с супругой и детишками приезжает на два дня на виллу матери возле Бордо, чтобы встретиться с ней. Новый год, а потом отправляется дальше, в более солнечные и экзотические страны — на Мальдивы, остров Морис, Карибы.

— (...) Метеослужба рекомендует не пользоваться автомобилями в Париже и его окрестностях, а так же в департаментах, которые прилегают к столице с запада. Хотя трудно предположить, что кто-то будет осторожничать в этот предпраздничный день. Городские власти выражают также озабоченность, опасаясь не только снега, но и гололеда вечером на дорогах, так как температура обещает быть ниже нуля.

Улица Реомюр, затем улица Бобур. Я пересекаю Марэ с запада и выезжаю на площадь Ратуши, которая сверкает огнями иллюминации. Вдалеке на темном еще небе вырисовываются массивные башни собора Нотр-Дам.

И в этот год, как во все предыдущие, я буду зрителем и участницей все того же спектакля, который с небольшими вариациями обязательно разыгрывается в эти два дня. Обожаемая мамочка будет возносить хвалы успехам Береники и Фабриса, их жизненному выбору, их карьере. Будет млеть, глядя на их детишек, расхваливать чудесное воспитание и школьные достижения. Все разговоры будут вертеться вокруг одних и тех же тем: иммиграция, налогообложение, French bashing.

Меня для моей семьи не существует. Я человек другого круга. Девочка, которая должна была родиться мальчишкой. Не изысканная, не умеющая быть элегантной. Не сделавшая карьеры неудачница. Дочь своего отца.

— Затруднения могут коснуться некоторых линий метро и РЭРа. То же касается и авиалиний. Аэропортам Парижа грозит черный день, тысячи пассажиров не смогут вылететь и будут вынуждены

дожидаться летной погоды.

Зато от холода и снега будет избавлена долина Роны и Средиземноморское побережье. В Бордо, Тулузе и Марселе температура будет колебаться от пятнадцати до восемнадцати градусов тепла. А в Ницце и Антибе вы сможете завтракать на террасе. Столбик термометра поднимется до двадцати градусов.

Ей надоело, что ее судят эти жлобы. Она устала от их одинаковых вопросов: «Ты по-прежнему одна?» «Неужели ты не хочешь иметь детей?» «Почему ты всегда так безвкусно одета?» «Неужели не надоело жить как подросток?»

Ее тошнит от их вегетарианских обедов. Все во имя здоровья и красивой фигуры! Птичьи зернышки, тошнотворная киноа, соевые галеты, пюре из цветной капусты...

Я поехала по улице Кутельри, собираясь пересечь набережные и проехать по мосту Нотр-Дам. Чудесное место: слева старинные здания Отель-дье, [\[2\]](#) справа фасад Консьержери и крыша Часовой башни.

Каждое возвращение в родительский дом отбрасывает меня на тридцать лет назад, воскрешает все обиды детства, все раны подросткового возраста, оживляет противостояние с братом и сестрой, возвращает ощущение абсолютного одиночества.

Каждый год я говорю себе, что приезжаю сюда в последний раз, а на следующий год приезжаю снова. Сама не знаю почему. Одна моя половинка жаждет сжечь все мосты окончательно и навсегда, а другая готова потерпеть, чтобы увидеть, как у них вытянутся лица, когда я явлюсь одетая как принцесса под руку с мужем, безупречным во всех отношениях.

Левый берег. Я рулю вдоль набережной, потом поворачиваю налево на улицу Сен-Пер. Торможу, зажигаю аварийку и останавливаюсь на углу улицы Лиль. Хлопаю дверцей машины, надеваю на плечо оранжевую повязку и звоню в домофон красивого, недавно отремонтированного жилого дома.

Я держу палец на звонке секунд тридцать, не меньше. В начале недели мне в голову пришла одна мыслишка, которая, однако, потребовала кое-каких дополнительных сведений. Я понимаю, что совершаю безумство, но этого понимания маловато, чтобы я на него не пошла.

— Кто там? — спрашивает сонный голос.

— Поль Малори? Полиция. Извольте, пожалуйста, открыть.

— Конечно, но...

— Полиция, месье Малори, открывайте!

Домофон крикнул, и я открыла одну из тяжелых дверных створок. Я не

стала садиться в лифт, помчалась через четыре ступеньки на третий этаж и забарабанила в дверь.

— Иду же! Иду!

Дверь открыл мой красавец гинеколог, но ранним утром он выглядел куда менее импозантно: спортивные штаны, старая футболка, взъерошенные светлые кудри, на лице удивление, усталость, беспокойство.

— Да я же вас знаю! Вы...

— Капитан Шафер, опербригада уголовного розыска. Месье Малори, сообщаю вам, что вы взяты под стражу с сегодняшнего числа, четверга двадцать четвертого декабря с семи часов шестнадцати минут. Вы имеете право...

— Простите, но это какая-то ошибка. Скажите, по крайней мере, причину!

— Подлог. Использование фальшивых документов. Прошу следовать за мной!

— Вы шутите?

— Не вынуждайте меня просить подняться сюда моих коллег, месье Малори!

— Можно мне по крайней мере надеть брюки и рубашку?

— Одевайтесь быстрее. И возьмите теплую куртку, у нас в камерах проблемы с отоплением.

Пока он одевался, я оглядела комнату. Квартира времен Османа переделана в студию. Все излишества убраны. Сохранились только два мраморных камина с лепниной, перегородки сняты, на полу светлый паркет в елочку.

За дверью я заметила молодую женщину, рыженькую, лет двадцати. Завернувшись в простыню, она смотрела на меня круглыми от изумления глазами. Ожидание затягивалось:

— Шевелитесь, Малори! — крикнула я, стукнув кулаком в дверь ванной. — Сколько времени можно одеваться?!

Доктор вышел из ванной одетым с безупречной элегантностью. Он снова был в строгом пиджаке, клетчатых брюках, сияющих ботинках. Накинул габардиновое пальто, несколькими словами успокоил рыжую и вышел со мной на лестницу.

— И где же ваши коллеги? — осведомился он, когда мы вышли на улицу.

— Со мной никого нет. Не буду же я привозить весь уголовный розыск, чтобы поднять вас с постели.

— И машина вовсе не полицейская!

— Машина приближена к городской. Не поднимайте шума, садитесь на переднее сиденье.

Поколебавшись, он в конце концов сел рядом со мной.

Я включила зажигание, и мы молча двинулись в путь под светлеющим небом. Пересекли шестой округ, потом Монпарнас, наконец Поль попросил:

— Вы можете мне объяснить, к чему весь этот цирк? Вы прекрасно знаете, что я мог в прошлом месяце подать на вас в суд за кражу рецепта. Можете поблагодарить мою коллегу, она отговорила меня, найдя для вас кучу смягчающих обстоятельств. Если уж говорить начистоту, она употребила даже эпитет «чокнутая».

— Я тоже собрала о вас сведения, Малори, — сообщила я, доставая из кармана фотокопии документов.

Он взял в руки пачку бумаг и принялся читать, хмурия брови.

— И что это, собственно, доказывает?

— Доказывает, что вы выдали фальшивое свидетельство двум малийкам без документов о том, что они живут у вас, с тем чтобы им разрешили дальнейшее пребывание во Франции.

Он не собирался ничего отрицать.

— И что в этом такого? Неужели дружба, обычные человеческие отношения теперь считаются преступлением?

— Гражданский кодекс подобные действия квалифицирует по-другому. Подлог и использование подложных документов наказуются тремя годами тюремного заключения и штрафом в сорок пять тысяч евро.

— А мне-то казалось, что у нас в тюрьмах и так не хватает места! Скажите, а с каких пор уголовная полиция занимается гражданскими делами?

Мы уже были неподалеку от Монружа. Я срезала по Марешо, немного проехала по периферийке и выехала на Аб, чтобы попасть на «Аквитанию», автостраду, которая ведет из Парижа в Бордо.

Когда Поль разглядел теплообменник в Виссу, он в самом деле забеспокоился:

— Скажите честно, куда вы меня везете?

— В Бордо. Я уверена, что вы любите вино и...

— Нет, я серьезно!

— Отпразднуем Рождество у моей матери. Вас очень хорошо примут, вот увидите.

Он обернулся, посмотрел, не сопровождает ли нас другая машина, потом пошутил, чтобы как-то успокоиться:

— Я все понял, ваша машина есть тюремная камера, так? Ведь в полиции тоже есть камеры для подследственных?

Мы продолжали ехать, и я не пожалела нескольких минут и объяснила ему комбинацию, которую задумала. Я закрываю глаза на историю с фальшивой пропиской, а он за это исполняет роль моего жениха на Рождество.

Несколько минут он молчал и внимательно смотрел на меня. Поначалу он просто не поверил во всю эту историю, но постепенно до него дошло.

— Господи! Самое ужасное, что вы не шутите! Неужели вы затеяли всю эту катавасию только потому, что вам не хватает мужества отстоять ваш жизненный выбор перед вашей семьей? Черт побери! Да вам нужен не гинеколог, а психоаналитик!

Я вытерпела его атаку и спустя несколько минут даже согласилась с ним. Так и есть, он прав, конечно. Я просто трусиха. И на что я, собственно, рассчитывала? Что его позабавит участие в моей маленькой постановке? Я почувствовала себя дурой из дур. Моя сила и моя слабость в том, что всегда, в первую очередь я слушаюсь интуиции, а не рассудка. Благодаря интуиции мне удалось распутать несколько очень сложных дел, что и позволило мне в тридцать четыре года оказаться в уголовной полиции. Но иногда интуиция подводит, увлекает неведомо куда. Идея представить красивого доктора моему семейству показалась мне теперь полным идиотизмом и нелепостью.

Покраснев, как помидор, я пошла на попятную:

— Вы совершенно правы. Простите меня. Сейчас развернусь, и вы вернетесь домой.

— Сначала остановимся у ближайшей автозаправки. У вас бензин почти на нуле.

* * *

Я залила полный бак лучшего бензина. Руки у меня стали липкими, а от запаха бензина закружилась голова. Когда я вернулась к машине, я не нашла Поля Малори на пассажирском месте. Подняла голову и увидела, что он в кафе и машет мне, чтобы я шла к нему.

— Я заказал вам чай, — сказал он, приглашая меня сесть.

— Неудачный выбор, я пью только кофе.

— Нет ничего проще, — улыбнулся он, вставая. И отправился к стойке, чтобы взять для меня кофе.

Этот парень обезоруживал меня своим спокойствием, каким-то английским джентльменством и умением сохранять класс при любых обстоятельствах.

Он вернулся две минуты спустя и поставил передо мной большую кружку с кофе и положил круассан в бумажном пакетике.

— Конечно, не от Пьера Эрме, но куда вкуснее, чем обещает внешний вид, — пообещал он, стараясь разрядить возникшее между нами напряжение.

И в подтверждение своих слов откусил от венской булочки, постаравшись как можно незаметнее подавить зевок.

— Подумать только! Вытащить меня в семь утра из кровати, когда я мог бы еще спать и спать!

— Я же сказала, что отвезу вас обратно. И вам уже ничего не помешает спать сколько угодно вместе со своей дульсинеей.

Он отхлебнул чай и спросил:

— Если честно, я вас не понимаю: к чему встречать Рождество с людьми, которые доставляют больше неприятностей, чем радости?

— Забудьте, Малори. Вы совершенно справедливо заметили, что вы не психотерапевт.

— А что думает об этом ваш отец?

— Мой отец давным-давно умер.

— Кому вы это говорите?! — воскликнул он и протянул мне свой смартфон.

Я посмотрела на экран, прекрасно зная заранее, что там увижу. Пока я заправлялась, Малори залез в Интернет. Поиски очень быстро привели его к газетному сообщению о неприятностях с моим отцом.

**БЫВШИЙ «СУПЕРПОЛИЦЕЙСКИЙ» АЛЕН ШАФЕР
ПРИГОВОРЕН К ДВУМ ГОДАМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

Три года назад арест Алена Шафера произвел эффект разорвавшейся бомбы среди полицейских города Лиля. Ранним утром 2 сентября 2007 г. комиссар Ален Шафер был арестован у себя на квартире полицейскими из генеральной инспекции служб, которые потребовали у него отчета по поводу его деятельности и его знакомств.

После следствия, длившегося не один месяц, полиция, расследующая преступления полицейских, смогла доказать

существование коррупционной схемы, которая была организована этим высоким полицейским чином.

Полицейский, до этого вызывавший восхищение и уважение коллег, запятнал честь мундира, став своим «по другую сторону баррикад», завязав дружеские связи с крупными криминальными авторитетами. При изъятии наркотиков он не отправлял кокаин и анашу в вещдоки, а поощрял ими информаторов.

Вчера уголовный суд Лиля признал бывшего полицейского виновным в «пассивной коррупции», «пособничестве преступникам», «торговле наркотиками» и «нарушении профессиональной тайны».

На глаза у меня навернулись слезы. Уж кто-кто, а я наизусть знала все грехи моего отца!

— Вы просто жалкий проныра и ничтожество!

— Да неужели? И от кого же я это слышу?

— Да, мой отец в тюрьме, и что дальше?

— Может быть, вам лучше повидаться на Рождество с отцом?

— Знаете что? Не суйте нос в чужие дела!

Но он не отстал от меня:

— А могу я узнать, где он находится?

— Да вам-то какое дело?

— Он в Лиле?

— Нет, в Люине, возле Экс-ан-Прованса. Там, где живет его третья жена.

— Почему бы вам не поехать и не навестить его?

Я перевела дыхание и жестко сказала:

— Потому что я с ним больше не разговариваю. Из-за него я решила стать полицейским. Он был моим идеалом, единственным человеком, которому я доверяла, и он предал мое доверие. Он лгал всем. Я никогда его не прощу.

— Ваш отец никого не убил.

— Вам этого не понять!

Вспыхнув, я вскочила со стула, готовая любой ценой вырваться из ловушки, куда сама себя загнала. Поль удержал меня за рукав.

— Хотите, я поеду с вами?

— Послушайте, Малори! Вы необыкновенно любезны, милы, вежливы и похожи на последователя далай-ламы, но мы с вами совершенно чужие люди. Я плохо поступила с вами, но я попросила у вас прощения. А если я

вдруг захочу повидаться со своим отцом, то обойдусь без вас, договорились?

— Как хотите. Но Рождество такое время... Мне кажется, момент самый подходящий. А вам так не кажется?

— Мне кажется, что вы действуете мне на нервы! И мы с вами не в диснеевском мультике!

Он сочувственно улыбнулся. И я, сама того не желая, невольно призналась ему:

— Даже вздумай я туда поехать, это не так-то просто делается. С улицы в места заключения не войдешь. Нужно разрешение, нужно...

Он тут же воспользовался тем, что я приоткрылась.

— Но вы же работаете в том же ведомстве! Вы можете все уладить по телефону.

Я перестала обсуждать эту тему и решила переключиться на самого Поля.

— Будем говорить серьезно, — сказала я. — До Экс-ан-Прованса на машине не меньше семи часов. А в Париже ожидается снежная буря, так что вернуться нам будет трудно.

— А мы попробуем! — весело возразил он. — Не будем упускать шанса. Поведу я.

В груди у меня будто вспыхнул огонь. Я растерялась. И несколько секунд сидела в нерешительности. Я вдруг поняла, что готова поддаться его уговорам, но не могла понять, почему. Потому ли, что в самом деле хочу увидеться с отцом? Или потому, что хочу еще несколько часов провести с этим незнакомым человеком, который не осуждает меня, что бы я ни говорила, что бы ни делала?..

Я посмотрела Полю в глаза, и мне ужасно понравилось, как он на меня смотрит.

Я бросила ему ключи, соглашаясь, чтобы он сел за руль.

* * *

Эври, Осер, Бон, Лион, Валанс, Авиньон...

В наше невероятное путешествие мы пустились по автострате под названием «Солнечная». В первый раз за долгое-долгое время я не защищалась, оказавшись рядом с мужчиной. Позволила себе расслабиться. Мы слушали музыку, грызли печенье и крекеры. Повсюду были крошки и солнце. В воздухе веяло предчувствием каникул, жаркого Прованса,

Средиземного моря. Веяло свободой.
Всем, в чем я так нуждалась.

* * *

На часах было половина второго, когда Поль высадил меня перед тюрьмой в Люине. Все время, пока мы ехали, я отгоняла от себя мысль о встрече с отцом. И вот я стою и не двигаюсь перед мрачной дверью с камерами слежения. Отступить некуда.

Полчаса спустя я вышла из этой двери вся в слезах, но с удивительным покоем на душе. Я повидалась с отцом. Поговорила с ним. Заронила зернышко нашего примирения, которое до этого дня казалось мне невозможным.

Я сделала первый шаг, и это было, безусловно, лучшее, что я сделала за все эти годы. И этим лучшим я была обязана человеку, которого едва знала. Который увидел во мне что-то совершенно другое, совсем не то, что я старалась показать...

«Не знаю, что прячется в вас, месье Малори. Может, вы тоже травмированы так же, как я. Или вы просто человек, непохожий на других, но в любом случае я вам очень благодарна».

Освободившись от гнетущей тяжести, я заснула в машине.

* * *

Поль улыбался.

— Я не говорил тебе, что у моей бабушки был домик на побережье Амальфи? Ты когда-нибудь ездила на Рождество в Италию?

Когда я открыла глаза, мы уже пересекли границу с Италией. Мы были в Сан-Ремо, и заходящее солнце посылало нам последние лучи. Где-то очень далеко Бордо, Париж, снежная буря и дом номер 36.

Я чувствовала, что Поль на меня смотрит. Мне показалось, что мы знали друг друга всегда. Я не могла понять, как такая глубокая близость могла возникнуть так быстро.

Бывают в жизни минуты, когда внезапно распахивается волшебная дверь и жизнь дарит вам встречу, на которую вы никогда не надеялись. Встречу с вашей второй половиной. Человеком, который принимает вас таким, какой вы есть, принимает во всей полноте. Принимает и понимает

ваши противоречия, ваши страхи, опасения, раздражительность, горечь, гнев, всю темноту и грязь, что скопились у вас в душе. Очищает вашу душу. Протягивает вам зеркало, и вам больше не страшно в него смотреться.

* * *

Хватило минуты. Взгляда. Встречи. И началась совершенно иная жизнь. Добрый человек. Добрая минута. Счастливый каприз судьбы.

Мы встретили Рождество в гостинице в Риме.

На следующий день проехали все побережье Амальфи и по долине Дракона добрались до садов и виноградников Равелло.

Спустя пять месяцев мы поженились.

В мае я узнала, что жду ребенка.

* * *

Бывает минута, когда волшебная дверь распаивается и в жизнь входит солнце. Редкая минута, когда распаиваетесь вы сами. Плывете, словно в невесомости. Мчитесь по автостраде без ограничителей. Все становится предельно ясным. Вместо вопросов одни ответы. Вместо страхов любовь.

Важно запомнить эти минуты.

Они редко длятся, превращаясь в часы.

Всегда можешь больше, чем думал.

Джозеф Кессель

Китайский квартал

Сегодня

10 часов 20 минут

Разноголосица толпы. Тошнотворный запах сухой рыбы. Скрип металлической двери.

Гэбриэл вышел из ломбарда и сделал несколько шагов по Мотт-стрит. Заметив его, Алиса вернулась из страны воспоминаний.

— С вами все в порядке? — осведомился Гэбриэл, догадавшись, как ей тяжело.

— Пройдет, — ответила она. — И как там с часами моего мужа?

— Я выжал из него тысячу шестьсот долларов, — объявил Гэбриэл, гордо помахав деньгами. — И обещаю, что в самом скором времени мы выкупим часы обратно. А пока, я считаю, мы заслужили завтрак.

Алиса в ответ кивнула, и они поспешили распротиться с китайским кварталом, свернув на более гостеприимную улицу Бауэри. Пошли по этой улице вверх, на север, выбрав солнечную сторону оживленной магистрали.

В недавнем прошлом эта часть Манхэттена была кварталом опасных тупиков, убежищем наркоманов, проституток и бомжей. Теперь это уютный, роскошный, разветвленный квартал. Здесь много воздуха, света, красивых домов, красочных вывесок. Среди кирпичных домов, небольших магазинчиков и ресторанов высится уродливый силуэт Нового музея. Семь его этажей похожи на обувные коробки, которые взгромоздили в неустойчивом равновесии. Резкие обрывистые очертания, безупречно белый с серебристыми полосами цвет фасада — все режет глаз среди подернутого патиной квартала Нижнего Ист-Сайда.

Алиса и Гэбриэл толкнули дверь и вошли в кафе «Перцемолка», первое же заведение, которое попало им по дороге.

Устроились в боксе на кремовых диванчиках напротив друг друга. Белые стены, лепнина, огромные зеркальные окна, дубовый паркет — все

здесь было оформлено приятно и со вкусом, а безмятежная тишина действовала успокоительно после суеты китайского квартала.

Мягкий осенний свет падал в окна и, освещая зал, играл на блестящих кофеварках на стойке.

В середине каждого столика в небольшой выемке находилась панель, позволяющая клиентам ознакомиться с меню, выйти в Интернет или просмотреть интересующие их газеты и журналы.

Алиса пробежала меню. Ей казалось, что живот у нее громко урчит от голода. Она заказала капучино и сэндвич с семгой, Гэбриэл остановился на кофе с молоком и сэндвиче «Монте-Кристо».

Манерный официант в жилете, галстук и шляпе-федоре от «Стетсон» мгновенно их обслужил.

Алиса и Гэбриэл набросились на еду и выпили кофе почти залпом. Алиса в один миг справилась с небольшим куском хлеба и ломтиком семги, помазанным сметаной и посыпанным луком-шалотом и укропом. Сил сразу прибавилось. Она прикрыла глаза, позволив убаюкать себя старинному блюзу, доносившемуся из лакированного деревянного радиоприемника. Она отдыхала, постаравшись отвлечься от всего и «направить нейроны в правильном направлении», как говорила ее бабушка.

— Нас против воли втравили в какую-то серьезную историю, — проговорил Гэбриэл, проглотив последние крошки сэндвича.

Он помахал издали бармену и заказал еще раз то же самое. Алиса открыла глаза.

— Придется начать все сначала. Снова хорошенько подумать, что означают оставленные нам цифры: номер телефона гостиницы «Гринвич» и странные цифры, которые так варварски написали у вас на руке...

Алиса внезапно замолчала. Длинноволосый официант с изумлением посмотрел на нее, заметив пятна крови у нее на кофточке. Алиса поспешила застегнуть молнию кожаной куртки.

— Предлагаю деньги поделить пополам, — продолжал Гэбриэл, доставая из кармана тысячу шестьсот долларов, которые выторговал у китайца. — Не стоит класть все яйца в одну корзину.

Он положил перед Алисой восемь ассигнаций по сто долларов. Она взяла их в руки, подержала и сунула в карман джинсов. И почувствовала, что в кармане еще что-то есть. Какая-то картонка, сложенная пополам. Нахмутив брови, она вытащила ее и положила на стол.

— Посмотрим, что это такое!

Оказалось, жетон, какой дают в раздевалках больших ресторанов или в камерах хранения в гостиницах. Гэбриэл наклонился и стал рассматривать.

На нем стоял номер 127, а наверху в кружочке две затейливые буквы Г.

— Логотип гостиницы «Гринвич»! — воскликнули оба в один голос.

Растерянности, озадаченности как не бывало.

— Едем туда! — тут же решила молодая женщина.

— Но я даже не попробовал свою жареную картошку!

— Жрать будете после, Кейн!

Алиса уже подключилась к Интернету, чтобы выяснить адрес гостиницы. Гэбриэл тем временем отправился к стойке платить по счету.

— Перекресток Гринвич-стрит и Норт-Мур-стрит, — сообщила Алиса, когда он вернулся к столику.

Уходя, Алиса прихватила столовый нож, незаметно сунув его в карман джинсов. Гэбриэл накинул куртку, и они вышли на улицу.

* * *

«Хонда» остановилась позади двух такси, припаркованных перед гостиницей. Гостиница «Гринвич», высокое здание из кирпича и стекла, стояла в самом сердце Трайбека, в нескольких метрах от берега Гудзона.

— Чуть дальше, на Чамбер-стрит, есть автостоянка, — сказал Гэбриэл, показывая на указатель. — Я поеду туда и...

— Ни в коем случае, — прервала его Алиса. — Я пойду в гостиницу одна, а вы будете меня ждать с включенным мотором. Если нас ждет неудача, вы подхватите меня, и мы уедем.

— А если вы не вернетесь через пятнадцать минут, что мне делать? Звать полицию?

— Полиция — это я! — ответила Алиса и вышла из машины.

Увидев, что молодая женщина направляется к дверям, портье распахнул их с широкой улыбкой. Алиса поблагодарила его кивком и вошла в холл.

Холл был оформлен с не бьющей в глаза роскошью, продолжал его элегантный салон-библиотека, освещенный приятным мягким светом. Диван «Честерфилд» и обтянутые материей кресла уютно расположились у большого камина, где горели два огромных полена. В глубине комнаты за стеклом виднелся внутренний дворик с цветами и растениями, очень похожий на итальянский.

— Добро пожаловать, чем могу служить, мисс? — осведомилась молодая женщина экстравагантной внешности: редкая каштановая челка, очки в тяжелой черепаховой оправе, блузка с геометрическим рисунком и

сверхкороткая мини-юбка.

— Я хочу забрать вещи, — сказала Алиса и протянула жетон.

— Сейчас, одну минуту, подождите, пожалуйста.

Служащая протянула жетон молодому помощнику, тот исчез в соседней комнате и через полминуты вынес оттуда черный кожаный кейс, на ручке которого болтался браслет с номером 127.

— Пожалуйста, мисс.

«Слишком гладко, чтобы было на самом деле», — подумала Алиса, забирая кейс.

И решила все-таки рискнуть.

— Я хотела бы знать фамилию того, кто сдал вам этот кейс.

Молодая женщина за гостиничной стойкой нахмурила брови.

— Но я полагала, что это ваш кейс, мисс, иначе ни за что не отдала бы его вам. Если он принадлежит не вам, прошу вас немедленно его вернуть.

— Нью-йоркская полиция, следователь Шафер, — отчеканила Алиса, не моргнув глазом. — Я веду следствие и...

— У вас французский акцент, так нью-йоркские полицейские не говорят, — заявила служащая. — Пожалуйста, предъявите ваше удостоверение.

— Фамилия постояльца! — потребовала Алиса, повышая голос.

— Я вызову директора!

Поняв, что дуэль она проиграла, Алиса не стала больше настаивать. Крепко сжав ручку кейса, быстро пошла к выходу и без малейшего затруднения миновала портье.

Сделала всего шаг по тротуару, и тут оглушительно завывла сирена. Сирена вопила с силой сотни децибел, привлекая внимание всех проходящих к Алисе.

Алису охватила паника, но она тут же сообразила, что тревога поднята не в гостинице, как ей сначала показалось, что включилась сигнализация в кейсе.

Алиса пробежала несколько метров по тротуару, ища глазами Гэбриэла и машину. Она уже приготовилась перейти улицу, как вдруг ее пригвоздил к месту электрический разряд.

Растерявшись, задохнувшись, она выпустила кейс из рук и упала на асфальт.

Часть 2

ПАМЯТЬ БОЛИ

Наша беда не в том, что крадут у нас годы, — в том, что они оставляют нам, улетая.

Уильям Вордсворт

Сирена продолжала выть и вдруг замолчала так же внезапно, как начала.

Алиса лежала на асфальте и медленно приходила в себя. В ушах гудело. Перед глазами мельтешила туманная пелена, и сквозь эту пелену она различила тень, которая наклонилась над ней.

— Встаем!

Гэбриэл помог ей подняться и подвел к машине. Устроил ее на пассажирском месте и вернулся за кейсом, который валялся чуть поодаль на тротуаре.

— Быстрее!

Он включил зажигание и вихрем сорвался с места. Руль вправо, потом влево, и они выехали на Вест-Сайд-хайвей, самую западную улицу города, что тянется вдоль реки.

— Черт возьми! Нас засекли! — закричала Алиса, наконец-то вынырнув из тумана, в который погрузил ее электрический разряд.

Белая как полотно, она чувствовала судорожное сердцебиение и подкатывающую к горлу тошноту. Ноги подкашивались, в груди жгло, словно она глотнула кислоты.

— Что с вами случилось?

— Этот кейс — ловушка, — ответила Алиса, чувствуя отчаяние. — Кто-то знал, что мы в гостинице, и включил на расстоянии сирену, а потом электрический разряд.

— А у вас, случайно, не паранойя? Я...

— Было бы здорово, чтобы вместо меня получили этот разряд вы, Кейн. Бессмысленно торопиться, если кто-то следит за каждым нашим движением по любому маршруту.

— Но чей это кейс? Кому он принадлежит?

— Мне не удалось выяснить.

Машина на приличной скорости катила на север. Со стороны залива

виднелись баржи и парусники, скользящие по Гудзону, небоскребы Джерси-сити и оставшиеся от бывших здесь когда-то причалов металлические конструкции.

Гэбриэл выехал на соседнюю полосу, намереваясь обойти большой крытый фургон, который вез лошадей. Когда он повернул голову и взглянул на Алису, то обнаружил, что ножом, украденным в кафе, женщина отпарывает подкладку своей кожаной куртки.

— Прекратите сейчас же! Не надо сходить с ума!

Однако Алиса, повинуясь голосу редко когда подводившей ее интуиции, не удостоила его ответом. Она очень спешила. Согнувшись в три погибели, стащила с себя туфли и вскрыла лезвием каблук на левой.

— Алиса! Что с вами? Вы можете мне сказать?

— Вот то, что я искала! — объявила она с торжеством и показала крошечную коробочку, которую извлекла, вскрыв подошву второй туфли.

— Микрофон?

— Нет, миниатюрный GPS. С его помощью нас можно найти где угодно. И я готова поспорить, что у вас точно такая же или в одном из кедров, или в подкладке куртки. Кто-то следует за нами в реальном времени, Кейн. И нам нужно срочно переодеться, переменить одежду и обувь. Немедленно!

— Хорошо.

Гэбриэл, наконец-то прекратил спорить и смотрел на Алису встревоженно.

Алиса опустила стекло, выкинула в окно шпиона, а потом занялась чемоданчиком. Он был твердым, из гладкой кожи, с двойным кодовым замком. Нарочно или нечаянно, но электричество было отключено. Алиса попробовала его открыть, но сработала система защиты, и кейс не открылся.

— Я бы очень удивился, если было бы по-другому, — заметил Гэбриэл.

— Потом найдем, чем сломать замки, — пообещала Алиса. — А пока поедем в какой-нибудь скромный магазинчик и купим одежду.

Алиса чувствовала, как набрякли у нее веки, и старательно массируя себе виски. К ней снова возвращалась мигрень. Глаза резало. Она порылась в бардачке и вытащила пару стареньких темных очков, которые заметила, когда еще в первый раз заглядывала туда. Водрузила на нос очки «кошачий глаз» с блестками на дужках. От архитектурной разноголосицы квартала у нее кружилась голова. Чего тут только не было! Вдали в синеватом силуэте гигантской открытой книги на столбах она

узнала гостиницу «Стандарт», что возвышалась над Хай-лайн. Тут соседствовали современные здания в виде геометрических фигур из стекла и алюминия и небольшие домики из темного кирпича старого Нью-Йорка, продолжавшие крепко держаться друг за друга, и все это производило впечатления хаоса.

А вдали перламутровым айсбергом мерцала полупрозрачная конструкция неправильной формы, придавая картине какой-то космический вид.

* * *

Некоторое время они колесили между районами Митпакинг и Челси, пока наконец на 27-й улице не наткнулись на маленький магазинчик с одеждой. В магазинчике торговали, похоже, скорее остатками партий американских товаров, а не поддержанными вещами. Единственное довольно просторное помещение напоминало веселый ярмарочный павильон, где военная форма соседствовала с роскошными платьями вышедших в тираж модельеров.

— Только не копайтесь, Кейн, — предупредила Алиса, переступая порог магазинчика. — Мы тут не на шопинг пришли, ясно?

Они углубились в лабиринт одежды и обуви: ботинки «Рейнджер», кроссовки «Патогас», толстовки, парки, футболки, камуфляжные куртки, ремни, кепки, арафатки. Чего здесь только не было!

Алиса быстренько нашла себе черный пуловер под горлышко, подходящую к нему футболку, джинсы, новую пару туфель и плотную куртку темного цвета.

Гэбриэл, казалось, пребывал в затруднении.

— Да хватит вам выбирать! — торопила его Алиса. — Решайтесь наконец! Возьмите, например, это и это. — Она бросила ему брюки цвета хаки и хлопчатобумажную рубашку с размытыми разводами.

— Но это не мой размер и уж точно не мой стиль, — возразил он.

— Сейчас не субботний вечер, и вы не идете клеить девочек, Кейн! — резко напомнила компаньону Алиса, расстегивая куртку, чтобы переодеться.

Джазмен смирился и дополнил свой костюм парой солидных башмаков и полупальто с барашковым воротником. Алиса взяла еще небольшой рюкзачок из плотной ткани с застежкой из двух кожаных ремешков и потертую кожаную кобуру для «Глока», чтобы носить его

удобнее и незаметнее. Гэбриэл осторожно скосил глаза на переодевающуюся Алису.

— Не вздумайте подглядывать, жалкий юбочник! — рявкнула Алиса, натягивая на живот шерстяной пуловер.

Окрик показался Гэбриэлу слишком грубым, он сделал обиженное лицо и отвернулся. Но рассекающий живот от паха до пупка шрам, который он успел увидеть, произвел на него ошеломляющее впечатление.

* * *

— С вас сто семьдесят долларов за все, — объявил владелец магазинчика, толстый лысый великан с длинной бородой в стиле «ZZ Top».

Пока Гэбриэл зашнуровывал ботинки, Алиса вышла на улицу и выкинула в мусорный контейнер всю одежду, оставив только лоскуток от блузки с пятнами крови.

«Может пригодиться как очень ценное свидетельство или улика», — подумала она и спрятала кусочек ткани в рюкзачок.

На другой стороне улице она увидела мини-маркет, перешла дорогу и вошла в магазин. Отдел самообслуживания. Алиса обрадовалась влажным салфеткам: наконец-то приведет себя хоть немного в порядок, взяла ибупрофен от головной боли и маленькую бутылочку минеральной воды. Она уже направилась к кассе, как вдруг ей пришла в голову любопытная мысль. Она вернулась обратно, внимательно осмотрела полки и нашла отдел с телефонами. Осмотрела все модели, которые предлагал оператор без регистрации. Выбрала самую дешевую за 14 долларов 99 центов и купила карту на двадцать пять минут разговора в течение девяноста дней.

Выйдя с покупками из магазина, она удивилась сильному ветру. Несмотря на ослепительное солнце, ледяной ветер мел улицу, вздымая сухие листья и смерчи пыли. Алиса заслонилась от ветра рукой. Гэбриэл, опершись на капот машины, смотрел на нее.

— Вы кого-то ждете? — пошутила она.

Гэбриэл помахал в воздухе кедом.

— Вы оказались правы: в моем тоже притаилась блошка!

И рукой опытного баскетболиста запустил кедом в висячую урну. Кед ударился об нее и упал в мусорный контейнер.

— Гол и три очка, — сообщил довольный Гэбриэл.

— Наигрались? Малыш доволен? Можем двигаться дальше?

Гэбриэл обиженно хмыкнул и передернул плечами, как мальчишка,

незаслуженно получивший выговор.

Алиса села за руль, а крафтовый пакет из мини-маркета и сумкюрюкзачок устроила на заднем сиденье рядом с кейсом.

— Хорошо бы открыть этот чемоданчик, — задумчиво проговорила она.

— Постараюсь что-нибудь придумать, — пообещал Гэбриэл, пристегиваясь.

* * *

Теперь им надо было оказаться как можно дальше от своей опасной одежды, и они проехали не один километр на север, пересекли Хеллз-Китчен и оказались на 48-й улице. И наконец остановились у небольшого садика при школе, где ребятишки под надзором учительницы собирали кабачки и тыквы.

Вокруг тихо-тихо. Никаких туристов, ни одного прохожего. До того пустынно, до того тихо, что с трудом верилось, что они в Нью-Йорке. Машину они поставили под большим грабом. Рыжие лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, усиливали ощущения тишины и покоя.

— Так как же вы намерены открыть кейс? — спросила Алиса, не убирая руки с тормоза.

— Думаю, замки можно вскрыть ножом, который вы взяли в кафе. На вид они довольно хлипкие.

— Забыла, что вы из породы фантазеров, — разочарованно вздохнула Алиса.

— А вы можете предложить что-то получше?

— Нет, не могу, но ваше предложение никуда не годится.

— А вот это мы посмотрим! — решительно объявил Гэбриэл, обернулся и взял с заднего сиденья кейс.

Алиса протянула ему нож и с недоверчивым видом стала наблюдать, как Гэбриэл пытается просунуть лезвие под крышку кейса. Все его попытки ни к чему не привели. Гэбриэл разозлился, занервничал, надавил на нож посильнее, но он соскользнул и слегка оцарапал ему ладонь.

— Ой-ой-ой!

— А вы можете быть пособраннее? — осведомилась Алиса.

Гэбриэл кивнул. Он и впрямь сделался очень серьезным. На лице появилась озабоченность, было видно: что-то не дает ему покоя.

— У вас проблема? Какая? — поинтересовалась Алиса.

— Вы.

— Я?

— Только что в магазине я видел у вас на животе шрам. Что с вами такое было, скажите, ради бога!

Лицо Алисы потемнело. Она открыла рот, чтобы одернуть любопытного, но внезапно чувство ужасной усталости охватило ее, она отвернулась и со вздохом потерла лоб и глаза. От этого типа только и жди неприятностей. Она поняла это с первой секунды.

Алиса открыла глаза, губы у нее дрожали. Сердце щемило от боли. Опять эти воспоминания. Режут по живому.

— Кто вам нанес эту рану? — продолжал свое Гэбриэл.

Конечно, он чувствовал, что касается запретной темы, и поспешил оправдать свою настойчивость:

— Нам не выбраться из этой ямы, если мы не станем хоть немного доверчивее друг к другу.

Алиса отхлебнула глоток минеральной воды. Боязнь оказаться лицом к лицу с прошлым мало-помалу отпускала.

— Все началась в начале ноября две тысячи десятого года, — заговорила она. — С убийства молодой учительницы младших классов, которую звали Клара Матюрен...

Я вспоминаю...

*Два с половиной года назад
Год крови и ужаса*

ЕЩЕ ОДНО УБИЙСТВО

В западной части Парижа снова убита женщина
(«Паризьен», 11 мая 2011 г.)

Натали Руссель, стюардесса, двадцать шесть лет, найдена сегодня утром задушенной у себя в квартире, расположенной на спокойной улице Мейсонье в 17-м округе. Молодая женщина жила одна и, по отзывам соседей, «была человеком ровным, жила без всяких историй, часто отсутствовала в силу профессии». Сосед по площадке, встретивши ее за несколько часов до убийства, сказал: «Натали была в хорошем настроении,

радовалась, что достала билет на концерт Стинга, который должен был состояться на следующий день в „Олимпии“. Она не чувствовала ни опасности, ни того, что ей что-то угрожает».

Из источников, близких к следствию, стало известно, что многие видели мужчину, который торопливо вышел из подъезда и уехал на трехколесном скутере марки «Пьяджо».

Если верить свидетелям, предполагаемый убийца — мужчина среднего роста, худой, стройный, в темном мотоциклетном шлеме.

Центральная дирекция уголовной полиции начала следствие. Судя по предварительным данным, ограбление не было главным мотивом убийства, хотя мобильный телефон жертвы исчез.

Убийство Натали Руссель странным образом напоминает убийство Клары Матюрен, молодой учительницы начальной школы из 16-го округа, которую жестоко задушили нейлоновым чулком в ноябре 2010 года. На вопрос по этому поводу журналиста прокурор ответил, что следствие только началось и полиция не оставит без внимания ни одну из версий.

* * *

УБИЙСТВО В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПАРИЖА

Полиция предполагает, что виновник — серийный убийца («Паризьен», 13 мая 2011 г.)

По сообщению одного из детективов, ведущих следствие, судебная экспертиза показала, что нейлоновый чулок, которым была задушена Натали Руссель, принадлежал Кларе Матюрен, молодой учительнице, убитой в ноябре 2010 года.

Этот факт, до этих пор сохранявшийся полицией в тайне, устанавливает очевидную связь между жертвами. Следствие идет по следам убийцы, который задушил девушку чулком своей предыдущей жертвы.

В префектуре полиции отказались подтвердить достоверность вышеприведенного факта.

* * *

ЕЩЕ ОДНО УБИЙСТВО В 16-м ОКРУГЕ

(«Паризьен», 19 августа 2011 г.)

Мод Марель, работавшая медсестрой в американском госпитале в Нейи, была убита позавчера вечером в своей квартире на авеню Малаков. Утром консьержка обнаружила тело молодой женщины, варварски задушенной парой нейлоновых чулок.

Несмотря на отказ полиции официально признать этот факт, для автора статьи очевидно, что есть прямая связь между этим убийством и двумя другими, совершенными в ноябре 2010 года и в мае нынешнего года в 16-м и 17-м округах.

Мотив преступления по-прежнему неясен, но следствие убеждено, что все три женщины были хорошо знакомы с убийцей и он не вызывал у них никаких опасений. Все жертвы найдены в своих квартирах, и ни в одной не обнаружено следов насильственного вторжения. Еще одна загадочная и волнующая подробность — мобильные телефоны жертв до сих пор не найдены.

УБИЙСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПАРИЖА

Облик серийного убийцы обрисовывается яснее

(«Паризьен», 20 августа 2011 г.)

После зверского убийства Мод Морель, медсестры американского госпиталя в Нейи, погибшей три дня тому назад, у следствия не осталось ни малейших сомнений, что это преступление находится в одном ряду с двумя другими, произошедшими примерно в том же районе начиная с ноября 2010 года.

Прокурор, которого спросили, можно ли в данном случае говорить о серийном убийце, вынужден был признать, что «все три преступления, безусловно, совершены одинаковым способом. Чулки, которыми была задушена Мод Морель, принадлежали Натали Руссель, стюардессе, убитой весной, а та была задушена чулками школьной учительницы Клары Матюрен».

Данная улика повела к тому, что все три дела были

объединены в одно и отданы в руки одного следователя. На канале «Франция 2» министр внутренних дел выступил в телегазете и заверил, «что мобилизованы все возможные ресурсы, как человеческие, так и технические, чтобы разыскать преступника или преступников, совершивших эти преступления».

* * *

УБИЙСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПАРИЖА

Подозреваемый находится под предварительным следствием («Паризьен», 21 августа 2011 г.)

Шофер такси, один из главных подозреваемых в серии убийств, совершенных начиная с ноября прошлого года в весьма благополучном квартале столицы, был арестован и допрошен в пятницу вечером. В результате обыска его квартиры был найден мобильный телефон Мод Морель, последней жертвы убийцы.

* * *

ТАКСИСТ ОСВОБОЖДЕН!

(«Паризьен», 21 августа 2011 г.)

Таксист смог представить алиби на время всех трех убийств.

Полицейскому, который его допрашивал, он объяснил, что вез Мод Морель за несколько дней до убийства, и девушка просто-напросто забыла телефон у него в такси.

ЕЩЕ ОДНО УБИЙСТВО МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Восточная часть Парижа в панике

(«Паризьен», 9 октября 2011 г.)

Виржини Андре, банковскую служащую, которая после развода жила с маленьким сыном, нашли сегодня утром

задушенной в ее квартире на улице Ваграм. Тело было обнаружено ее бывшим мужем, который привез ей трехлетнего сына, заботу о котором они делили.

* * *

УЖАС НАВИС НАД ГОРОДОМ

Сотни полицейских ищут убийцу в восточной части Парижа («Паризьен», 10 октября 2011 г.)

Полиция мобилизовала сотни полицейских, отправив их на розыски убийцы, который пока не имеет ни лица, ни фамилии, но вот уже одиннадцать месяцев терроризирует одиноких женщин, живущих в 16-м и 17-м округах.

Что связывало Клару Матюрен, учительницу начальных классов, задушенную 12 ноября 2010 года, Натали Руссель, стюардессу, убитую 10 марта 2011 года, Мод Морель, медсестру, найденную мертвой 18 августа, и Виржини Андре, банковскую служащую, убитую в прошлое воскресенье? Только то, что эти молодые женщины были не замужем или разведены. Их образ жизни и знакомства, тщательно изученные следствием, не дали никакого материала для обнаружения убийцы.

Все четыре убийства были совершены одинаковым образом. Все четыре жертвы, хотя это никак не подтверждается, скорее всего были ближе знакомы с убийцей, так как сами открывали ему дверь в свои квартиры.

Чередка непонятных убийств сеет страх среди обитателей двух округов столицы. Чтобы успокоить население, полицейская служба увеличила число патрульных и призывает сограждан немедленно сигнализировать о каждом, чье поведение внушает подозрение.

Я вспоминаю...

*Два года назад
Париж*

21 ноября 2011 г.

Метро Сольферино, 7-й округ

Задыхаясь, с трудом одолеваю ступеньки, поднимаясь наверх из метро. Наверху получаю прямо в лицо порыв ветра с дождем. Открываю зонтик и заслоняюсь им от ветра, не хочется, чтобы меня окатило еще раз. Я на восьмом месяце беременности и иду в клинику на консультацию к Роз-Мэй, акушерке, которая будет принимать у меня роды.

Ноябрь кажется мне долгим сумрачным сырым туннелем. И сегодняшний день не исключение. Я ускоряю шаги. Белые фасады улицы Бельшас светят мне сквозь проливной дождь.

Ноги у меня отеки, спину ломит, суставы болят. Я много прибавила в весе, и жить мне теперь непросто. Я стала такой большой, что не могу обойтись без помощи Поля, когда надеваю туфли. Ни одни брюки не лезут на мой живот, и я обречена носить платья. Спать я стала мало, и всякий раз, когда хочу подняться с постели, должна лечь на бок и уж только потом спустить ноги с кровати. Но мало этого, вот уже несколько дней, как у меня возобновились приступы тошноты и рвоты и совершенно внезапно нападает полнейшее бессилие.

Как хорошо, что между выходом из метро и улицей Ла Казас всего каких-то двести метров. Не прошло и пяти минут, как я в клинике. Толкаю дверь, называю свою фамилию, вхожу в приемную и под неодобрительными взглядами сидящих здесь других пациенток наливаю себе из автомата кофе.

Я в полном изнеможении. Живот у меня пришел в движение, в нем словно лопаются шары или набегают волны. Если такое случается дома, Поль ужасно веселится.

Я ко всему отношусь сложнее. Беременность — необычайное, волшебное состояние, но мне не удастся слиться с ним, отдаться ему. Мне мешает постоянное возбуждение, глухое беспокойство, дурные предчувствия и мучительные вопросы. Я не знаю, буду ли я хорошей матерью. Боюсь, что у моего малыша будет слабое здоровье. Не уверена, что сумею правильно все организовать.

Вот уже неделя, как я в декретном отпуске. Поль выполнил свою часть работы, оборудовав детскую и пристроив детское кресло в мою машину. А мне еще предстоит масса дел: нужно купить для малыша распашонки и чепчики, соску, ванночку, все необходимое для его туалета. Но я беспрестанно откладываю это на потом.

Если говорить откровенно, я продолжаю работать. Веду следствие.

Свое собственное, частное следствие. Занимаюсь расследованием убийств четырех женщин в западной части Парижа. Это моей опербригаде было поручено расследование первого убийства, но мы ничего не смогли сделать. Потом дело стало таким значительным, что у нас его забрали. Потом я ушла в отпуск, но в мыслях передо мной все время стоят искаженные ужасом лица несчастных женщин. Я думаю о них постоянно. Неотвязная мысль отравляет мне ожидание моего ребенка. Она не отпускает меня. Мешает заглядывать в будущее, жить им. Я пережевываю одни и те же картины, перемалываю одни и те же предположения, теряюсь в догадках, не могу выбраться из опутавшего меня тяжелого, мучительного клубка.

* * *

Клубка...

Если бы отыскать невидимую ниточку, которая связывает Клару Матюрен, Натали Руссель, Мод Морель и Виржини Андре. Даже если никто до сих пор эту связь не обнаружил, она была. У этих четырех женщин было что-то общее, но это пока ускользает от всех следователей.

И от меня тоже.

Главная беда, что это ускользает от меня.

Я знаю, эта ниточка лежит на виду, прямо перед глазами, но я ее не вижу. И моя слепота не дает мне жить. Если убийцу не остановить, он будет продолжать свои злодеяния. Еще одно, и еще, и так до бесконечности... Он осторожен, невидим, неуловим. Он не оставляет следов, отпечатков, капель крови. Никто не может объяснить, почему жертвы так доверчиво отворяли ему дверь в уже довольно поздний час ночи. У нас нет ничего, кроме смутной тени в черном шлеме на трехколесном скутере, каких в Париже не одна тысяча.

Еще один стаканчик кофе из автомата. В приемной сквозняки, мне зябко. Пальцы крепко обнимают стаканчик, наслаждаясь теплом. А глаза устремлены в пространство. Я в миллионный раз смотрю все тот же фильм и как мантру рассказываю себе события, которые следовали одно за другим.

Четыре жертвы. Четыре одиноко живущие женщины. Три незамужние и одна разведенная с маленьким сыном. Все происходит в одном районе. Все убийства происходят совершенно одинаково.

Уже давно газеты называли преступника убийцей, крадущим

мобильники. Полицейские тоже поначалу считали, что убийца уничтожает сотовые своих жертв, потому что хочет уничтожить какой-то компромат: звонки, фотографии, видео... Но это предположение оказалось ложным. Смартфоны второй и третьей жертвы так и не смогли найти, зато вопреки сообщениям прессы нашли мобильные телефоны первой жертвы и последней. Не найден телефон стюардессы, зато медсестра просто-напросто забыла свой мобильник в такси.

* * *

Я снова просматриваю картинки на своем телефоне. Я перекачала на него сотни фотографий четырех убитых. Не посмертные фотографии, а из обычной мирной жизни, которые нашла у них на компьютерах.

Включила просмотр, передо мной поползли фотографии, и как всегда я стала смотреть на Клару Матюрен. Первая жертва. Учительница. Почему-то ее я ощущала особенно близкой. А среди фотографий одна казалась мне особенно трогательной: традиционный снимок всего класса с датой «октябрь 2010». Снимок сделан в школьном дворе. Все ученики довольно большого класса начальной школы им. Жолио Кюри расселись вокруг учительницы. Но фотография полна жизни. Меня завораживают детские лица. Одни ребятишки на удивление серьезны, другие вовсю паясничают: хохочут, раскрыв рот, ковыряют в носу, приставляют друг другу уши из пальцев... И среди малышей — Клара Матюрен с открытой ясной улыбкой. Миловидная скромная женщина со светлыми волосами, подстриженными каре. Она в темном расстегнутом плаще, брючном костюме и длинном легком шелковом шарфе «Берберри», я различаю даже логотип знаменитой фирмы. Очевидно, этот костюм с шелковым шарфом ей очень нравится, потому что я вижу ее в нем и на других снимках. Например, на свадьбе у подруги в Бретани в мае 2010-го, а потом в Лондоне в августе того же года и даже на ее последнем снимке, снятом за несколько часов до смерти камерой наблюдения на улице Фэзандри. Я перехожу от одной фотографии к другой и на всех вижу ее любимый костюм: плащ, костюм *working girl*, ^[3] фуляр «Берберри», завязанный чалмой. Я застаю на последней фотографии. И вдруг меня впервые настораживает незамеченная прежде деталь: на Кларе другой шарф. Тремя пальцами нажимаю на сенсорную панель и увеличиваю снимок. Хочу удостовериться, так ли это. Качество снимка с камеры слежения оставляет желать лучшего, и все-таки я не ошиблась — шарф совсем другой.

В день своей смерти Клара не надела любимый шарф.

По спине у меня пробежала легкая дрожь.

«Ничего не значащая мелочь?»

Мозг заработал с удвоенной силой, пытаюсь понять, что произошло. Почему Клара Матюрен не надела в этот день свой любимый шарф? Может быть, одолжила подруге? Или отдала в чистку? Или потеряла?

«Может быть, она его потеряла?..»

Мод Морель, вторая жертва, тоже кое-что *потеряла*. Потеряла свой мобильный телефон, который в конце концов был найден в такси. А мобильный Натали Руссель? Может быть, она тоже его потеряла?

«Потеряла».

Два телефона, шелковый шарф...

А Виржини Андре? Что она потеряла?

«Жизнь».

А еще? Я ухожу из альбома фотографий и перехожу в режим звонков, набираю номер Сеймура.

— Привет, это я. В деле Виржини Андре тебе не попадалось свидетельство, что она что-то теряла незадолго до смерти?

— Алиса! Ты в декрете, черт бы тебя побрал! Занимайся приготовлениями к появлению своего младенчика!

Я не обратила внимания на его болтовню.

— Ты помнишь, было что-то такое в деле или нет?

— Нет, Алиса, ничего такого я не помню. Мы же больше не корячимся над этим делом.

— А ты можешь найти мне телефон ее бывшего мужа? Найдешь, скинь мне на мобильник. Я сама его спрошу.

— Ладно, — со вздохом согласился Сеймур.

— Премного благодарна, старик.

Через три минуты после того, как я отключилась, от Сеймура пришла эсэмэска, и я прочитала ее у себя на экране. Тут же позвонила Жан-Марку Андре и оставила ему сообщение на автоответчике, попросив связаться со мной как можно скорее.

* * *

— Мадам Шафер! Неужели вы снова пешком? — встретила меня Роз-Мэй, смерив укоризненным взглядом.

Роз-Мэй — уроженка острова Реюньон, женщина в теле с сильным

креольским акцентом. Она отчитывает меня всякий раз, как я к ней прихожу, словно я маленькая девчонка.

— Нет, конечно, — отвечаю я и иду за ней следом в кабинет на третьем этаже, где она ведет занятия, готовя нас к родам.

Акушерка просит меня лечь, потом осматривает, говорит, что матка еще не раскрылась, так что преждевременных родов опасаться нечего. С удовольствием замечает, что ребенок повернулся и теперь лежит как надо.

— Головка вниз, а спинка слева. Идеальное положение. Он, похоже, уже начал немного опускаться.

Она прижимает к моему голому животу датчики и включает аппарат, который записывает сердечный ритм моего малыша и сжатия матки.

Я слышу сердцебиение моего сына.

Я растрогана до слез, глаза у меня на мокром месте, и тут же у меня тоскливо сжимается сердце. Роз-Мэй объясняет, как я должна себя вести, если вдруг почувствую схватки, но случиться это должно недели через четыре, а может, даже через пять.

— Если схватки будут повторяться через каждые десять минут, примите спасфон и подождите с полчаса. Если боли пройдут, значит, ложная тревога. Но если боль усилится и...

Я чувствую, что в кармане куртки жужжит телефон, он совсем рядом со мной. Прерываю акушерку, встаю и прижимаю к уху сотовый.

— Жан-Мари Андре, — сообщает голос в телефоне. — Получил на автоответчике ваше сообщение и...

— Спасибо, что позвонили, месье. Я капитан Шафер, один из следователей, которые занимаются делом убийства вашей бывшей жены. Вы, случайно, не помните, не теряла ли она что-либо незадолго до смерти?

— Теряла ли что-нибудь?

— Ну да. Что-нибудь из одежды? Может быть, безделушку? Кошелек?

— А какое это имеет отношение к ее смерти?

— Возможно, никакого, но нужно исследовать все, что только возможно. В общем, вы слышали от нее о какой-нибудь потере?

— Да, слышал, и даже...

Он замолчал посередине фразы. Я почувствовала, что голос у него дрогнул под наплывом чувств, но он справился с собой и объяснил:

— Знаете, потеря и была причиной, почему мы поссорились в тот последний день, когда она привезла мне сына. Я ее отругал. Как она могла потерять плюшевого мишку Гаспара, его любимца, без которого он не засыпает. Виржини сказала, что они позабыли мишку в парке Монсо, сказала, что уже обратилась в бюро находок, но...

«Бюро находок...»

Сердце заколотилось у меня как сумасшедшее. Чистый адреналин.

— Одну минуточку, месье Андре, я хочу быть уверенной, что все поняла правильно: Виржини побывала в бюро находок или только собиралась туда обратиться?

— Она сказала, что уже сходила туда и заполнила карточку, чтобы ее предупредили, если мишка найдется.

Я не верила собственным ушам.

— Я все поняла, спасибо. Позвоню, если будут какие-то новости.

Я сняла с себя датчики, встала и поскорей оделась.

— Очень жаль, Роз-Мэй, но мне срочно нужно идти.

— Ни в коем случае! Это несерьезно, мадам Шафер. В вашем положении вам не...

Я уже толкнула дверь, я уже стояла у лифта и вытаскивала телефон, чтобы вызвать такси. Такси я ждала в холле, дрожа от нетерпения.

Это я, я сама вела следствие.

Меня переполняла гордость. Я думала, как часто следователи шаг за шагом изучают все, чем заняты несчастные жертвы, и упускают что-то необыкновенно важное.

«Я не упустила это что-то, я его нашла...»

* * *

Улица Морийон, дом 36, 15-й округ, сразу за парком Жорж Брассенс

Такси остановилось перед главным управлением бюро находок. Располагалось оно в красивом доме 20-х годов из розового кирпича и белого камня. Сама по себе эта структура находится в ведении парижской префектуры полиции, но представители полиции никогда там не работали, и я ни разу в жизни там не бывала.

Я показала удостоверение и попросила, чтобы меня принял начальник. Ждала и осматривалась вокруг. За окошечками с десятков служащих равнодушно выслушивают проходящих. Одни приносят найденные в парках, транспорте и других общественных местах вещи, другие приходят заявить о потере, третьи получают найденную вещь.

— Стефан Дальмассо. Приятно познакомиться.

Я подняла голову. Передо мной стоял мужчина с густыми усами, отвислыми щеками, в круглых маленьких очочках в пластиковой оправе.

Начальник с улицы Морийон выглядел вполне симпатично и говорил с сильным марсельским акцентом.

— Алиса Шафер, уголовная полиция.

— Пожалуйста, проходите. Скоро уже? — осведомился он, оглядывая мой живот.

— Месяца через полтора, возможно, немного раньше.

— Богатырь и вас сделал богатыршей, — бросил он на ходу и пригласил меня в кабинет.

Я оказалась в просторной комнате, напоминавшей небольшой музей, где были собраны самые невероятные вещи: розетка Почетного легиона, ножной протез, человеческий череп, оплавленный кусочек металла Всемирного торгового центра, урна с пеплом кошечки, катана «Якудза» и даже... подвенечное платье!

— Платье привез шофер такси вот уже несколько лет назад. Он вез молодую пару, которая только что поженилась. Но по дороге молодые разругались и решили расстаться, — объяснил Стефан Дальмассо.

— Вы начальствуете над настоящей пещерой Али-Бабы, — засмеялась я.

— Но куда чаще нам приносит кошельки, очки, ключи, мобильники и зонты.

— Однако все это производит впечатление, — сказала я и взглянула на часы.

— Я вам тут байки рассказываю, а вы спешите, — догадался он, приглашая меня сесть. — Так с чем к нам пожаловала уголовная полиция?

— Я веду следствие по делу об убийствах. И хотела бы знать, не обращалась ли к вам в последние дни некая Виржини Андре.

— Чтобы найти что?

— Чтобы узнать, не приносили ли вам плюшевого мишку, которого ее сын забыл в парке Монсо.

Дальмассо сидел в кресле на колесиках. Он подъехал к своему столу и нажал на клавишу, что бы разбудить компьютер.

— Вы говорите, Виржини Андре? — переспросил он, закручивая ус.

Я кивнула. Дальмассо включил поиск, просмотрел список.

— К сожалению, на протяжении последнего месяца мы не получали никаких заявлений от женщины с такой фамилией.

— Она могла заявить о пропаже по телефону.

— Я все равно бы ее нашел. Все заявления фиксируются и находятся в нашей базе данных. Наши служащие сразу же заполняют формуляры, как только поступила информация.

— Странно. Ее муж уверял, что она заполнила у вас формуляр. Проверьте, пожалуйста, и трех других женщин тоже.

Я написала имена и фамилии в блокнотике на пружинке, который лежал у него на письменном столе, и подвинула к нему.

Дальмассо прочитал фамилии и включил в поиск одну за другой — Клару Матюрен, Натали Руссель, Мод Морель.

— Нет. Ни одной из этих фамилий в наших списках нет.

Трудно описать мое разочарование. Прошла не одна минута, прежде чем я согласилась, что моя ниточка была ошибкой.

— Спасибо, очень жаль, благодарю за помощь.

Когда я встала, собираясь выйти, почувствовала покалывания в животе. Потом ребенок стал очень сильно ворочаться. Он толкался, словно хотел разорвать мой живот пополам. Неужели схватки?

— Вам нехорошо? — забеспокоился Дальмассо. — Хотите, вызову вам такси?

— Да, очень хочу, — согласилась я и снова села.

— Клодетт, — позвал он секретаршу. — Вызовите, пожалуйста, такси для мадам Шафер.

С поджатыми губами и с очень недовольным видом маленькая женщина с крашенными в какой-то ужасный рыжий цвет волосами появилась в кабинете спустя две минуты, держа в руках чашку с горячим чаем.

— Такси будет с минуты на минуту, — объявила она. — Не хотите ли немного горячего сладкого чаю?

Я взяла из ее рук чашку, отпила глоток и стала понемногу приходить в себя. Не знаю, уж почему, но маленькая женщина продолжала смотреть на меня все так же неприязненно. Неизвестно откуда взявшийся вопрос внезапно слетел у меня с губ.

— Месье Дальмассо, я забыла у вас спросить: а у кого из ваших служащих есть трехколесный скутер?

— Спросите что-нибудь полегче! На скутерах скорее гоняют парни, не так ли? А, как вы могли заметить, большинство из наших служащих женщины.

— Эрик приезжает на скутере, — вмешалась в наш разговор секретарша.

Я посмотрела Дальмассо в глаза.

— Кто такой Эрик?

— Эрик Вог. Он у нас внештатник. Работает во время отпусков или, если случается горячее время, заменяет тех, кто надолго заболел.

— Сейчас он работает?

— Сейчас нет, но на Рождество мы непременно попросим его помочь.

Через рифленое стекло в окно кабинета я увидела силуэт такси, оно уже дожидалось меня под дождем.

— А у вас есть его адрес?

— Разумеется. Сейчас мы его найдем, — заверил меня Дальмассо и протянул клейкий листок для записей секретарше.

Огонек надежды разгорелся во мне с новой силой. Я не хотела терять ни минуты. Нацарапала наспех в блокноте Дальмассо свой номер телефона и адрес электронной почты.

— Посмотрите, в какие периоды работал у вас Вог на протяжении двух последних лет, и, пожалуйста, пришлите мне данные на телефон или на компьютер.

Я поймала чуть ли не на лету клейкий листочек с адресом, протянутый мне Клодетт, закрыла за собой дверь бюро и уселась в такси.

* * *

В такси противно пахло потом, орало радио и на счетчике уже стояло десять евро. Я протянула адрес шоферу, дом на улице Паран-де-Розан, в 16-м округе, и попросила сделать радио потише. Он стал было возражать, но я показала ему полицейское удостоверение.

Чувствовала я себя плохо, меня била дрожь и накатывали приступы жара.

Нужно было успокоиться. Я прокручивала про себя сценарий, основанный на маловероятном предположении, но в который мне очень хотелось верить: Эрик Вог, служащий бюро находок, пользуется своей работой, чтобы отыскивать будущих жертв. Клара Матюрен, Натали Руссель, Мод Морель и Virжини Андре — все четыре попали ему в руки, но не попали в список клиентов. Он сумел войти к ним в доверие, заставил разговориться, собрал максимум информации: узнал, где они живут, узнал, что живут одни. После первой встречи он переждал несколько дней, а потом являлся к своей жертве под предлогом возвращения потери. На свое несчастье, все четыре женщины радовались его приходу и охотно открывали ему дверь. К пришедшему с доброй вестью все испытывают доверие. Одна была рада нашедшемуся шарфу, другая телефону, третья плюшевому мишке маленького сына. Его впускали в квартиру, даже если на часах уже было начало десятого.

«Да нет, это бред. Сколько у меня шансов? Один из тысячи? И все же...»

Доехали мы быстро. Поднявшись по бульвару Виктора Гюго, машина миновала больницу Жоржа Помпиду и переехала Сену неподалеку от заставы Сен-Клу.

«Не стоит действовать в одиночку...»

Мне лучше многих было известно, что уголовное расследование не для одиночек. Это сложная многоплановая работа целого коллектива, только тогда бывает результат. Мне очень хотелось позвонить Сеймуру и поделиться с ним своими открытиями. Я уже совсем было собралась, но потом решила дождаться сведений, когда Эрик Вог работал в бюро находок.

Телефон зажужжал. Я посмотрела, какое пришло сообщение. Дальмассо прислал мне график работы Вога. Я кликнула, чтобы открыть его. Оно не открылось. Не тот формат.

«Вот черт!»

— Приехали.

Шофер любезен, как дверь тюремной камеры. Он высадил меня на середине небольшой улочки с односторонним движением где-то между улицей Буало и авеню Моцарт. Дождь пошел еще пуще. Вода текла по мне потоками. Я все весомее ощущала тяжесть ребенка, с каждым шагом мне становилось все труднее идти.

«Поверни голову».

Среди больших городских домов и небольших домиков я увидела сероватое здание с номером, который написала секретарша. Типичное для семидесятых годов здание, барак из серого бетона, который уродует улицу.

Я нашла среди списка жильцов фамилию Вог и нажала кнопку звонка. Никакого ответа.

На улице, на стоянке для велосипедов и прочих двухколесных средств, стоял старенький мотоцикл «Ямаха Чаппи» и трехколесный скутер.

Я решила не отступать и стала нажимать на все звонки, добиваясь, чтобы кто-то из обитателей дома меня впустил.

У меня было записано, на каком этаже живет Вог, и я, не торопясь, стала подниматься по лестнице. Как вдруг почувствовала, что снова в живот как будто ударили ногой. Удары учащались.

Я прекрасно понимала, что совершаю страшную глупость, но ничего не могла с собой поделать. Меня будто что-то вело вперед, и я продолжала подниматься. Расследование. Мое собственное расследование. Свет в подъезде я не зажгла и поднималась ступенька за ступенькой в темноте.

Шестой этаж.

Дверь Вога приоткрыта.

Я достала из сумочки пистолет, мысленно похвалив себя за то, что сообразила взять его с собой. Сжала рукоять двумя руками.

Пот, смешиваясь с дождевой водой, тек у меня по спине.

Я крикнула:

— Эрик Вог! Полиция!

И толкнула дверь, продолжая сжимать пистолет обеими руками. Медленно, шаг за шагом, я продвигалась по коридору. Нашла выключатель, нажала, но электричество было отключено. Дождь вовсю барабанил по крыше.

Комната оказалась почти пустой. Нет света, никакой мебели, разве что несколько коробок на полу в гостиной. Никаких сомнений: птичка улетела.

Напряжение сразу спало. Я держала пистолет только левой рукой, а правой полезла за мобильником. Стала набирать номер Сеймура и вдруг почувствовала: кто-то стоит за спиной. Я отбросила телефон, резко повернулась и увидела перед собой человека. Лицо у него было затенено мотоциклетным шлемом.

Я открыла рот, чтобы закричать, но не успела. Нож вошел мне в живот.

Нож, убивающий моего сына.

Вог вонзал нож снова и снова.

Ноги у меня подкосились, я упала.

Я почувствовала, что с меня снимают чулки. А потом река крови и ненависти понесла меня. Последняя моя мысль была об отце. Точнее, всплыло изречение, которое он вытатуировал у себя на руке.

«Хитрый дьявол хочет убедить нас, что его нет».

Forever is composed of nows.^[5]

Эмили Дикинсон

Хеллз-Китчен, Нью-Йорк
Сегодняшний день
11 часов 15 минут

Алиса закончила рассказ. Прошла минута, Гэбриэл все никак не мог прийти в себя. Он попытался найти слова сочувствия, утешения, но побоялся разбередить рану и предпочел сидеть и молчать.

Прищурив глаза, молодая женщина смотрела, как ветер уносит желтые листья. Вдалеке шумел большой город, а здесь, казалось, вот-вот запоют птицы или зажурчит фонтан, застывший в центре небольшого садика. Пережить вновь бывшее вместе с чужаком было больно и вместе с тем целительно. Как будто побывала на сеансе у психотерапевта. И вдруг, прилетев ниоткуда, Алису посетило озарение. Она вздрогнула.

— Я знаю, как открыть кейс! — воскликнула она, напугав соседа.

Взяла кейс и положила его плашмя себе на колени.

— Два замка и двойной код из трех цифр, — посмотрев на кейс, сказала она.

— Ну да, — удивленно согласился Гэбриэл. — И что дальше?

Алиса наклонилась к нему, приподняла рукав рубашки и показала на цифры, нацарапанные у него на руке.

141197

— Ну что? Спорим?

Она набрала это сочетание цифр, а потом нажала на два замка одновременно. Раздался глухой звук, и чемоданчик открылся.

«А в нем пусто».

По крайней мере, на первый взгляд.

Но Алиса увидела, что внутреннюю обшивку кейса можно отстегнуть, она была на молнии. Алиса потянула молнию и проникла за обшивку, а там... Наконец-то! Что-то вроде кошелька из крокодиловой кожи коричнево-золотистого цвета.

«Что же это?»

Дрожащими от волнения руками она открыла маленький дорожный несессерчик, а в нем в бархатистом углублении, прижатый эластичной лентой, лежал большой медицинский шприц с иглой, закрытой колпачком.

— Это еще что такое? — изумился Гэбриэл.

Не доставая шприц из футляра, Алиса принялась его изучать. В прозрачном цилиндре поблескивала на солнце голубоватая жидкость.

Лекарство? Наркотик? Двадцать миллилитров неизвестного снадобья...

Расстроившись, Алиса вновь застегнула молнию несессера. Будь она в Париже, она отдала бы шприц на исследование в лабораторию, а здесь что сделаешь?

— Чтобы изучить свойства содержимого, нужно набраться мужества и уколоться, — предложил Гэбриэл.

— Нужно сначала сойти с ума, а уж потом уколоться, — поправила. Алиса.

Гэбриэл накинул куртку и приставил ладонь козырьком к глазам, защищаясь от солнца.

— Вижу телефон-автомат в конце улицы, — объявил он, тыча вперед указательным пальцем. — Попробую позвонить еще разок другу-саксофонисту в Токио.

— О'кей, буду ждать вас в машине.

Алиса смотрела вслед Гэбриэлу, который направился к телефонной будке. У нее снова возникло крайне неприятное ощущение, что ее мозги крутятся вхолостую, перемалывая кучу вопросов, не получая ответов.

Почему ни она, ни Гэбриэл не сохранили в памяти ровным счетом ничего о том, что произошло в эту ночь? Каким образом и она, и он могли оказаться в Сентрал-парке? Чья кровь у нее на блузке? Откуда у нее этот пистолет? Почему в заряднике не хватает одного патрона? Кто написал у нее на ладони номер телефона гостиницы? Кто написал номер кода на руке Гэбриэла? Почему в кейс вставили охранный устройство? Что за снадобье в шприце?

От неразрешимых вопросов кружилась голова.

«Алиса в стране заморочек...»

Ей страшно захотелось позвонить Сеймуру и узнать, нет ли у него чего-нибудь нового? Что показала камера наблюдения автостоянки? Что он узнал в парижских аэропортах? Но она себя остановила. Кому как не ей знать, что для сбора информации нужно время. А пока тянется ожидание, она должна проявить инициативу. Должна делать то, что умеет лучше

всего: расследовать!

«Вести расследование подручными средствами...»

Полицейская патрульная машина вынырнула из-за угла и медленно поползла вверх по улице. Алиса опустила глаза и взмолилась про себя: только бы не заметили! «Форд Краун» проехал мимо «Хонды», не останавливаясь. Алиса восприняла эту встречу как предупреждение и отнеслась к ней очень серьезно. Прошло больше часа с тех пор, как они угнали «Хонду». У владелицы было достаточно времени, чтобы заявить о похищении и передать в полицию описание машины и все ее данные. Держать при себе «Хонду» дальше было безумием.

Решение принято. Алиса быстренько собрала вещи — нож, украденный в кафе, мобильный, упаковку ибупрофена, влажные салфетки, несессер со шприцем, лоскут блузки с пятнами крови. Собрала и спрятала в рюкзачок. Сунула пистолет в кобуру, надела ее под куртку и вылезла из машины, бросив ключи на сиденье.

«Итак, значит, вести расследование подручными средствами...»

Что бы она делала, будь она в Париже? Для начала сняла бы отпечатки пальцев на шприце и постаралась определить, кому они принадлежат, по автоматической системе идентификации.

А что она может сделать здесь?

Алиса начала переходить улицу, чтобы подойти к автомату, откуда звонил Гэбриэл, и вдруг дерзкая мысль пришла ей в голову.

Гэбриэл уже шел ей навстречу, сияя улыбкой.

— Я дозвонился Кенни, — сообщил он. — Мой друг согласен предоставить нам свою квартиру, раз нам нужен кров. Это в районе Астория Куинс. Конечно, это не прямо тут за углом, но гораздо лучше, чем ничего.

— Ну так в путь, Кейн! Мы и так потеряли кучу времени. Надеюсь, что вы любите ходить пешком, потому что машины у нас больше нет. Я ее бросила.

— И куда же мы отправимся?

— Туда, где вам очень понравится, потому что вы до сих пор остались в душе ребенком.

— И все-таки?

— Приближается Рождество, Гэбриэл! Я приглашаю вас идти покупать игрушки.

Враг — ваш лучший наставник.

Лао Цзы

Алиса и Гэбриэл пробирались сквозь толпы туристов, направляясь к Дженерал моторс билдинг на углу Пятой авеню и 59-й стрит.

Одетые оловянными солдатиками, швейцары «РАО Schwartz» встречали широкими улыбками посетителей этого старинного нью-йоркского магазина игрушек.

В этом самом большом и самом старом магазине игрушек Манхэттена было уже немало народа. Первый этаж, целиком отданный мягким игрушкам, представлял собой шатер цирка шапито со зверями в натуральную величину: рыкающий лев, тигр, прыгающий через огненный обруч, слон с тремя обезьянками в форме грумов на спине. За цирком начинались ясли. Одетые нянечками продавщицы носили на руках щекастых младенцев, точь-в-точь похожих на настоящих.

— Скажите же наконец, что мы-то здесь позабыли? — взмолился Гэбриэл.

Алиса пропустила мольбу мимо ушей и встала на ступеньку эскалатора.

На этаже молодая женщина шествовала между секциями деловым шагом, зато музыкант то и дело останавливался поглядеть, чем в них торгуют, и с явным удовольствием наблюдал за ребятишками. Одни прыгали по разложенным прямо по полу клавишам гигантского пианино, других родители фотографировали рядом с героями «Звездных войн» двухметрового роста, собранными из деталей лего, третьи толпились вокруг ширмы, где шло кукольное представление, похожее на маппет-шоу.

Не выпуская Алису из виду, Гэбриэл время от времени шарил по полкам с игрушками, позволяя себе на минутку снова окунуться в детство: пластиковые динозавры, пазлы «Равенсбургер» из пяти тысяч деталей, игровые наборы «Плэймобил», крошечные металлические автомобильчики, электрические поезда, лабиринты автомобильных дорог.

«Настоящий рай для ребятни».

В секции маскардных костюмов Гэбриэл не удержался и приклеил

себе усы, как у Граучо Маркса, и напялил шляпу Индианы Джонса. В таком виде он появился в секции «обучающие игры», где Алиса с крайне сосредоточенным видом перебирала коробки: микроскоп, телескоп, набор юного химика, скелеты из пластика с органами, которые нужно разместить внутри...

— Если вы случайно наткнетесь на...

Алиса подняла голову и посмотрела на наряд своего спутника с немалой укоризной.

— Когда же, Кейн, вам надоест паясничать?

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— И не пытайтесь, — вздохнула она, безнадежно махнув рукой.

Обиженный Гэбриэл удалился, но не прошло и пяти минут, как он появился рядом с ней снова, держа в руках небольшую коробку.

— Держу пари, это именно то, что вы ищете, — заявил он, указывая на коробку с фотографиями из знаменитого телесериала.

Алиса без всякого интереса взглянула на игру, которую он ей протягивал. «Ты тоже следователь! Поработай криминалистом!» 29,99 доллара значилось на коробке. Алиса заглянула внутрь, чтобы ознакомиться с содержимым: желтая лента, которой огораживают место преступления, увеличительное стекло, удостоверение детектива, прозрачная лента, гипс для изготовления слепков следов, подушечка для снятия отпечатков пальцев, чернильная и проявляющая, баночка с черной пудрой, намагниченная кисточка...

— Да, это именно то, что нам нужно, — не без удивления признала Алиса и встала в хвост длинной очереди, чтобы заплатить за покупку.

С Габриэлем она встретилась уже по дороге к эскалатору, чтобы спуститься на первый этаж. Джазист сменил фетровую шляпу Индианы Джонса на цилиндр волшебника Мандрагора. Завернувшись в черный плащ, он делал пассы перед публикой, средний возраст которой не превышал лет шести. Алиса тоже остановилась и стала смотреть. Спутник озадачивал ее, раздражал и в то же время был чем-то очень симпатичен. Забавный человек. Очень ловко и с очевидным удовольствием Гэбриэл вытащил из цилиндра плюшевого кролика, потом тукана, котенка, ежика, тигренка...

Глаза Алисы мгновенно налились слезами. Ей было мучительно смотреть на изумленные детские мордашки. Сама она никогда уже не будет кормить ребенка, не поведет его в школу, в футбольную секцию, на занятия дзюдо, никогда не научит, как защищаться и как нападать в этом жестоком мире.

Она старательно моргала, пытаясь справиться с непрошеными слезами, и подошла к Кейну поближе.

— Прекратите дурачиться, Кейн! — приказным тоном распорядилась она, дернув его за рукав. — Забыли, что нас ищет полиция?!

Гэбриэл плавным жестом освободился от плаща и положил его вместе с цилиндром на полку.

— Мандрагор вам низко кланяется, — произнес он и в самом деле поклонился захлопавшим в ладоши малышам.

* * *

Кафе «Перголезе», расположившееся на Мэдисон-авеню позади собора Святого Патрика, одно из самых старых заведений Манхэттена. Столики там из пластика, банкетки обтянуты зеленым дерматином, и все это будто так и осталось где-то в шестидесятых. Но если оно не радует посетителей обстановкой, зато на славу угощает аппетитными салатами, вкуснейшими гамбургерами, яйцами «Бенедикт» и копченым мясом с трюфельным маслом.

Паоло Манкузо, старичок, хозяин кафе, самолично принес на подносе заказ, который сделали молодая женщина, говорящая с сильным французским акцентом, и ее спутник. Они заказали два сэндвича с крабовым салатом, две порции жареной картошки по-домашнему и две бутылки пива «Будвайзер».

Как только принесли еду, Гэбриэл накинулся на нее, отправляя в рот картошку с несказанным удовольствием. Как же она хрустела! И посолена в меру!

Алиса сидела напротив, она раза два откусила от своего сэндвича, а потом отодвинула тарелку, освобождая место на столике. Достала рюкзачок, поставила его перед собой, расстегнула ремешки и вынула тот самый несессер, который они нашли в кейсе. Взяв бумажную салфетку, Алиса с предельной осторожностью постаралась извлечь из кожаного футлярчика шприц, а потом принялась за дело. Открыла коробку с набором для юного детектива, взяла баночку с черной пудрой, намагниченную кисточку и подушечку для снятия отпечатков пальцев.

— Вы в курсе, что это всего-навсего игрушки? — осведомился джазмен.

— Этих игрушек нам хватит за глаза, — отвечала ему Алиса.

Тщательно вытерев руки влажной салфеткой, Алиса внимательно

осмотрела каждую из взятых ею «игрушек». Черная пыль из угля и крошечных частичек железа вполне ее устроила. Она погрузила кончик намагниченной кисточки в баночку с пудрой и покрыла ею шприц. Пудра прилипла к аминокислотам, выделяемым порами кожи, которые оказались в контакте с гладкой поверхностью пластика, и выделила несколько четких отпечатков. Алиса очень осторожно постукала ногтем по шприцу, чтобы стряхнуть с него остатки пудры. Потом внимательно осмотрела каждый отпечаток. Отпечатки несомненно были свежими. Один особенно привлекал взгляд — почти полный, то ли указательного пальца, то ли большого.

— Отрежьте мне кусочек прозрачного скотча, — распорядилась Алиса. Гэбриэл взял в руки небольшую бобину.

— Какой величины? Вот такой?

— Чуть-чуть длиннее. И смотрите, не испортите клейкой поверхности!

Алиса подхватила кусочек ленты и накрыла ею отпечаток пальца, проследив, чтобы не возникло воздушных пузырьков. Потом отклеила ленту и, взяв картонный кружок, какой кладут под пивные кружки, перевернула его и на чистую, нетронутую поверхность наложила скотч с отпечатком, плотно прижав мизинцем, чтобы на картоне остался четкий след.

Когда она убрала кусочек липкой ленты, на белом картонном кружочке красовался отчетливый отпечаток пальца черного цвета. Алиса прищурилась и стала его рассматривать. Прямые и замкнутые линии складывались в довольно оригинальный рисунок: что-то вроде удлинённых лодочек, и на них крошечный шрамчик в виде креста.

С удовлетворенным видом она показала отпечаток Гэбриэлу и спрятала картонный кружок в конверт.

— Очень красиво, — согласился Гэбриэл. — Только не знаю, чем он нам поможет. Его ведь нужно отсканировать, а потом ввести в базу данных, так ведь?

Алиса принялась задумчиво жевать картошку.

— А в квартире вашего друга в Куинсе...

— Что?

— Там может быть компьютер с доступом в Интернет.

— Интернет наверняка есть. А вот компьютер... У него, конечно, ноутбук, и он его забрал с собой в Токио. Так что на квартиру рассчитывать не стоит.

Лицо молодой женщины сразу померкло.

— Как будем добираться? На такси? На метро? Поездом?

На стене как раз над их столиком среди фотографий разных знаменитостей, сфотографированных вместе с хозяином, Гэбриэл заметил старенький план города, приклеенный к пробковой панели.

— Мы сейчас рядом с Центральным вокзалом, — сказал он и ткнул пальцем в карту.

Центральный вокзал... Алиса его прекрасно помнила. Да и как забудешь такую громадину? Ей показал его Сеймур в один из их приездов в Нью-Йорк. Он повел ее тогда есть устриц и лангустов в «Ойстер-бар», знаменитый ресторан, прославившийся своими морепродуктами, расположенный в большом сводчатом зале в полуподвале. И когда она вспомнила об этом ресторане, ей пришла в голову неожиданная мысль. Она посмотрела на план. Гэбриэл прав: Центральный вокзал буквально через два дома от кафе, где они сидят.

— Пошли на вокзал! — воскликнула Алиса и тут же вскочила со своего места.

— Как? Уже?! Без вкусного десерта? А вы видели, какие у них чизкейки?

— Не стоит действовать мне на нервы, Кейн, — отрезала Алиса.

* * *

Они вошли в здание вокзала через вход, расположенный на углу Парк-авеню и 42-й стрит, и оказались в огромном зале, где с двух сторон тянулись окошечки касс и стояли автоматы для продажи билетов.

В центре над справочным бюро — знаменитые часы с четырьмя циферблатами из меди и опала, под которыми вот уже сто лет так любят назначать встречи влюбленные.

«Вот уж точно ничего похожего на Северный вокзал или Сен-Лазар», — подумала Алиса, оглядывая просторный зал. Мягкий осенний свет проникал через большие боковые окна и окрашивал его в золотистые охристые тона.

Наверху огромный свод — высотой не меньше сорока метров, а на нем тысячи нарисованных звезд. Поглядишь — и кажется, будто стоишь под небесными созвездиями ясной теплой ночью. С этого вокзала Кэри Грант уезжал в Чикаго в фильме Хичкока «К северу через северо-запад», здесь Де Ниро встречал Мэрил Стрип в картине «Влюбленные».

— Идите за мной! — распорядилась Алиса голосом достаточно звучным, чтобы перекрыть вокзальный шум.

И двинулась вперед, рассекая толпу, а Гэбриэл поспешил за ней следом. По лестнице они поднялись на галерею, опоясывающую удивительный зал. С галереи он казался еще великолепнее, еще значительнее.

Фоном для чудесного вида на огромный зал служили витрины с товарами выставки-продажи средств связи. Алиса заскользила между светлыми столиками, на которых лежали модные образчики лучших фирм: мобильные телефоны, цифровые плееры, компьютеры, планшеты. Территория выставки находилась под охраной, но почти все образцы были в открытом доступе, и посетители, в большинстве туристы, смотрели свою почту, странствовали по Интернету или слушали музыку, не снимая мотошлемов.

Действовать нужно было очень быстро, повсюду видны были полицейские и охранники. Алиса благополучно избежала внимания служащих в красных футболках, сновавших между посетителями, и подошла к одной из витрин.

Протянула рюкзачок Гэбриэлу и распорядилась:

— Достаньте-ка мне наш картонный кружок.

Пока Гэбриэл доставал, она включила «Макбук Про», модель, очень похожую на ту, которой пользовалась дома. Одним кликом запустила программу, позволяющую включить камеру, расположенную в середине верхней планки компьютера, потом взяла кружок, который протянул ей Гэбриэл. Поместила его перед камерой и сделала несколько снимков с отпечатка. С помощью программы для редактирования, имевшейся в компьютере, поиграла светом и тенью, чтобы фотография получилась как можно отчетливее, а потом собралась заняться отправкой полученного снимка. Но сначала предложила Гэбриэлу пойти и купить им билеты на электричку.

Увидев, что Гэбриэл направился в сторону автоматов, Алиса стала набирать сообщение Сеймуру. Она страшно спешила, и пальцы ее так и порхали по клавиатуре.

Кому: Сеймур Ломбар

Тема: Помоги!

От кого: Алиса Шафер

Сеймур, более чем когда-либо, нужна твоя помощь. Постараюсь перезвонить в течение часа. Необходимо предельно ускорить розыски.

1. Ты нашел доступ к камерам наблюдения на автостоянке?

2. Нашел мою машину? Мой компьютер? Проверил, что с моим банковским счетом?
3. Какие сведения о Гэбриэле Кейне?
4. Посылаю фото отпечатков пальцев. Пробей их по базе данных как можно скорее.
5. Рассчитываю на тебя.

Твой друг Алиса.

(...) я умел уберечь только тех, кто ушел.

Дидье ван Ковеларт

Астория

Северо-запад Куинса

Полдень

Осеннее солнце освещало наземную станцию метро.

Алиса и Гэбриэл сошли с освещенной платформы и очутились среди покупателей, бродивших по рынку, расположившемуся под металлическими конструкциями станции.

На Центральном вокзале Алиса и Гэбриэл сели в поезд и доехали до Лексингтон-авеню, а потом метро доставило их до станции «Астория-бульвар». Дорога заняла не больше двадцати минут, но вид города изменился разительно. Вместо небоскребов из стекла и металла их окружали маленькие домики из заурядного кирпича, а бьющая ключом жизнь Манхэттена сменилась провинциальной тишиной.

В воздухе пахло оливковым маслом, чесночной приправой и свежей мятой. Прилавки манили кальмарами и жареными спрутами, мусакой, сувлаки, пахлавой, виноградными листьями и пирожками с брынзой. Аппетитные лакомства не оставляли ни малейшего сомнения: Астория — это район Нью-Йорка, издавна принадлежащий грекам.

— Вы адрес-то по крайней мере знаете? — осведомилась Алиса, видя, что Гэбриэл остановился, задумавшись, в какую сторону идти.

— Я был здесь всего раз или два, — огрызнулся джазист. — Помню, что окна квартиры выходят на Стенвей-стрит.

— Улица по определению предназначена для музыкантов, — усмехнулась Алиса.

Они спросили дорогу у старичка, который продавал шашлык из говядины с лавровым листом, готовя его тут же на жаровне.

Следуя указаниям старичка, они пошли по длинной улице, обсаженной деревьями. Небольшие домики, стоявшие здесь, напоминали провинциальные городки и окраинные кварталы Лондона. Улица привела

их на другую улицу, торговую и очень оживленную. Здесь царила дружба народов: лоточники-греки сидели рядом с вегетарианцами-индусами, на подносах в полной гармонии соседствовали кебабы, японские роллы и пряные корейские овощи. Настоящий гастрономический фестиваль в небольшом городском квартале.

И вот они наконец на Стенвей-стрит, и снова в новой части света. На этот раз Алиса и Гэбриэл оказались по другую сторону Средиземного моря, а если говорить точнее, в северной Африке.

— Вот уже несколько лет, как этот квартал стали называть «Маленький Египет» или «Маленькое Марокко», — уточнил Гэбриэл.

В самом деле — чуть-чуть воображения, и вполне можно было себе представить, что ты телепортирован в какую-то из арабских стран, на рынок Каира или Марракеша. Вся улица благоухала сладким запахом меда и тажина, а кофейни встречались гораздо чаще, чем греческие таверны. Алиса с Гэбриэлом миновали золотистое здание мечети, потом мясную лавку «Халяль», потом магазин мусульманских религиозных книг. В разговорах арабский с английским перемешивались самым естественным образом.

— Похоже, мы пришли, — объявил Гэбриэл, остановившись перед небольшим домом со светлым фасадом и окнами, которые закрываются вертикально, находившимися как раз над вывеской парикмахера.

Дверь в подъезд открывалась без всякого кода. Лифта не было. Алиса и Гэбриэл быстренько поднялись на третий этаж и забрали ключи от квартиры у госпожи Чауч, владелицы дома, которую Кенни предупредил об их приходе по телефону. Потом поднялись под самую крышу.

— Ну, что? По-моему шикарно! А вам как? — спросил Гэбриэл, входя в мансарду первым.

Квартира Кенни представляла собой две просторные комнаты с металлическими балками на потолке.

Алиса вошла следом за Гэбриэлом, оглядела кирпичные стены, высокие потолки, натертый пол и замерла перед огромным окном, откуда открывался завораживающий вид на Гудзон.

Она не могла оторваться от мощной реки добрую минуту, потом положила рюкзачок на массивный дубовый стол, возле которого стоял блестящий металлический стул и два разнокалиберных кресла.

— Умираю от усталости, — призналась она и плюхнулась в кресло.

— А знаете, что мы сделаем? Сейчас вы примете ванну! Я вам ее наполню, — предложил Гэбриэл.

— Что вы! Не стоит. У нас столько дел!

Но джазист, не слушая возражений, уже поднимался по винтовой лесенке, которая вела в мезонин, где находилась ванная комната.

Алиса вздохнула и неподвижно застыла в мягком кресле. Усталость навалилась на нее внезапно. Понадобилось минут десять, чтобы справиться с этим самым естественным следствием стресса и множества физических усилий, которые были потрачены после фантастического пробуждения в Сентрал-парке. Почувствовав себя лучше, Алиса встала и заглянула в кухонный шкаф в поисках чайника. Нашла и поставила кипятить воду, а сама вернулась в гостиную и принялась машинально читать названия книг на книжных полках (Гарри Круз, Хантер Томпсон, Треваньян...), перелистала журналы, лежащие на низком столике, обвела глазами абстрактные полотна, развешанные на стенах.

Просторная светлая комната выдержана в прохладных тонах — самые разные оттенки серого, кое-где переходящие в теплеющий бежевый. Удачный компромисс между индустриальным стилем и «шведским деревянным». Близость реки, аскетическое убранство, мягкий рассеянный свет создавали приятную атмосферу безопасности. Как будто тебя поместили в кокон.

Алиса поискала глазами компьютер, домашний телефон.

«Ничего похожего».

В вазе на столе она обнаружила ключи от машины. Брелок для ключей изображал серебряную лошадку на полном скаку.

«Неужели Мустанг?» — подумала она, забирая ключи.

Вернулась на кухню и в ящике взяла пакетик с генмайча — зеленым японским чаем с воздушным поджаренным рисом. Заварила и налила себе чашку чая. Напиток показался ей оригинальным — свежесть зеленого чая контрастировала с ореховым привкусом поджаренного риса. Но пить чай ей вдруг расхотелось. Она вылила содержимое чайника в раковину и открыла застекленную дверцу шкафчика с винами, который приютился рядом с холодильником. Не было сомнений, что хозяин квартиры был большим любителем хорошего вина. Кроме калифорнийских пино нуар, он коллекционировал сухие французские вина. Благодаря отцу Алиса неплохо разбиралась в энологии. Она сразу заметила «Шато-Марго» 2000 года, «Уайт Хорс» 2006-го, «Монроз» 2005-го... Решила откупорить «Сент-Эстеф», но остановилась, увидев бургундское. Бутылку «Ля Таш» 1999 года из виноградаря Романа Конти. Бесценное сухое вино, которого она никогда не пробовала. Алиса мигом отмела все разумные доводы, которые помешали бы ей отведать божественного нектара, откупорила бутылку и налила себе большой стакан. Но прежде чем выпить, невольно

залюбовалась им. Великолепный цвет граната, удивительный аромат розы, черного винограда и шоколада.

«Нет, мне нужен вовсе не чай, а это вино!»

Алиса отпила глоток бургундского, наслаждаясь всеми нюансами черного винограда и пряностей. Вино наполнило ароматом ее рот, согрело внутри. Она допила стакан до дна и тут же налила еще один.

— Если мадам даст себе труд подняться, ванна для нее готова, — торжественно объявил Гэбриэл, стоя на лесенке.

— Хотите вина?

— Как?! Вы открыли вино?! — вскричал он в ужасе, торопясь вниз чуть ли не через ступеньку по винтовой лестнице.

Он посмотрел, какую бутылку открыла Алиса, и покраснел от гнева.

— Вы переходите все границы, мадам Без удержу! Вы хоть знаете, сколько стоит это вино?!

— Ладно вам, Кейн! Оставьте уроки хорошего тона для себя!

— Прекрасный способ отблагодарить моего друга за гостеприимство! — продолжал кипятиться Гэбриэл.

— Перестаньте, Кейн! Я заплачу за это дурацкое вино, не сомневайтесь!

— Из каких денег? Из вашей мизерной полицейской зарплаты?

— Именно! Кстати, вы не знаете, есть у вашего друга машина?

— Да, есть, старая развалюха. Кенни, кажется, выиграл ее в покер.

— А вы знаете, где он ее держит?

— Представления не имею.

И вдруг, словно его что-то подтолкнуло, Гэбриэл пересек гостиную и свесился из окна, выходящего во двор, засыпанный гравием. Вокруг забетонированной площадки в центре стояло с десятков машин. Гэбриэл прищурился, стараясь рассмотреть, какие там стоят марки.

— Вполне возможно, его вон та, — сказал он, указывая на белую с двумя синими полосами «Шелби».

— Отлично! Идите и удостоверьтесь, — распорядилась Алиса, бросая ему ключи.

Гэбриэл заартачился:

— Может, хватит давать мне указания? Я не из ваших мальчишек на побегушках!

— Давайте поскорее, Кейн. Нам *реально* нужна машина!

— А вы отправляйтесь принимать ванну, моя голубушка. Вам *реально* нужно расслабиться.

Алиса повысила голос:

— Не смейте никогда называть меня го...
Но не успела договорить, Кейн уже вылетел за дверь.

* * *

Ванная комната наверху была соединена со спальней, как это обычно делается в гостиницах. Алиса уселась на постель и открыла рюкзачок. Вынула коробку с телефоном и распаковала. В коробке лежал мобильник, зарядка, инструкция. На самом дне коробки она нашла еще пластиковую карту с номером серии мобильного.

Алиса поставила мобильник на зарядку. На экране появилась иконка, сообщающая о кредите в десять минут. Она нажала кнопку «звонить», и на экране сразу выскочил номер нового мобильного, а голос попросил ввести номер серии ее сотового.

Алиса ввела. Металлический голос автоответчика попросил ввести код зоны, в которой она собирается использовать телефон. Вспомнив слова Гэбриэла, она набрала 212, код Нью-Йорка. И почти сразу же эсэмэской ей был прислан номер телефона. Как только телефон был активизирован, Алиса ввела номер карты, которую купила одновременно с телефоном, и сразу получила сто двадцать минут разговора.

Кредит она использовала, набрав номер Сеймура, но попала на автоответчик.

— Позвони мне на этот номер, Сеймур, как только сможешь. Мне очень нужна твоя помощь. Прошу, действуй как можно быстрее!

* * *

После этого Алиса отправилась в ванную, отделенную от спальни перегородкой из матового стекла. Ванная была оформлена в стиле ретро, напоминая 50-е годы: пол из черных и белых плиток, ванна на медных ножках, керамическая раковина, винтажные краны, деревянные шкафчики с нарисованной лепниной.

Кейн и впрямь наполнил для нее ванну — та ждала ее с облаком белой пены, благоухая лавандой.

«Станный все-таки парень!»

Алиса разделась перед большим зеркалом в темной кованой раме с завитушками и погрузилась в воду. От тепла кровь сразу побежала быстрее,

поры раскрылись, мышцы расслабились, болезненное ощущение в зажатых суставах уменьшилось. Молодая женщина задышала полной грудью. У нее возникло удивительно приятное ощущение обнявшей ее горячей целительной воды, и на несколько минут она целиком и полностью отдалась ее благодатным объятиям.

Потом задержала дыхание и погрузилась в воду с головой.

Алкоголь, который проник в кровь, и горячая вода погрузили ее в подобие дремоты и полного расслабления. В голове проплывали самые разные мысли, противореча друг другу. Она не могла смириться с тем, что не помнит вчерашний вечер. И еще раз попыталась восстановить все по порядку. Но доступ к воспоминаниям по-прежнему закрывала черная тьма. Поначалу пазлы складывались легко: бары, коктейли, подружки, автостоянка на улице Франклина Рузвельта. Потом ее путь к машине. Искусственное голубоватое освещение подземной стоянки. Она чувствовала себя усталой, спотыкалась. Отчетливо видела, как открывает дверцу малышки «Ауди», садится за руль... Рядом с ней кто-то был! Она внезапно это вспомнила. Из потемок неожиданно всплыло пятно лица. Рядом с ней был мужчина. Она попыталась восстановить черты, но они растворялись в перламутровом тумане.

А поток воспоминаний повлек ее в глубь времени, туда, где таился источник неутолимой боли.

Я вспоминаю...

Два года назад...

Я вспоминаю.

Точнее, представляю себе.

21 ноября 2011 года.

Вторая половина дождливого дня. Рабочий кабинет моего мужа. Прием прерывает телефонный звонок.

— Доктор Поль Малори? С вами говорят из отделения грудной хирургии больницы Отель-д'ё. К нам только что привезли вашу жену. Она в тяжелом состоянии и...

* * *

Поль в панике хватает плащ, бормочет на ходу сбивчивое объяснение секретарше и бегом бежит из кабинета. Садится в старушку Джульетту, припаркованную как всегда в те дни, когда он на машине, на краешке тротуара перед зданием отдела недвижимости парижской мэрии. Дождь превращает каждый день в кашу штрафные квитанции, которые он получает за неправильную парковку. Поль включает зажигание и объезжает площадь, чтобы попасть на улицу Бак.

Уже здорово темно. Мерзкий сырой осенний день. В такие дни Париж становится ненавистным, превращается в ад с метастазами, грязный, перенаселенный, утонувший в лужах и тоске. Бульвар Сен-Жермен, машины едва ползут. Поль стирает рукавом капли, которые стекают по ветровому стеклу нашей Джульетты «Альфа-Ромео». И тем же рукавом утирает слезы, которые текут у него по щекам.

«Алиса! Ребенок! Скажите, что это неправда!»

Узнав, что ему предстоит стать отцом, Поль словно переселился на седьмое небо. Только и говорил, что о будущем. Кормление из соски, прогулки в Люксембургском саду, строительство замков из песка на пляже, первый день в школе, футбольные матчи утром по воскресеньям... И вот приходится расставаться с мечтами, а их было так много...

Поль всеми силами старался отогнать от себя страшные мысли, во что бы то ни стало вернуть трезвость, спокойствие. И не мог. Отчаяние переполняло его, он сотрясался от рыданий. К невыносимой боли примешивался гнев. Он выл, как раненый зверь. Остановленный красным светом, яростно ударил кулаком по рулю. В голове звенели слова практиканта, не скрывшего от него страшную правду. «Скажу прямо, доктор, состояние крайне тяжелое: многочисленные ножевые раны в области матки...»

Красный сменился зеленым. Поль сорвался с места и резко повернул руль, встраиваясь в цепочку автобусов. Он не мог понять, каким образом могло произойти это несчастье? Почему вдруг его жену после того, как они вместе пообедали в небольшом кафе на улице Гизард, нашли в какой-то дыре на западе Парижа, хотя она должна была быть у своей акушерки и готовиться к родам?

И снова ужасные картины перед глазами: Алиса в луже крови на полу, спешно прибывшая «Скорая помощь», заключение врача: «Состояние пациентки нестабильное, давление крайне низкое, пульс нитевидный, конъюнктивы глаз бледная. Срочная перевязка, и пережим венных сосудов».

Поль сигналил фарами, обогнал два такси, собирался свернуть налево.

Но бульвар Сен-Мишель заблокирован полицейскими, там идет демонстрация. Поль стиснул зубы.

«Черт побери! Да не может этого быть!»

Он опустил окно и вступил в разговор с полицейским, умоляя пропустить, но получил отказ и на нервах, проклиная все на свете, двинулся назад.

Яростный звук клаксона настиг его, когда он снова выруливал на бульвар Сен-Жермен. Сигналил автобус, потому что Поль забыл включить поворотник.

Нет! Необходимо взять себя в руки. Мобилизоваться. Собрать волю в кулак и спасти Алису. Он должен найти хирурга, который способен совершить чудо. Надо подумать, кого он знает из собратьев по больнице Отель-дье.

«Пралаворио? Нет, он корпит в Биша. Журден? Он в Кошене, но телефонов у него в записной книжке хватит на собрание сочинений! Вот ему-то и нужно позвонить!»

Поль стал шарить по карманам плаща в поисках телефона, который положил рядом с собой на сиденье. Шарил и никак не мог найти.

Старушка Джульетта двигалась по узкому коридору улицы Бернарден, потом выехала на мост Аршвеше, «мост влюбленных», где на решетчатой ограде висят сотни замков и замочков, поблескивая в полутьме.

Поль прищурился, зажег свет и в конце концов увидел мобильник: он соскользнул на пол. Держа руку на руле, он наклонился поднять телефон. А когда распрямился, его ослепил свет. Прямо на него мчался мотоцикл, хотя на мосту было одностороннее движение. Тормозить было слишком поздно. Поль резко вильнул в сторону, стремясь избежать столкновения. Джульетту отнесло вправо, она врезалась в тротуар, подскочила, на полном ходу врезалась в фонарь, а потом протаранила металлическую решетку моста.

Когда машина упала в Сену, Поль был уже мертв.

* * *

Я помню,
Что в тот самый день, 21 ноября 2011 года,
Из-за гордыни, тщеславия, самоослепления
Я убила своего ребенка
И своего мужа.

Жизнь — это битва.

Сенека

Приглушенный водой телефонный звонок не сразу достиг сознания Алисы. А когда достиг, сразу же вывел молодую женщину из прострации, в которую она было погрузилась. Алиса выскочила из ванной, завернулась в полотенце и схватила мобильник.

— Шафер слушает, — сообщила она, нажав на клавишу.

— Алиса, это я.

— Сеймур! Наконец-то!

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Мне нужна информация, чтобы двигаться дальше. Ты нашел что-нибудь?

— Получил от тебя отпечаток. Классная работа. Уверен, что результат не заставит долго ждать. Я отдал его Савиньону, и он сейчас шарит по базе. Думаю, где-то через полчаса что-то прояснится.

— О'кей. А все остальное? Камера наблюдения на автостоянке?

— Да, я съездил на Франклина Рузвельта, посмотрел их записи, но много там не увидишь. Твоя машина прибыла на автостоянку в двадцать часов двенадцать минут и уехала в ноль часов семнадцать минут.

— Меня видно на картинке?

— Нет, тебя трудно различить.

«Вот черт!»

— Уезжая, я сижу в машине одна? За рулем я?

— Трудно сказать. Камера фиксирует твой номер, а все, что делается в машине, погружено в темноту.

— Вот идиотизм-то! Не может этого быть! А ты пробовал поработать с картинками?

— Поверь, там ничего не видно. Камера у них хуже некуда. И скажу сразу, что с аэропортами тоже нулевка. Без серьезных оснований, без реального состава преступления, к их базам данных доступа нет. Говорю же тебе, работать было бы куда проще, если бы мы обратились к Таландье.

— Ни за что! А с подругами поговорил?

— Да, со всеми тремя. Ты сильно перебрала, Алиса. Они за тебя беспокоились. Малика и Карина предлагали тебя проводить, но ты и слышать не хотела...

— Скажи, что ты ведь все-таки что-то узнал, Сеймур!

— Узнал. Самое интересное я приберег на сладкое. Ты одна?

— Да. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что это касается твоего спутника Гэбриэла Кейна. Кастелли провел настоящее следствие по поводу этого Кейна. Нигде нет и следа пианиста и джазиста с таким именем.

— Но я же не говорила, что речь идет о Рее Чарльзе или Мишеле Легране. Если его мало кто знает, тут нет ничего удивительного.

— Послушай, ты же знаешь Кастелли. Это самый лучший следователь в угрозыске, он работает с документами как никто. Если бы было хоть что-то, он бы нашел, ты знаешь. Но тут глухо. Ноль. Существует с десяток Гэбриэлей Кейнов, но среди них ни одного джазиста. Ни в Интернете, ни в любительской среде. И представь себе, это еще не самое интересное...

Сеймур замолчал, подготавливая как можно больший эффект.

«Да рожай же уже!»

— Ты сказала, что он играл в клубе «Браун Шуга» в Дублине вчера вечером? Так? — переспросил Сеймур.

— Да. Так он мне сказал.

— Ну, так это вранье. Кастелли позвонил хозяину клуба и поговорил с ним. Вчера в «Браун Шуга» был вечер сальсы, мамбо и ча-ча-ча. На сцене играли только музыканты большого оркестра кубинской музыки, который утром в тот же день прилетел из Гаваны.

Пораженная Алиса с трудом переваривала сказанное Сеймуром. Потом не без удивления отметила, что подыскивает какие-то доводы, стараясь оправдать Гэбриэла. Может, у него есть сценический псевдоним? Может, он принадлежит к какой-то джазовой группе? Может быть...

— В общем, мы не знаем, кто этот тип, — снова заговорил Сеймур. — Я продолжаю поиски. Но до тех пор, пока мы ничего о нем не знаем, будь с ним как можно осторожнее. Не доверяй ему.

Алиса повесила трубку и на несколько секунд замерла. Все ее попытки оправдать Кейна не имеют ни малейшего смысла. Он обвел ее вокруг пальца, точно зеленого новичка. А она не проявила достаточной бдительности. Гэбриэл Кейн водит ее за нос с первой секунды.

«Но ради чего? Что ему нужно?»

Алиса оделась с умопомрачительной быстротой и покидала все свои вещи в рюкзачок. Внезапно ей сделалось страшно. Безумно страшно. С

колотящимся сердцем она спустилась вниз, зажав в руке пистолет.

— Кейн! — крикнула она, входя в гостиную.

Алиса внимательно оглядела гостиную и на цыпочках подкралась к кухне, продолжая сжимать в руке рукоять пистолета. Никого. В кухне пусто.

На видном месте, на столе, возле бутылки с вином, Алиса увидела конверт и на нем нацарапано несколько слов.

«Алиса!

Я нашел машину, но бензина почти нет. Поехал заправиться.

Буду ждать вас в арабской кофейне, где курят кальяны, она на противоположной стороне улицы.

P. S. Надеюсь, вы любите восточные сладости.

Гэбриэл».

На самом деле существуют две жизни: одна, которой, как мы считаем, мы живем, и другая. Другая ставит перед нами проблемы, и мы страстно жаждем с ней познакомиться.

Джеймс Солтер

Алиса сбежала по лестнице. Пистолет она сунула в кобуру, а кобуру в рюкзачок и закинула его на плечо. Свежий ветерок благоухал запахом пряностей, кураги и ванили. Алиса сразу же заметила «Шелби». Машина стояла на другой стороне у арабской кофейни: кремовый корпус, сияющий хром, синие спортивные полосы. Вид агрессивный. Задремавший тигр, готовый издать устрашающий рык.

Посмотрев по сторонам, Алиса перешла улицу и толкнула дверь с нарисованной Нефертити.

Кальян-бар оказался уютной смесью востока и запада, соединив в обстановке то и другое: низкие столики и глубокие кресла, расшитые золотом подушки и полки с книгами, пианино, старая дубовая стойка, обитая цинком, дартс, позаимствованный из английских пабов.

Атмосфера царила самая располагающая. Начинаясь вторая половина осеннего дня, спокойного и солнечного. Кайфовали студенты, сидевшие за своими ноутбуками, кайфовали старички египтяне и марокканцы, обитатели этого квартала, мечтательно покуривая свои кальяны. Сладкий запах табачного дыма смешивался с запахом мятного чая, приятно обволакивая и расслабляя.

Гэбриэл уже сидел за столиком и играл в шахматы с длинноволосым парнем в затрапезном желтом свитере из эластана и фиолетовой безрукавке.

— Есть разговор, Кейн!

Молодой партнер Гэбриэла по шахматам поднял голову и жалобно проговорил:

— Но вы же видите, мэм, что партия в самом разгаре!

— А ты, кислотник, мотай отсюда! — приказала Алиса, сметая фигурки с доски.

И прежде, чем студент успел открыть рот, она сгребла его за лацканые безрукавки и приподняла со стула. Паренек перепугался. Он торопливо подобрал шахматные фигурки, рассыпавшиеся по полу, и убрался, благоразумно не дожидаясь продолжения.

— Похоже, ванна вас не расслабила, — вздохнул Гэбриэл. — Может, восточным сладостям повезет больше. Здешнее печенье с медом и сухофруктами — объеденье. Или вам больше нравится молочный рис? А может, вы выпьете чашечку чая?

Алиса спокойно уселась напротив него, решив во что бы то ни стало вывести притворщика на чистую воду.

— А знаете, что меня бы всерьез порадовало? — осведомилась она.

Он с недоуменной улыбкой пожал плечами.

— Скажите, и все, что в моих силах...

— Вы сказали, все, что в ваших силах? Видите пианино у стойки?

Гэбриэл обернулся, и по его лицу пробежала тень беспокойства.

— Я была бы счастлива, если бы вы сыграли мне что-нибудь, — сообщила Алиса. — Не каждый день, прямо скажем, мне так везет, что я пью чай с джазовым пианистом.

— Не думаю, что сейчас это уместно. Мы помешаем посетителям...

— Какие глупости! Посетители будут в восторге. Все обожают слушать музыку, покуривая наргиле.

Гэбриэл снова попытался увильнуть:

— Уверен, что пианино расстроено.

— Подумаешь! Не обращайтесь внимания на пустяки. Давайте, Кейн, сыграйте что-нибудь известное: «Опавшие листья», «Blue Monk», «Апрель в Париже»... А еще лучше «Алису в Стране чудес», так сказать, по моему особому заказу. Давайте, Кейн! Вы не можете мне отказать.

В большом затруднении Гэбриэл заерзал на своем стуле.

— Послушайте, мне кажется...

— А мне кажется, что вы такой же джазмен и пианист, как я сестра милосердия!

Гэбриэл потер глаза и испустил долгий смиренный вздох. Похоже, он даже обрадовался и отнекиваться не стал.

— Признаюсь, я вам наврал, но только по части профессии.

— А почему я должна вам верить, Кейн? Что Кейн, это ваша настоящая фамилия?

— Все остальное чистая правда, Алиса! Меня действительно зовут Гэбриэл Кейн, и вчера вечером я был в Дублине, а сегодня утром проснулся в Централ-парке, скованный с вами одними наручниками, не понимая, как я

туда попал.

— А зачем же нужно было рассказывать мне всякую хрень?

Гэбриэл снова вздохнул, понимая, что ближайшие минуты обещают быть для него не из самых приятных.

— Потому что я того же роду-племени, что и вы, Алиса.

Алиса нахмурилась.

— Я?

— Да, я тоже из страны полицейских.

* * *

В воздухе повисло молчание.

— Хватит играть в прятки! Кто вы на самом деле? — переспросила Алиса через несколько минут.

— Специальный агент ФБР, откомандированный сейчас для работы в Бостон.

— Вы надо мной издеваетесь?! — взорвалась Алиса.

— И в мыслях не было. Вчера вечером я действительно был в Дублине и после целого дня работы зашел в один из клубов «Темпл-бара» — напротив гостиницы. Захотелось, знаете ли, пропустить стаканчик-другой, устал очень.

— И что вы забыли в этой Ирландии?

— Приехал повидаться с коллегой из Гарда Сиочана. [\[7\]](#)

— С какой целью?

— С целью наладить международное сотрудничество. Дело идет об одном расследовании.

— Каком именно?

Гэбриэл отхлебнул чая, словно стремясь приостановить поток вопросов и дать себе время на ответ.

— О расследовании целой серии преступлений, — ответил он наконец.

— Речь идет о серийном убийце, — уточнила Алиса, стараясь разговорить коллегу.

— Не исключено, — нехотя отозвался тот.

В кармане куртки молодой женщины зазвонил телефон. Алиса взглянула на экран, там высветился номер Сеймура. Она замерла в нерешительности. Ей не хотелось прерывать Кейна, она ждала от него дальнейших откровений.

— Почему бы вам не ответить? — поинтересовался Кейн.

— А вам-то какое дело до моих разговоров?
— Звонит ваш коллега, не так ли? Неужели вам не интересно узнать, кому принадлежат отпечатки пальцев на шприце?

Алиса нажала на клавишу.

— Алло!

— Это я, Алиса, — сообщил Сеймур. Голос звучал взволнованно.

— Ты пробил отпечатки по базе данных?

— Откуда ты их взяла, Алиса?

— Они были на шприце, я потом все объясню. Ты мне скажи, что-нибудь выяснилось?

— Да, мы получили ответ, но ответ полное дерьмо!

— Почему?

— По базе выходит, что отпечаток принадлежит...

— Кому, черт бы тебя побрал?!

— Эрику Вогу, — ответил Сеймур.

— Эрику Вогу?

Новость оказалось неожиданной. Алисе словно ударили под дых.

— Да, тому, кто пытался тебя убить и...

— Я знаю, кто такой Эрик Вог, черт побери!

Алиса прикрыла глаза. Казалось, она вот-вот потеряет сознание, но совладала с собой.

— Этого не может быть, Сеймур, — отрезала она, и голос у нее был совершенно спокойным.

На другой стороне линии послышался вздох.

— Я понимаю, поверить в это трудно, но мы перепроверили не один раз. Более тридцати пунктов сходятся. И теперь я просто обязан поставить в известность Таландье.

— Пожалуйста, дай мне еще несколько часов.

— Нет, Алиса, это невозможно. Все, что касается Вога, — это территория, начиненная минами. Один раз мы уже сели по уши в дерьмо, благодаря твоим личным розыскам.

— Очень тактично напоминать мне об этом!

Алиса взглянула на висящие позади стойки часы с рекламой пепси-колы.

«Тринадцать часов пятнадцать минут в Нью-Йорке».

— Сейчас в Париже четверть девятого. Дай мне время до полуночи.

Молчание.

— Прошу тебя!

— Это неразумно и опасно.

— Покопайся еще с отпечатком. Я уверена, что это не Вог.
Новый вздох на другом конце провода.

— А я уверен, что Вог в Нью-Йорке, Алиса. И ищет тебя, потому что хочет тебя убить.

*Чудовища существуют. Существуют привидения.
Они живут в нас. И порой берут над нами верх.*

Стивен Кинг

Разноцветные пылинки плясали в лучах солнца.

Приоткрытые деревянные ставни пропускали солнечный свет. Бар тихонько гудел, словно пчелиный рой. В просторном помещении сладко пахло апельсинами, финиками и орехами. Посетители беззаботно курили наргиле или грызли сладкие рожки с миндалем.

Алиса и Гэбриэл сидели молча друг напротив друга. Молодой человек подошел к их столу и налил им свежего мятного чая. Как положено у марроканцев, он поднимал чайник очень высоко над стаканами, чтобы на поверхности чая возникла легкая пена.

Гэбриэл сидел, уперев локти в стол и положив подбородок на сложенные ладони. Лицо у него посуровело. Настал час признаний.

— Отпечаток на шприце принадлежит Эрику Вогу, я не ошибся?

— Откуда вам известно это имя?

— Именно его я и должен был отыскать в Ирландии.

Алиса поймала его взгляд и больше уже не отпускала.

— Почему в Ирландии?

— Долгая история. Десять дней назад полицию Бостона подняла на ноги государственная полиция города Мэн из-за нестандартного убийства, совершенного в округе Камберленд. Меня отправили на место преступления с моим коллегой, специальным агентом Томасом Крейгом.

— Кто жертва? — спросила капитан французской полиции.

— Элизабет Харди, тридцать один год, медсестра, работавшая в больнице Собаго-котедж. Ее нашли мертвой у нее на квартире, она была задушена...

— Нейлоновым чулком, — подсказала Алиса.

Кейн кивнул, подтверждая.

Сердце Алисы колотилось как сумасшедшее, но она всеми силами старалась держать себя в руках. Да, убийца действовал точно так же, как Вог, но одинаковые действия еще не означают, что преступник один и тот

же.

— После этого убийства, — продолжал Кейн, — мы безуспешно просмотрели базы данных VICAP. Я не должен был бы вам этого говорить, но наши хакеры имеют возможность внедряться в базы данных европейских полиций: немецкий VICLAS, французский SALVAC...

— Надеюсь, вы шутите?

— Не валяйте дурака, на войне как на войне, — спокойно сказал Кейн. — Одним словом, таким образом я обнаружил серию убийств, совершенных Эриком Вогом в Париже в ноябре 2011 года.

— И вы связали те убийства с новым?

— Я попросил о встрече с вашей начальницей, возглавляющей бригаду уголовного розыска, чтобы обсудить этот вопрос.

— Матильдой Таландье?

— Я должен встретиться с ней на будущей неделе в Париже, но сначала я поехал в Ирландию. Проверив международную базу данных, я обнаружил, что восемь месяцев назад в Дублине было совершено аналогичное убийство.

— Тот же тип жертвы и тот же самый образ действий?

— Убитая — Мэри Маккарти, двадцати четырех лет, студентка третьего курса Тринити-колледжа. Найдена у себя в комнате в университетском общежитии, задушена колготками.

— И вы полагаете, что это Вог?

— Но это же очевидно. Разве нет?

— Нет.

— След Вога в Париже потерялся после того, как он совершил нападение на вас. С тех пор Вог словно растворился в воздухе. Французская полиция не продвинулась ни на шаг.

— И что же?

— Сейчас расскажу. Лично я думаю, что Вог — это убийца-хамелеон, способный менять образ жизни, как только чувствует, что ему грозит опасность. Думаю, он сразу же уехал из Парижа, ненадолго остановился в Ирландии, а теперь находится в Соединенных Штатах.

— Вы так думаете, потому что у вас на руках два убийства, которые можно считать похожими на те, что совершены Вогом?

— Они не похожи, они совершенно идентичны, — поправил молодую женщину Кейн.

— Но Вог не единственный, кто душит своих жертв нейлоновыми чулками.

— Не валяйте дурака, Шафер! Вог убивает каждую из своих жертв

чулками предыдущей жертвы. Это его специфика. Так сказать, почерк. И вы это прекрасно знаете.

— И чем же была задушена жертва в Бостоне?

— Бело-розовыми колготками. Теми же самыми, которые были на студентке-ирландке в день ее смерти.

— Не спешите с выводами, Кейн! Убийца в Ирландии и убийца в Штатах, я уверена, просто подражатели. Так сказать, ученики, поклонники, которые воспроизводят почерк кумира.

— Имитаторы?! Каких мы каждый вечер видим в телесериалах? Но в реальной жизни таких не существует.

— Как это не существует? А Зодиак у вас здесь, в Нью-Йорке? А дело Ханса?

Кейн поднял руку, чтобы прервать Алису.

— Этим фактам добрых тридцать лет, они вошли во все учебники по криминалистике.

Но Алиса не собиралась отступить:

— Вот уж не думала, что в ФБР такие простаки! Вы всегда закрываете глаза и наступаете прямо в расставленные для вас ловушки, Кейн?

Гэбриэл нервно потер руки.

— Послушайте, Алиса, я хотел вас побережь, но если вам нужно неопровержимое доказательство, оно у меня есть.

— Давайте ваше доказательство!

— Вы знаете, какими чулками была задушена молоденькая ирландка?

— Ну и какими же?

— Колготками для беременных, сине-зелеными, с рисунком в виде серпантина. Парой, которая была на вас два года назад, когда Вог чуть не убил вас.

Воцарилось молчание. От этого доказательства у Алисы прошел холодок по спине. Полиция не сообщила об этой детали прессе. Имитатор никак не мог знать ни фирмы, ни вида тех колготок, которые были на ней.

Алиса потеряла виски.

— Хорошо, допустим, вы правы. И каковы ваши предположения?

— Я думаю, что Вог объединил нас, чтобы легче было с нами управиться. И то, что мы нашли его отпечатки пальцев, только укрепляет мою уверенность. Вы француженка, работаете следователем, Вог вас прекрасно знает, недаром так яростно пытался вас уничтожить. Он убил вашего ребенка, который должен был вот-вот родиться, и теперь во что бы то ни стало хочет уничтожить вас, потому что вы его ненавидите, потому что вы сами готовы уничтожить его. А я, я агент ФБР, которому поручено

следствие и который напал на его след в Штатах. Мы два детектива, которые охотятся за ним. Два полицейских, которые готовы на все, лишь бы его поймать. Но у этих двух полицейских свои слабости, свои демоны, которые в один прекрасный миг превращают их из охотников в жертв.

Нарисованная Кейном картина напугала и заворожила Алису. Но больше все-таки напугала.

— Может быть, Вог, а может быть, и не Вог совершил эти преступления. Потому что, я уверена, у него есть помощник, последователь, ученик, кто угодно, — продолжала настаивать на своем Алиса. — И вот вам подтверждение: вчера вечером вы были в Дублине, а я в Париже. Как бы там ни было, но и вас и меня нужно было посадить в самолет. Не считаете же вы, что Вог вездесущ.

— Да, конечно, тут я с вами согласен.

Алиса сжала виски руками. Дело приняло неожиданный оборот, и вот уже несколько часов ее душевная рана, которую она день за днем пыталась залечить, снова обнажилась и причиняла нестерпимую боль.

— Одного не могу понять, Кейн: зачем вам понадобилось столько времени скрывать от меня, кто вы такой на самом деле.

— Во-первых, хотелось узнать вас получше. Разобраться, как глубоко задевает вас это дело, каковы ваши мотивы. Мне необходимо собрать как можно больше информации, я не хочу, чтобы у меня забрали это расследование. А во-вторых, между нами говоря, больше всего на свете я не люблю оказываться в унижительном положении, а тут, согласитесь, положение хуже некуда...

— Но почему вам взбрело в голову назваться джазистом?

— Не знаю. Это произошло совершенно спонтанно. Я всегда любил джаз, и мой самый близкий друг Кенни в самом деле саксофонист.

— И что вы теперь предлагаете?

— Для начала предлагаю зайти в лабораторию, где исследуют кровь. Это в Верхнем Ист-Сайде, мы отдадим туда на анализ лоскут с кровавыми пятнами, оставшийся от вашей блузки. ФБР часто работает именно с этой лабораторией. Стоимость анализа бешеная, но у них отличные препараты и классные работники. Через два часа получим полный генетический анализ.

— Хорошая мысль. А дальше?

— Дальше возвращаемся на машине в Бостон, настраиваем наши скрипки в унисон и отправляемся в ФБР, рассказываем все, что знаем, и просим, чтобы меня не отстраняли от расследования.

Алиса посмотрела на Гэбриэла и отметила про себя, что с тех пор, как он открыл свое истинное лицо, он изменился. Дурашливый джазист

уступил место серьезному и основательному следователю. Взгляд посуровел, черты стали жестче, на лицо легла печать обеспокоенности. Алиса словно бы знакомилась с совсем другим человеком.

— Хорошо, я поеду с вами, — согласилась она. — Но с одним условием: в Бостоне я тоже приму участие в расследовании.

— Но вы понимаете, что это от меня не зависит?

— А вы понимаете, что сейчас мы с вами одна команда? Вы снабжаете информацией меня, я вас. Но если мы не команда, то дороги наши расходятся — и прощай лоскут от моей кофточки. Да или нет, решать вам.

Гэбриэл вытащил сигарету из пачки, которая нашлась в «Хонде». Закурил, сделал несколько затяжек. Он явно нервничал и хотел подумать несколько минут.

Алиса искоса наблюдала за ним. Теперь она признала его своим. Следователь-маньяк, готовый на все, лишь бы самому вести расследование. Полицейский, который проводит большую часть ночи, размышляя о мотивировке преступника.

Страж закона, для которого арест убийцы — священнодействие.

Гэбриэл достал ключи от «Шелби» и положил на стол.

— Хорошо, я согласен, поехали, — кивнул он и с силой раздавил недокуренную сигарету в пепельнице.

Si vis pacem para bellum.
(Хочешь мира, готовься к войне.)

Вегетий

Кубик Рубика двадцати метров высотой возвышался над Пятой авеню. Соседствуя со зданиями госпиталя Маунт-Синай и музеем Нью-Йорка, лаборатория по исследованию крови занимала последний этаж суперсовременной постройки с фасадом из разноцветных стеклянных квадратов, напоминающей знаменитую трехмерную геометрическую головоломку.

Алисе и Гэбриэлу понадобилось не меньше четверти часа, чтобы добраться до границы Верхнего Ист-Сайда и Испанского Гарлема. По счастью, они приехали в обеденный час, поэтому мест для парковки оказалось немало. Они пристроили «Шелби» на одной из улиц, выходящих к нескончаемой ограде больницы и студгородка медицинской школы.

— Подождете меня в машине, о'кей?

— Смеетесь, что ли? И речи быть не может! Я иду с вами, — вспыхнула Алиса.

— Ладно, — вздохнул Гэбриэл. — Но говорить буду я. Я веду это следствие, вам ясно?

— Ясно, шеф, — насмешливо отозвалась Алиса и открыла дверцу.

Гэбриэл тоже вышел из машины.

— Но мы не теряем ни минуты, это понятно? — бросил он, узнав, который час, глянув на счетчик времени на стоянке.

Алиса молча кивнула и последовала за ним в холл и дальше — в кабину лифта. В это время дня на этаже, где располагалась лаборатория, почти не было пациентов. Сидя в окошечке регистратуры, сестра доедала из пластиковой коробочки салат из свежих овощей.

Гэбриэл назвал себя и сказал, что хочет видеть Элиан Пелетье, заместителя заведующего лабораторией.

— Она француженка? — удивилась Алиса, сразу подметив на звучании имени и фамилии.

— Нет, канадка, она из Квебека. И предупреждаю, с весьма

характерными особенностями, — предупредил Гэбриэл, нахмутив брови.

— С какими же?

— Пусть это будет для вас сюрпризом.

В следующую же секунду Элиан Пелетье появилась в конце коридора.

— Габи, мальчик мой, ты приехал представить мне свою невесту?! — радостно закричала она.

Маленькая, коренастая, с коротко подстриженными седыми волосами и в квадратных очках, Элиан спешила к ним. Она была в белом халате, накинутом на широкое черное платье, и ее гладкое розовое личико походило на кукольное.

— До чего же я рада, что ты наконец сядешь на якорь, — поддела она Гэбриэла, хлопая по плечу.

Но Гэбриэл не стал поддерживать шутливый разговор.

— Познакомься, Элиан, капитан Шафер из уголовной полиции Парижа.

— Добрый день, красавица! — поздоровалась Элиан, обнимая Алису. — Всюду проклятые французы! Ну, идемте!

Гости последовали за Элиан в кабинет.

— У нас очень мало времени, Элиан. Можешь заказать биохимический анализ пятен крови на этом лоскутке. Наши лаборатории зашиваются.

Алиса достала из сумки лоскуток от своей блузки и протянула канадке.

— Сейчас озабочу кого-нибудь из лаборантов, — пообещала она, беря в руки будущий объект исследования. — Что тебя конкретно интересует, скажи точнее.

— Мне нужен молекулярно-генетический анализ ДНК, с которым можно было бы работать. Можешь сделать быстро?

— Шесть часов, устроит? — осведомилась Элиан, поправляя очки.

— Издеваешься?

— Могу использовать суперсовременные технологии, но это обойдется куда дороже.

— Давай как можно быстрее. И как только будет результат, пошли его Томасу Крейгу вместе со счетом. Но мне надо его предупредить. Можно воспользоваться твоим телефоном?

— Чувствуй себя как дома, Габи. А я немедленно берусь за работу.

Элиан вышла, и они остались в кабинете одни.

— Какой номер вашего мобильного? Если вас это не стеснит, я дал бы его Томасу, чтобы он мог быть с нами на связи.

Алиса кивнула и написала номер нового мобильного на самоклеящемся листочке, который нашла на письменном столе.

Пока Гэбриэл звонил коллеге, Алиса вышла в коридор. Включила телефон и набрала номер отца, однако попала на автоответчик. Грубый голос заявил:

«Ален Шафер. Сейчас занят. Оставьте сообщение после сигнала».

— Папа, это Алиса. Набери меня, когда сможешь. Это важно. Очень срочно. Очень.

Нажала отбой. Подумала секунду-другую и решила позвонить Сеймуру.

— Это снова я.

— Я уже начал беспокоиться, черт побери! Ты поговорила с Кейном?

— Да, он говорит, что он спецгент ФБР отделения в Бостоне.

— Давай без шуток, Алиса! Он тебя разводит.

— Можешь попытаться проверить, так это или нет? Но на этот раз мне кажется, что он говорит правду. Кейн ведет расследование убийств, которые очень похожи на те, что совершал Эрик Вог.

— Я позвоню Шармену, тому парню из Вашингтона, который помогал нам в деле Петреуса.

— Спасибо, Сеймур. Ты все еще на службе? У меня к тебе еще одна просьба.

Следователь в Париже не мог удержаться от тяжелого вздоха.

— Алиса, с раннего утра я только и делаю, что исполняю твои просьбы.

— Мне нужно, чтобы ты сел в машину и...

— Прямо сейчас? Но это невозможно! У меня работы до одиннадцати ночи!

Алиса словно не слышала.

— Сел в машину и по восточной автодороге добрался до Меца, а оттуда до Саргемина.

— Алиса! Это порядка трехсот пятидесяти километров!

Алиса продолжала, как будто ничего не слышала.

— Между Саргемином и Страсбургом ты найдешь территорию бывшего сахарного завода. Я точно не знаю, где она находится, но ты спросишь Кастелли, и он точно тебе скажет. Сахарные заводы на каждом шагу не встречаются!

— Я уже сказал, что никуда не поеду, Алиса! Ты меня слышишь?

— Возьми с собой тряпку, большую кисточку и пробирки. Позвони, когда доберешься. Нужно, чтобы ты кое-что проверил!

— Ты соображаешь, что туда и обратно — это восемь часов дороги?!

— Я бы тебя не просила, если бы это не было крайне важно. Ради

нашей дружбы! Прошу тебя! — умоляющим голосом попросила она. — Я могу довериться только тебе! Это ты хоть понимаешь?

Сеймур чувствовал напряжение, в каком на другом конце света находится его подруга. Вздыхнул и покорился.

— Скажи по крайней мере, что я должен там искать, — снова вздохнул он.

— Труп. Так я надеюсь, по крайней мере.

* * *

Шоссе.

Скорость.

Мелькает пейзаж за пейзажем.

Глухой рокот мотора в восемь лошадиных сил.

По радио нестареющий голос Отиса Реддинга.

На середине панели немолодого автомобиля большой циферблат тахометра.

Запах амбры и меда от волос Алисы.

Гэбриэл и Алиса покинули Манхэттен ровно в два часа дня и были в дороге уже около двух часов, проехав немалую часть Коннектикута, сначала по трассе 95, которая идет вдоль побережья, потом по 91-й автостраде, что ведет на север. Движение на автостраде умеренное, светит яркое солнце, вдоль дороги встают то ели, то гинкго, то вязы, то белые дубы.

Занятые своими мыслями, Алиса и Гэбриэл не обменялись пока ни единым словом, думая каждый о своем. Каждый переживал свои неприятности.

«Шелби Мустанг» летел как стрела. Сидя за рулем этого болида, Гэбриэл на секунду вообразил себя гордым своим коньком парнем шестидесятых, который везет подружку посмотреть последний фильм со Стивом Маккуином, слушая по дороге Роя Орбисона или братьев Эверли и боясь грозящего призыва в армию, потому что могут отправить во Вьетнам.

Гэбриэл посмотрел в зеркальце на Алису. Суровое замкнутое лицо. Погружена в нелегкие раздумья и крепко сжимает в руке телефон в ожидании звонка. Спортивная куртка, отлетающие назад волосы, высокие скулы, лицо, словно высеченное из белого мрамора. Красота, но грозная и воинственная. Ничего другого не скажешь: Алиса Шафер на тропе войны. Но за суровыми чертами этой женщины иной раз возникает другая — куда

более нежная и мягкая.

Гэбриэл задумался, какой она была до... До трагедии. Улыбчивой, спокойной, счастливой. А он сам? Мог ли он влюбиться в такую женщину, если бы встретил ее в Париже? Заговорил бы с ней? А она? Посмотрела бы на него?

Он мысленно представил себе сцену знакомства. Просто так. Просто из удовольствия представить такое знакомство.

И вдруг вместо Отиса Реддинга по радио зазвучал рэпер Эминем, и вся романтика исчезла. Прощайте, далекие 60-е, а с ними все романтические бредни. Мы опять в суровой реальности.

Гэбриэл прищурился и опустил козырек, защищая глаза от яркого света.

Снова взглянул в зеркальце и остановил взгляд на Алисе. Она закручивала волосы в узел.

— На дорогу нужно смотреть, Кейн.

— Мне бы хотелось, чтобы вы мне кое-что объяснили...

Он не закончил фразы. Алиса не отводила глаз, в которые он смотрел в зеркальце.

— Почему вы с такой непоколебимой уверенностью утверждаете, что отпечатки на шприце не могут принадлежать Богу?

Она сердито передернула плечами.

— Никакой уверенности! Я же сказала, что это только предположение.

— Не морочьте мне голову! Вы ни на секунду не поверили, что Эрик Вог орудует в Штатах, хотя миллион доказательств подтверждают обратное. У меня, знаете ли, накручено множество часов допросов. Я прекрасно знаю, когда человек лжет. И вы сейчас лжете.

Алиса слабо возразила:

— Ничего подобного, вы не смее...

— Напоминаю, сейчас здесь я единственный официальный следователь, ведущий расследование, — повысил голос Гэбриэл. — Я вел себя с вами корректно и предоставил всю информацию, которую имею, хотя мог бы этого не делать.

Алиса вздохнула, а Гэбриэл продолжал:

— Вы попросили меня дать вам возможность войти в команду, и я должен просить за вас начальство, чтобы оно разрешило вам участвовать в расследовании. Прекрасно. Я согласился, хотя это явно ущемляет мои интересы. Но если мы партнеры, то ничего не прячем в заглавник. О'кей?

Алиса кивнула в знак согласия. Это был мужской разговор. Такие разговоры она ценила.

— Итак, повторяю вопрос, Алиса: почему вы уверены, что отпечатки на шприце не принадлежат Эрику Вогу?

Она потерла виски, потом глубоко вздохнула и наконец ответила:

— Потому что Вог мертв, Кейн. И уже давно.

Я вспоминаю...

Меньше двух лет назад

Я вспоминаю.

5 декабря 2011 года.

Слепящая белизна больничной палаты. Зимнее солнце клонится к закату, и его лучи с трудом пробиваются сквозь шторы.

Тошнотворный запах антисептика и какой-то еды.

Я хочу умереть.

* * *

Три недели прошло с тех пор, как Эрик Вог пытался меня убить, и с тех пор, как погиб Поль. Я лежу на кровати, уставившись в пустоту, опустошенная сама. У меня стоит капельница, мне вводят антибиотики. Несмотря на болеутоляющие, малейшее движение причиняет мне зверскую боль внизу живота. Несмотря на успокоительные и антидепрессанты, любая мысль будит нестерпимую боль.

Когда «Скорая» привезла меня в больницу, я уже потеряла много крови. Мне сделали УЗИ органов малого таза, чтобы убедиться, что ребенок мертв, и узнать, какой еще ущерб причинил мне нож убийцы. Повреждены матка, артерия, кишки, словом, разворочена вся брюшная полость.

До чего же мне нужен был в эту минуту Поль! Чтобы сидел рядом, чтобы мы вместе оплакивали нашу потерю, чтобы я уткнулась в него и просила у него прощения, просила прощения. Прощения...

Мне сообщили о его смерти как раз перед тем, как везти на операцию. Перед тем, как вскрыть меня и достать моего убитого ребенка. Моя последняя связь с жизнью оборвалась. Я заорала как ненормальная от ярости и горя, я колотила врачей, которые пытались меня успокоить, а потом провалилась в темную яму анестезии.

* * *

После операции идиот-хирург заявил, что «мне повезло». На этой стадии беременности ребенок занимал уже очень много места в моей брюшной полости и оттеснил все органы к позвоночнику. Мой ребенок принял на себя удары, которые были бы для меня смертельными. Мой ребенок спас мне жизнь.

Одна мысль об этом была непереносима.

Мне зашили все внутренние разрывы, удалили часть кишечника. Даже сказали, что сумели сохранить матку для возможной в будущем беременности.

Как будто у меня может быть новая любовь, новая беременность, еще один ребенок...

* * *

Моя мать потрудились сесть на поезд и приехать меня навестить. Она пробыла у меня двадцать минут. Брат оставил сообщение на автоответчике. Сестра ограничилась эсэмэской. По счастью, Сеймур заходил ко мне по два раза на дню и делал все, что мог, чтобы как-то помочь. Ребята с набережной Орфевр тоже навещали, но я по их молчанию чувствовала, что они здорово огорчены и даже сердятся: мало того что я влезла на их территорию, я провалила самое значительное дело, какое было у нас в полиции за последние несколько лет.

Я, хоть и лежала, но ловила на себе такие взгляды, обмануться насчет которых было невозможно. В них читались горечь и упрек. Я прекрасно знала, о чем думали коллеги. Они думали, что из-за моей глупости Эрик Вог до сих пор на свободе.

И как бы ни было ужасно все, что со мной произошло, во всем виновата я и только я.

* * *

Я плавала в медикаментозном тумане от пилюль, которые давали мне милосердные сестрички. Отключить мозг, сделать бесчувственным сердце — другого способа помешать мне вскрыть себе вены или прыгнуть в окно

не было.

Несмотря на затуманенную голову, я услышала пронзительный скрип палатной двери. На пороге появилась массивная фигура моего отца. Я скосила глаза и смотрела, как он не спеша идет к моей кровати. Ален Шафер во всем своем великолепии: грива волос с легкой проседью, худое лицо, на щеках трехдневная щетина. Как обычно, в неизменной «форме» полицейских: кожаном полупальто на меху, свитере под горлышко, потертых джинсах, в ботинках с квадратными носами. На запястье старенькие металлические часы «Ролекс Дайтона», точь-в-точь как у Бельмондо в «Страхе над городом», их подарила ему моя мать за год до моего рождения.

— Держись, чемпионка? — спросил он и подвинул стул, чтобы сесть у моей кровати.

«Чемпионка». Прозвище моего детства. Уже лет двадцать пять отец не называл меня так. Внезапно всплыло воспоминание: в воскресные дни отец водил меня на теннисный корт. И правда, мы выигрывали с ним вместе кубки и памятные подарки. Я — играя на корте, он — болея за меня на трибуне. У него всегда находилось в нужный момент нужное слово. Успокаивающий взгляд, подбадривающий жест. Стремление победить. Любой ценой.

Отец навещал меня каждый день. Обычно приходил ближе к вечеру. И сидел у меня, пока не засну. Он один понимал меня хоть немного и не осуждал. Он один меня защищал, потому что и сам действовал бы точно так же. Подсев на адреналин, он бы тоже рисковал всем на свете, тоже пошел бы один к убийце, зажав в руке пистолет и по-бычьему нагнув голову.

— Я зашел повидаться с твоей матерью в гостиницу, — сказал он, открывая кожаный кейс. — Она отдала мне кое-что, о чем я просил ее уже давным-давно.

И отец протянул мне альбом с фотографиями в полинявшей матерчатой обложке. Я с усилием приподнялась, зажгла лампу над изголовьем и принялась переворачивать страницы, переложенные папиросной бумагой.

На альбоме дата: 1975 год, год моего рождения. На картонных страницах фотографии, прикрепленные клейкими уголками, с надписями, сделанными шариковой ручкой. Они прекрасно сохранились.

Первые снимки сделаны весной 1975 года. Сфотографирована моя мать, она беременна, на седьмом месяце. Я успела позабыть, до чего на нее похожа. И, конечно, забыла, что мои родители поначалу очень любили друг друга. Листая альбом, я прожила словно бы целую жизнь, которая

воскресла благодаря пожелтевшим фотографиям. Увидела маленькую квартирку, которую они снимали на улице Делаंबर на Монпарнасе. Психоделические оранжевые обои в гостиной, где царило огромное яйцевидное кресло, квадратные этажерки с пластинками тридцать три оборота — Дилан, Хендрикс, Брассенс, бакелитовый телефон, постер футбольного клуба «Сент-Этьен» в разгар его славы.

На всех фотографиях у отца и матери улыбка во весь рот, они, без сомнения, счастливы, что вскоре станут родителями. Поэтому берегут и фотографируют каждый существенный этап великого события: вот анализ крови, сообщивший о моем появлении, вот данные первого исследования, вот имена, нацарапанные на листке блокнота: Эмма или Алиса, если девочка, Жюльен или Александр, если мальчик.

Переворачиваю следующую страницу, и у меня перехватывает горло. Роддом, день моего рождения. Орущий младенец на руках у отца. Под фотографией узнаю почерк матери:

«12 июля 1975 года: вот наша маленькая Алиса. Она такая же умница, как ее папа и мама!»

На соседней странице резиночка с номером, который дают при рождении, и еще одна фотография, снятая несколько часов спустя. На этот раз «маленькая Алиса» мирно спит в своей колыбельке, а рядом сидят сияющие, хоть и очень усталые родители. И снова надпись маминой рукой:

«Перед нами новая жизнь. Новые чувства переполняют нас. Мы стали родителями».

Горькие слезы обожгли мне щеки: мне-то никогда не узнать этих чувств!

— Какого дьявола ты мне все это показываешь? — спросила я, отталкивая альбом.

И вдруг увидела, что у отца глаза тоже на мокром месте.

— Когда мама тебя родила, я первый тебя выкупал и дал тебе соску, — сказал отец. — Другого такого дня, другого такого события в моей жизни не было. В этот день, впервые взяв тебя на руки, я пообещал тебе...

Голос у него от волнения дрогнул, и он несколько секунд помолчал.

— Что? — спросила я.

— Пообещал, что до тех пор, пока я жив, никому не дам тебя в обиду. Буду защищать, что бы ни случилось, при любых обстоятельствах.

Я сглотнула слюну.

— Теперь ты видишь, — сказала я, — что не стоит давать таких обещаний, потому что сдержать их невозможно.

Отец вздохнул, потер веки, стараясь справиться со слезами, которые не мог удержать, а потом достал из кейса плотный конверт.

— Я сделал что мог. Сделал то, что должен был сделать, — сказал он и протянул мне конверт.

Я держала конверт в руках, не решаясь в него заглянуть, и смотрела на отца вопросительно. Тогда он сказал:

— Я нашел его, Алиса.

— О ком ты?

— Я нашел Эрика Вога.

Я застыла, открыв рот. Я онемела. Мой мозг отказывался понимать то, что я только что услышала. Я попросила отца повторить.

— Я отыскал Эрика Вога, — повторил он. — Он больше никогда не причинит тебе зла.

Я словно окоченела. Несколько минут мы сидели, молча глядя друг на друга.

— Этого не может быть! С тех пор, как он в бегах, его ищет полиция по всей Франции. Каким чудом тебе удалось найти его в одиночку?

— Не важно. Нашел.

Я задержалась.

— Но ты же не работаешь в полиции, у тебя нет помощников, нет...

— У меня сохранились связи, — сказал он, не сводя с меня глаз. — Ребята остались мне должны. Эти ребята знают других ребят, а те знакомы с третьими. Ты сама знаешь, как это делается.

— Нет, не знаю.

— У меня всегда были осведомители среди таксистов. Один из них посадил Эрика Вога у заставы Сен-Клу в тот самый вечер, когда он напал на тебя. Он бросил свой скутер, когда понял, что по нему его могут опознать.

Я почувствовала, что сердце у меня в груди вот-вот разорвется. Отец продолжал:

— Доехал на такси до Сен-Сен-Дени, точнее, до Ольне-су-Буа и вышел у жалкой гостинички рядом с площадью Генерала Леклерка.

Отец взял у меня из рук конверт и достал пачку фотографий, похожих на те, что детективы делают исподтишка.

— В общем, так. Все искали гада за границей, а он залег в норе в двадцати минутах от Парижа. Провел там пять дней под чужим именем, с

фальшивым удостоверением личности. Старался не обнаруживать себя лишними передвижениями, ждал, потому что для того, чтобы уехать из страны, ему все равно нужно было достать фальшивый паспорт. И вот на пятый день в одиннадцать вечера он вышел подышать свежим воздухом. Шел один вдоль каменной ограды, опустив голову, надвинув на глаза кепку. Тут я его и подкараулил.

— Как? Прямо на улице?

— Ночь, темно, местечко пустынное. Два удара ломиком. По голове и по шее. Он был уже мертв, когда я засунул его в багажник своего «Рейнджровера».

Я попыталась сглотнуть, но не смогла, мешал ком в горле. Вцепилась изо всех сил в металлическое ограждение кровати.

— И... что ты сделал с телом?

— Ехал почти до утра в сторону Луары. И вдруг между Страсбуром и Саргеминном заметил замечательное местечко: старый заброшенный сахарный завод. Как раз годится, чтобы избавиться от изверга.

Отец протянул мне еще несколько фотографий. Поглядев на них, я вспомнила декорации одного из фильмов ужасов: ограда — и за ней заброшенные здания. Заколоченные окна. Трубы из красного кирпича, готовые рассыпаться и обвалиться. Гигантские металлические баки, наполовину вросшие в землю. Разваливающийся конвейер. Вагонетки, брошенные на рельсах, заросших бурьяном. Проржавевший экскаватор.

Отец ткнул пальцем в фотографию:

— За складской зоной один за другим расположены три каменных колодца. Все они ведут в подземное хранилище для воды. Так вот Вог гниет в среднем. Никто и никогда не найдет его там.

И он показал мне последнюю фотографию. Большой каменный колодец, окруженный массивной решеткой.

— Эта месть наше частное дело, — продолжал отец, кладя мне руку на плечо. — Следствие в скором времени прикроют. Во-первых, прекратятся убийства. Во-вторых, раз известно, что у Вога родня в Ирландии и Штатах, сочтут, что он слинял туда. Или покончил жизнь самоубийством.

Я выдержала взгляд отца, не сморгнув. Я окаменела, не в силах произнести ни единого слова. Меня обуревали совершенно противоположные чувства.

Сначала удовлетворение, а следом глухая ярость. Я сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладонь. Тело напряглось. На глазах закипели слезы, кровь прилила к щекам.

Как посмел отец отнять у меня право мщения?! Это право

принадлежало мне!

После гибели мужа, после гибели моего ребенка желание выследить и уничтожить Эрика Вога было единственным, что привязывало меня к жизни.

Теперь у меня не осталось ничего. Ни-че-го...

Часть 3

КРОВЬ И УЖАС

Кровавые ужасы порой бывают прекрасны.

Донна Тартт

Мелькали километры.

Погруженный в свои мысли, смоля одну сигарету за другой, Гэбриэл вел машину, не отрывая глаз от дороги.

Дорожный указатель предупредил: «Следующий поворот Хартфорд», следующий за ним сообщил: «До Бостона 105 миль». Если и дальше ехать с такой скоростью, то в отделе ФБР они будут уже часа через два.

Алиса, прижавшись лбом к стеклу, пыталась привести в порядок разбегающиеся мысли. Разложить сбивающую с ног информацию по воображаемым папкам, а папки распределить по различным отделам головного мозга.

У нее не выходили из головы слова Сеймура относительно камеры наблюдения на автостоянке: «Камера фиксирует твой номер, а все, что делается в машине, погружено в темноту».

Алисе смертельно хотелось посмотреть это видео *самой!*

Она должна была все проконтролировать.

Выверить все детали.

Но как это сделать? Еще раз позвонить Сеймуру? Бессмысленно. Он уже все, что знал, сообщил: *Я съездил на Франклина Рузвельта, посмотрел их записи, но много там не увидишь.* Сеймур просмотрел видеоролик, но не забрал его. А как иначе? При отсутствии поручения произвести следственные действия он и не мог его забрать. Просто приехал на автостоянку и, должно быть, серьезно надавил на охранника, прежде чем тот дал ему просмотреть видеозаписи.

Алиса мысленно перебрала всех, к кому могла бы обратиться. Потом включила телефон и набрала номер комиссара Марешаля, который был замом главного в дорожной полиции.

— Привет, Франк, это Шафер.

— Алиса? Ты где это? Высветился номер, очень от нас далекий!

— Я в Нью-Йорке.

— Угрозыск оплачивает такие командировки?

— Долгая история, потом расскажу.

— Ладно, я и так все понял. По-прежнему вольный стрелок и сама ведешь расследование. Ты когда-нибудь изменишься, Алиса?

— Никогда, Франк, что правда, то правда. Поэтому я и звоню.

— Сейчас десять вечера, Алиса. Я сижу дома и... А что тебе понадобилось?

— Видеоролик камеры наблюдения на автостоянке «Вэнси-Парк» на улице Франклина Рузвельта. Мне нужно все, что ты сможешь найти по поводу «Ауди ТТ» жемчужно-серого цвета...

— Стоп, Алиса! Можешь не продолжать. Ты же знаешь, что речь идет о частной автостоянке! — Франк помолчал и спросил: — И все-таки, что тебе от меня нужно?

— Сделай то, что ты так хорошо умеешь делать. Ты знаком с парнями из «Вэнси-Парк», поговоришь с ними, пригроишь, похвалишь. Есть чем записать номер места?

— Я все-таки не понимаю...

— А ты понимаешь, что я спасла твоего паренька, когда работала в отделе наркотиков? Ты ведь тогда обрадовался, что ему не придется садиться в тюрьму? Правда? Хочешь, напомню, сколько у него было тогда при себе порошка?

— Черт бы тебя побрал, Шафер! Да с тех пор прошло уже десять лет! Я что, по гроб жизни теперь тебе обязан?

— Думаю, да. Конечно, по гроб жизни. Точно так же, как по гроб жизни имеешь детей. Ну, так ты записываешь номер места?

Марешаль снова вздохнул, но на этот раз это был вздох покорности.

— Как только получишь видео, сбрось мне на телефон, ладно? И не тyani! Мне нужно посмотреть его сегодня вечером!

Алиса с удовлетворением отключилась, а потом в ответ на вопросительный взгляд Гэбриэла вкратце передала ему суть разговора. Полицейский собирался закурить новую сигарету, но пачка оказалась пустой.

— А от вашего отца по-прежнему никаких вестей?

Алиса отрицательно покачала головой. Гэбриэл продолжал:

— А ведь главный ключ от всей этой загадочной истории у него! Если он сказал вам правду и в самом деле убил Вога, значит, мы ошибаемся относительно убийцы.

— Вы считаете, я об этом не догадываюсь?

Гэбриэл смял пустую пачку и сунул ее в пепельницу.

— Но я не понимаю, какой ему был смысл лгать вам?

Алиса пожала плечами:

— Возможно, хотел мне помочь перевернуть страницу с пережитой мной катастрофой.

На лице Гэбриэла отразилось сомнение.

— До такой степени, что мог выдумать целую новеллу?

— Сразу видно, что вы не знаете моего отца!

— Это правда, совсем не знаю.

Алиса смотрела сквозь стекло на дорожные столбики вдоль дороги. На скорости, с какой они ехали, столбики сливались и казались коридором из металла и бетона.

— У его достоинств есть недостатки. Он меня хорошо знает и не сомневался, что я пойду на все, чтобы отомстить. Я могла убить Вога собственными руками. Допускаю, что ему захотелось уберечь меня от возможной глупости.

— А вы не хотите позвонить ему еще разок?

— Бесполезно. Если бы он получил сообщение, тут же бы перезвонил.

— Позвоните, ну еще разочек, и я оставлю вас в покое, — попросил Гэбриэл с улыбкой.

Алиса не стала спорить, перевела телефон на громкую связь и снова набрала номер.

«Ален Шафер. Я сейчас занят. Оставьте сообщение после сигнала».

— Странно, что ваш отец вам не перезвонил.

— Отец не хватается за телефон каждые пять минут, чтобы посмотреть, звонил ему кто-то или нет. К тому же, выйдя на пенсию, он увлекся спелеологией. Вполне возможно, он сейчас вместе со своими дружками из Клуба бывших полицейских сидит в какой-нибудь пещере в Изере или Пиренеях.

— Будем надеяться, что... — начал Гэбриэл.

Но стоило Алисе отключиться, как мобильный запиликал. Она торопливо поднесла его к уху и спросила по-французски:

— Папа ты?

— Well, I'm afraid not. I'm Thomas Krieg. Gabriel gave me your number. May I... ^[9]

Алиса снова включила громкую связь и протянула мобильник Гэбриэлу. Удивленный Гэбриэл взял трубку.

— Томас?

— Привет, Габ! Элиан Пелетье прислала мне результаты анализа крови, оставшейся на блузке. Я отправил их в Codis, ^[10] и представь себе, у

нас кое-что есть!

Следователи в машине обменялись взглядами. У обоих сердце заколотилось как бешеное.

Алиса показала Гэбриэлу на дорожный указатель:

— Томас, через два километра у нас придорожная зона отдыха. Сделаю остановку и перезвоню.

* * *

«Гриль-бар 91» — порядком устаревшее, длинное прямоугольное здание внушительных размеров с непомерно высокими потолками, какие было принято строить в 70-е годы. И если бы его просторные окна смотрели на Тихий океан, а не на зону отдыха автострады 91, то геометрической формой и обилием стекла оно напоминало бы грандиозные виллы Калифорнии, а уж никак не Новую Англию с ее коттеджами с двускатными крышами.

Украшенные изречением «Miles away from ordinary»^[11] настенные часы цвета знаменитого мексиканского пива показывали 16 часов 12 минут. Золотистое осеннее солнце заливало почти пустой зал. За стойкой сидела официантка, погружившись в мечты под саксофон Стэна Гетца.

Алиса и Гэбриэл уселись за столиком в глубине зала, как можно дальше от кассы и буфета. Мобильник они положили на середину стола, точно диктофон, и благоговейно слушали серьезный, исполненный металла голос Томаса Крейга, который рисовал перед ними весьма необычный портрет.

— Кровь на блузке принадлежит некоему Калебу Данну, сорока одного года, его анализ ДНК попал в базу из-за разных незначительных нарушений, однако восемь лет назад он был арестован в Калифорнии за торговлю наркотиками и неповиновение властям. Отсидел шесть месяцев в тюрьме в Салинасе, а когда был выпущен на свободу, переселился на Восточное побережье, нашел работу и до сегодняшнего дня о нем ничего не было слышно.

Алиса торопливо делала записи на бумажной скатерти. Гэбриэл спросил:

— Какую именно работу он нашел?

— Работу ночного сторожа в доме для престарелых в Конкорде, штат Нью-Хэмпшир.

— Теперь в дома для престарелых берут на работу рецидивистов? —

удивился Гэбриэл.

— Каждый человек имеет право получить шанс на новую жизнь. Разве нет?

Алиса сломала колпачок от рекламной ручки, которую ей одолжила официантка.

— У вас есть его домашний адрес?

— Да, — ответил Крейг. — Дом в поселке Линкольн в районе Уайт Маунт. Как считаешь, что мы должны теперь делать, Габ?

— Пока ничего особенного. Собери побольше информации. Тогда еще разок все обсудим. В Бостоне буду часа через два.

— Мог бы поставить меня в известность пораньше. Шеф уверен, что ты еще в Ирландии.

— Пока ничего ему не говори. Я сам все объясню в ближайшее время. А фотография Данна у тебя есть?

— Отправлю тебе по электронке.

— Невозможно. На моем теперешнем телефоне нет Интернета.

Гэбриэл глянул в меню, там были указаны координаты ресторана, где они сидели.

— Пошли мне фотографию факсом.

— Факсом? Это штука, которой пользовались, пока не было Интернета?

— Именно. Я в ресторане «Гриль-бар 91», зона отдыха автострады 91 неподалеку от Хартфорда. Даю тебе их номер. Пошли фотографию, прибавь к ней адрес дома для престарелых и еще адрес проживания Данна.

Гэбриэл продиктовал номер факса и отключился. Следователи сидели и молча смотрели друг на друга. Следствие зашло в тупик. Слишком много разбежалось дорог. Слишком много вопросов. Слишком мало нитей, которые могли бы связать между собой не имеющие отношения друг к другу детали и факты. Наконец Гэбриэл прервал молчание.

— Опять не продвинулись ни на шаг! Откуда взялась кровь этого ночного сторожа на вашей блузке?

— Вы считаете, что я в него выстрелила?

— Не исключено. Вы мне сами сказали, что в заряднике «Глока» не хватает одной пули.

Алиса послала ему убийственный взгляд.

— Вот как? И какие у меня были основания? Я в первый раз в жизни слышу это имя!

Гэбриэл поднял руку, стараясь притушить вспыхнувшую ярость.

— Согласен, согласен, вы правы. Я ничего не знаю и предполагать не

могу.

Он потрещал пальцами, потом решился.

— Пойду куплю сигарет. Здесь есть киоск на станции обслуживания. Вам что-нибудь нужно?

Алиса отрицательно покачала головой и посмотрела вслед удаляющемуся Гэбриэлу. Она снова почувствовала жжение в области желудка, к горлу подкатила тошнота. Алиса встала из-за столика и подошла к стойке, чтобы предупредить официантку, что для них скоро придет факс.

— Вы плохо себя чувствуете, мисс?

— Ничего страшного. Изжога, гастрит. Скоро пройдет.

— Моя мама тоже этим мучается. Хотите, сделаю вам смузи из папайи? Очень помогает!

Официантка была похожа на маленькую светловолосую Барби и чуть-чуть шепелявила. Одета она была как чирлидерша и походила на одну из героинь «Бриолина» или телесериала «Хор».

— С удовольствием выпью смузи из папайи, большое спасибо, — ответила Алиса, усаживаясь на табурет у стойки. — А нет ли у вас случайно карты этого района?

— Посетители, бывает, забывают карты на столах. Сейчас пойду посмотрю у администратора. Кто знает, может, и есть.

— Спасибо, вы очень любезны.

Не прошло и двух минут, как Барби вернулась с картой Новой Англии.

Алиса разложила ее на стойке. Карта оказалась добрым старым «Мишленом» тех времен, когда еще не было навигаторов, когда люди еще не держали в руках смартфонов и не знали, что такое Интернет, словом, до нашей сумасшедшей эпохи, когда все мы согласились стать рабами новых технологий.

— Можно на ней делать записи?

— Да, разумеется, карта ваша. Это подарок от ресторана. А вот и ваш смузи.

Алиса поблагодарила улыбкой. Девушка была ей симпатична: милая, простая, услужливая. Интересно, сколько ей лет? Восемнадцать? Ну, самое большее девятнадцать. Сама Алиса на двадцать лет старше. И вдруг внезапно мелькнула мысль: девочка ей в дочки годится! Эта мысль мелькала у нее в голове все чаще, когда она видела вокруг себя молодежь. Но только мелькала вместе с непривычным ощущением, что она вдруг оказывается на по map's land, ^[12] потому что продолжала думать о себе как о двадцатилетней, хотя физическая усталость уже давала о себе знать...

«Подлость времени, которое не стоит на месте! „Время —

единственный хозяин тех, у кого нет хозяев“, — гласит арабская пословица»...

Алиса прогнала от себя досадные мысли и сосредоточилась на карте. Чтобы как следует вжиться в ситуацию, ей всегда нужно было все представить себе зрительно. Она обвела ручкой все значимые географические пункты. Сначала Нью-Йорк, который они покинули два часа назад, потом Бостон, где находится отделение ФБР. Сейчас они в Хартфорде, ровно на середине дороги между Нью-Йорком и Бостоном. Вот и еще один кружок ручкой. Крейг сказал, что Данн работает в доме для престарелых в Конкорде. Этот городок гораздо севернее, уже в Нью-Хэмпшире, примерно в 250 километрах отсюда. Еще Крейг сказал, что Данн живет в Линкольне. Алиса не меньше минуты искала это местечко на карте. И наконец нашла. Как видно, совсем крошечная деревенька, притулившаяся между двумя горными массивами.

— Знаешь это место? — спросила Алиса у своей новой приятельницы, ткнув ручкой в Линкольн.

— Да, там неподалеку горнолыжная станция — Лун Маунтин. Мы ездили туда как-то с моим приятелем.

— Ну и как там?

— Мрачновато, особенно зимой. И далековато. Не сказать, что рукой подать.

Алиса подняла голову от карты. В зале, как ей показалось, было жарковато, она сняла свитер и осталась в одной футболке.

С пачкой сигарет в руках в ресторан вернулся Гэбриэл и подошел к Алисе. Сел с ней рядышком на соседний табурет.

— Вам что-нибудь подать, сэр?

— А можно чашку эспresso?

— К сожалению, эспresso у нас нет.

— Тогда дайте, пожалуйста, «Перье».

— И «Перье» тоже нет.

Алиса сердито посмотрела на Гэбриэла.

— А если что-нибудь попроще, Кейн?

— Понял. Дайте мне самый обычный кофе.

Молоденькая официантка принялась готовить ему кофе, а Кейн стал разглядывать ее с головы до ног, задерживая взгляд без всякого стеснения на самых соблазнительных деталях ее анатомического строения.

— Вам не кажется, Кейн, что вы слишком много себе позволяете?! — возмутилась Алиса.

Гэбриэл со вздохом возвел глаза к потолку. Но Алиса не унималась.

— Противно иметь дело с жалкой заурядностью, — ехидно сообщила она.

— А я никогда не выдавал себя за гения, — парировал он, вытаскивая из пачки сигарету и закладывая за ухо.

Алиса уже приготовилась откомментировать его жест, но не успела.

— Вот и ваш факс пришел, — сообщила Барби, появляясь из задней комнаты.

Она подошла к ним, держа в руках два листка, которые потрудились скрепить степлером.

Полицейские детективы склонились над фотографией Калеба Данна. Фотография была из тех, какие снимают с подследственного в полиции.

— Ну вот, есть даже фотография, а толку никакого, — с огорчением вздохнула Алиса.

В самом деле, антропометрические черно-белые снимки с крупным зерном мало что дают. Внешность Данна была самая что ни на есть заурядная: темноволосый, среднего роста, с ничем не примечательными чертами лица и таким же его выражением. Господин-Как-все. Джон Доу.^[13]

— Да, про этого человека и сказать-то нечего, — признал Гэбриэл. — Он может быть кем угодно.

Полицейский не скрывал своего разочарования. Он перевернул страницу. На следующей были адреса, Томас Крейг написал их от руки: адрес дома для престарелых, адрес самого Данна.

— А вам не кажется странным, что в дом для престарелых берут в сторожа бывшего заключенного? — начал Гэбриэл.

Алиса не ответила на его вопрос. Она гипнотизировала фотографию Данна, пытаясь разгадать его тайну.

Гэбриэл отхлебнул кофе, и на лице его появилась гримаса отвращения.

— Вы не дадите мне ваш телефон? — обратился он снова к Алисе. — Хочу кое-что проверить.

Получив телефон, он набрал номер Центра Святого Иосифа, дома для престарелых, где работал Данн. Представился, назвав себя специальным агентом Кейном из ФБР, и попросил соединить его с директором. Потом, как уже вошло у них в привычку, включил громкую связь, чтобы Алиса тоже могла участвовать в разговоре.

— Юлиус Мэйсон. Имею честь быть директором этого заведения. Чем могу быть полезен?

Гэбриэл сослался на рутинный опрос и попросил дать ему информацию о Калебе Данне.

— Надеюсь, с Каледом ничего не случилось? — забеспокоился

Мэйсон.

— Он работал вчера вечером?

— Кaleb Данн вот уже почти два года как у нас не работает, — сообщил директор, и в голосе у него слышалось недоумение, он явно был удивлен.

— Ах, вот как? Я... я не знал.

Гэбриэлу нелегко было сохранить самообладание. Алиса не сдержала улыбки: и ФБР не всегда на уровне. Лень и нерасторопность обнаруживают себя не только во Франции.

Обиженный ее улыбкой Гэбриэл продолжал разговор все тем же суровым тоном.

— А вы знали, что Данн имеет судимость, когда брали его на работу?

— Судимость? Скажете тоже! Продав немножко травы и сказал все, что думает, грубияну полицейскому, который его арестовал! Такие пустяки тюрьмы не заслуживают!

— Это по вашему мнению.

— Да, именно так я считаю!

Алиса снова улыбнулась. От такого много не узнаешь, Кейну снова не повезло!

— Пока Данн работал у вас, вы не замечали в его поведении каких-либо странностей? Отклонений? Может быть, вас что-то настораживало?

— Нет, ничего. Кaleb был крайне добросовестен и всегда готов услужить. Персонал и наши пансионеры нахвалиться на него не могли.

— В таком случае почему же вы с ним расстались?

Мэйсон вздохнул:

— Административный совет экономит на зарплате для персонала. Чтобы выиграть несколько лишних долларов, мы вынуждены теперь обращаться к услугам охранного агентства. Их услуги обходятся дешевле, но никаких доверительных отношений не возникает.

— А вы не знаете, Данн нашел новую работу?

— Конечно, и очень скоро! Я сам порекомендовал его в больницу в Мэне, там искали надежного ночного сторожа.

— А как название этой больницы?

— А зачем оно вам понадобилось? Чтобы вы могли сообщить им ваши дурацкие сведения и продолжать портить жизнь хорошим людям?

— Мистер Мэйсон, я очень вас прошу...

— Больница называется Собаго-котедж, находится в округе Камберленд.

Полицейские обменялись изумленными взглядами. Оба

почувствовали, будто их шарахнуло током. Именно в больнице Собаго-котедж работала медсестрой Элизабет Харди, которую нашли задушенной у нее дома десять дней назад.

* * *

Детективы до корней волос.

Детективы до мозга костей.

Детективы до глубины души.

Им не понадобилось долгих разговоров, чтобы прийти к общему согласию. Они не собирались терять времени в Бостоне. Решили вести игру вдвоем как вольные стрелки, немедленно свернуть на север и отправиться в Линкольн, чтобы самим побеседовать с Каледом Данном.

— Я упустил этого типа, когда вел опрос возможных свидетелей, — вынужден был признать Гэбриэл. — Элизабет Харди была убита у себя в квартире, в доме неподалеку от Огаста. Она сняла с двери охрану, из чего мы сделали вывод, что она была знакома с убийцей. Я опросил очень много людей из ее ближайшего окружения. Друзей, коллег по работе. Сам ездил в Собаго-котедж, но имя этого человека никто ни разу не упоминал. Он не был хорошим знакомым медсестры Харди, в этом я уверен.

— Сколько времени понадобится, чтобы добраться до Линкольна?

Гэбриэл внимательно посмотрел на карту, ведя пальцем по маршруту, который им предстояло проделать.

— Думаю, часа четыре. Чуть меньше, если плюнуть на превышение скорости.

— Неужели четыре?

— До Бредфорда доедем по автостраде, но дальше придется углубиться в горы. Конек бежит неплохо, но он не первой молодости. Меня беспокоит уровень масла, и я глянул одним глазком на запаску, она совсем лысая. Прежде чем пускаться в путь, хорошо бы заглянуть в автосервис.

Барби, не упустившая ни слова из их разговора, воскликнула:

— Мой двоюродный брат работает в автосервисе. Если хотите, я могу ему позвонить!

Гэбриэл взглянул на нее вопросительно.

— И где этот автосервис?

— В Гринфилде, — сообщила она, ткнув пальцем в крошечный городок на карте.

Гэбриэл посмотрел на карту. Городок был им по пути, и до него было

примерно с час пути.

— Ваш брат сумеет помочь старенькому «Мустангу»?

— Проще спросить его самого, — вмешалась в разговор Алиса. — Позвоните ему.

Гэбриэл не стал спорить, и Барби поспешила к телефону.

Алиса дружески ей подмигнула и снова почувствовала страшное жжение в пищеводе. Такое, какого она никогда еще не испытывала. Похоже было, что кислота разъедает ей пищевод и желудок.

К жжению прибавился еще и металлический привкус во рту. Алиса соскочила с табурета и поспешила в туалетную комнату.

* * *

«Полцарства за две таблетки „Инексиума“!»

Почувствовав приступ тошноты, Алиса наклонилась над раковиной. Пищевод буквально горел, она стала тереть рукой живот, но изжога не проходила. Откуда взялась эта боль? Изжога? Виной всему стресс? Напряжение расследования? Усталость?

Она продолжала массировать область желудка, потом выпрямилась и принялась мыть руки. Она не смотрела на себя в зеркало. Ей не хотелось видеть синеву под глазами и заострившийся от усталости нос.

Алиса плеснула в лицо ледяной водой и на секунду прикрыла глаза. Почему она проснулась сегодня утром с пятнами крови этого Калеба Данна у себя на блузке? Кто этот человек на самом деле? Верный последователь Вога, который использовал все его приемы, убивая несчастную медсестру?

«Или это сам Вог?»

Нет, все ее существо отказывалось верить ужасному предположению. У отца могут быть какие угодно недостатки, но на такую чудовищную ложь он не способен. Это было бы и стыдно, и глупо, и опасно. Как-никак во Франции лучшие детективы без усталости искали Вога два года. И не нашли.

«Это и есть самое надежное доказательство, что серийный убийца мертв!» — повторила себе Алиса.

И Сеймур очень скоро подтвердит это, обнаружив разлагающиеся останки Вога в колодце на мрачной территории заброшенного сахарного завода на востоке Франции.

Она еще раз умылась, вода потекла по подбородку, попала на шею и грудь. Алиса взяла две бумажные салфетки и стала вытирать сначала шею, потом грудь. Ощутила какое-то неудобство, опустила глаза.

И вот тут-то она обнаружила...

* * *

Что-то чужеродное находилось у нее в теле, под кожей, на четыре или пять сантиметров ниже ключицы. Алиса нажала посильнее, постаравшись выдавить непонятную штуку.

Штука на ощупь напоминала сим-карту, прямоугольничек в один или два квадратных сантиметра с закругленными углами. Она ощущалась только тогда, когда она сильно нажимала на кожу.

Сердце заколотилось, в висках запульсировало.

«Черт возьми! Кто загнал мне под кожу эту гадость?!» — запаниковала Алиса.

Она инстинктивно принялась искать следы только что произведенной операции. Стянула с себя перед зеркалом футболку, осмотрела и ощупала каждый сантиметр своего тела — грудь, грудную клетку, подмышки.

Никаких следов. Никаких недавних повреждений. Ни единой царапины.

Лоб у нее покрылся испариной. Среди множества вопросов, которые стучали у нее в голове, громче других звучали два.

Как давно она носит в себе эту гадость?

И главное: что эта гадость с ней делает?

*Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.*

Арсений Тарковский

«Шелби» свернул с автострады и на первом же повороте после развязки направился к городу.

Гринфилд, городок на границе между Массачусетсом и Нью-Хэмпширом, решил задержаться в прошлом. На двухкилометровой улице Мэн-стрит выстроились в ряд ратуша, почта, суд и большая белая церковь с острой колокольной. На этой же улице находились городская библиотека, старенький кинозал с вывеской, светящейся сотней электрических лампочек, кафе, рестораны и всевозможные магазинчики. На каждом здании полоскался американский флаг, красуясь звездами. Stars and Stripes^[14] гордо хлопали при каждом порыве ветра в этот солнечный осенний день.

— Остановите вот здесь, — попросила Алиса, поправляя ремень кобуры.

— Почему здесь? Барби сказала, что автосервис ее родственника на выезде из города.

— Мне нужно кое-что купить, Кейн.

Гэбриэл тяжело вздохнул.

— Я полагал, что с тайнами между нами покончено...

— Я не собираюсь околачиваться без дела, пока нам будут чинить машину, загляну в интернет-кафе, кое-что проверю.

— Что именно? — недоверчиво осведомился Гэбриэл.

— Хочу просмотреть в старых газетах материалы о Воге. Потом все объясню!

Машина остановилась, пережидая красный свет. Гэбриэл вытащил пачку сигарет.

— В этой дыре нет интернет-кафе.

— Я найду, Кейн.

Гэбриэл несколько секунд помолчал.

— Хорошо. Я вас высажу, но свою пушку вы оставите в машине.

Предложение не слишком понравилось молодой женщине, но она сочла, что времени на споры у них нет. Красный сменился зеленым. Она открыла бардачок и положила туда кобуру с «Глоком».

— Встретимся на заправке, — сказала она, открыла дверцу и вышла.

Алиса перешла улицу и двинулась по тротуару в направлении мэрии. Перед зданием в витрине под деревянным навесом красовался план города. Алиса внимательно его изучила и нашла то, что искала, — на Второй-стрит располагался медицинский центр.

Преимущество маленьких городков в том, что все важные учреждения расположены в центре. Алиса прошла еще несколько сотен метров и оказалась перед абсолютно современной постройкой, сияющей новизной. Синяя волна из металла вздымалась к небу, контрастируя с традиционной городской архитектурой.

Автоматические двери разъехались перед Алисой, и она вошла в холл, где все стены были увешаны щитами с информацией. Алиса бегло ознакомилась с ней и поняла, что центр этот многопрофильный и предлагает услуги самых разных врачей, начиная с терапевтов и кончая всевозможными специалистами. Кроме того, пациентам предлагали сдать любые виды анализов и приобрести медицинскую литературу.

Алиса подошла к регистратуре и сказала, что пришла сделать рентген грудной клетки. У нее попросили талончик, выданный при записи, и номер социальной карты. Ни того, ни другого у Алисы не было, и она сказала первое, что пришло ей в голову. Сказала, что она туристка из Франции, страдает от сердечной недостаточности и хочет, чтобы ей посмотрели легкие. Регистраторша взглянула на нее с недоверием, проверила расписание и предложила записать ее на завтра.

— Нет, у меня срочный случай, — стала настаивать Алиса. — Мне необходимо увидеть рентгенолога и посоветоваться с ним. Разумеется, я все оплачу.

— Сейчас узнаю, — пообещала секретарша и сняла телефонную трубку.

Минуты две она беседовала с одной из коллег, потом нажала на рычаг и сообщила:

— Я поговорила с сестрой доктора Митчела. Он согласился принять вас между двумя своими пациентами. Ваше удостоверение личности, пожалуйста.

— К сожалению, я оставила сумочку в машине. Мой муж приедет за мной и...

— Хорошо. Быстренько поднимайтесь, рентген на четвертом этаже.

Регистраторша нажала кнопку, и защитная стенка из плексигласа отъехала в сторону, пропуская Алису к лифтам.

Лифт. Еще одна стойка с регистраторшей. Коридор. Приемная.

Приемная окрашена в приятные светлые тона. Стены белые, на полу пластик ПВХ, диванчики и стулья из ясеня обиты тканью. Старая дама, согнувшаяся под грузом лет, дожидалась своей очереди, перелистывая журнал. Рядом с ней, занимая большую часть дивана, сидел молодой человек, широкий, как зеркальный шкаф, с ногой в гипсе и опухшими глазами и играл на своем планшете.

Алиса уселась рядом с ним и завела разговор.

— Дорожная авария? — осведомилась она.

— Американский футбол, — ответил студент, поднимая глаза от планшета. — Ребята из Олбани не оставили меня без подарочка в прошлую субботу.

Славная мордашка, улыбка до ушей, глаза так и сияют. Девчонки, наверное, с ума сходят. И некоторые парни тоже.

— У тебя на планшете есть Интернет?

— Само собой.

Алиса не стала ходить вокруг да около.

— Хочешь заработать пять долларов?

Парень удивленно поднял брови.

— Скажите, как.

Алиса достала из кармана пять долларов.

— Ты одолжишь мне свой айпод на пять минут и положишь пять долларов в карман. Легко и просто.

— Сто долларов, и вы можете пользоваться им хоть десять.

— Пошел ты куда подальше!

— Ладно! Не сердитесь, — согласился паренек и протянул Алисе айпод.

Полицейский детектив Шафер взяла планшет, закрыла игру, вышла в Интернет и стала последовательно заходить на сайты газет, сначала «Либерасьон», потом «Монд», потом «Фигаро». Может, это покажется странным, но Алиса не знала Вога в лицо. В тот миг, когда он напал на нее, он был в шлеме. Мотоциклетный шлем — вот последнее, что запечатлелось у нее в памяти. Запечатлелось навек. Черный шлем злобного хищника с выпуклостями, острыми шипами и металлическими бликами, его подбородочная часть с воздухозаборником напоминала зловещую улыбку.

После больницы, проходя курс терапии с психологом, Алиса и врач

решили, что не стоит без конца поворачивать нож в незажившей ране, и она стала избегать газетных статей, посвященных серийному убийце. Однако психолог не знал, что пациентка к этому времени была уверена, что Вога нет на свете.

Но сегодня у Алисы уже не было столь твердой уверенности.

Алиса продолжала поиски и нашла множество фотографий убийцы, которые были опубликованы в следующие недели после нападения на нее. С десятков самых разных фотографий, на которых Эрик Вог виден был более или менее отчетливо. Молодой мужчина лет тридцати пяти, брюнет, с лицом скорее приятным, но не запоминающимся.

Самым трудным из этого множества обликов было сложить для себя портрет Вога. Алиса вспомнила актеров-хамелеонов, которых она порой не узнавала, когда они появлялись в новой роли, в новом фильме, до того велика была их способность преображаться: Хью Джекман, Кристиан Бейл, Кевин Спейси, Джон Кьюсак...

Алиса достала из кармана факс с фотографией Калеба Данна и сравнила. Может быть, Вог и Калев один и тот же человек? Сходство не было разительным, но какое-то было, так что и такого варианта исключить было нельзя.

Алиса прекрасно знала, что в наше время, когда существует пластическая хирургия, можно изменить лицо до неузнаваемости. Ее коллеги, например, не раз сталкивались с преступниками, которые прибегали к пластическим операциям. Каких только технологий нет: ринопластика, вживление в кожу отрезков нити, которые меняют овал лица, отопластика исправляет дефекты ушей, введение гиалуроновой кислоты помогает поднять скулы, зубная хирургия делает человеку новую улыбку...

И только она успела вернуть планшет владельцу, как в кармане зажужжал телефон.

«Сеймур!»

Единственный человек, который способен положить конец гнетущему ее кошмару.

* * *

— Ты добрался до завода? — с ходу спросила она.

— Еще нет. Только-только выезжаю из Саргемина. Кастелли понадобилось время, чтобы определить местонахождение этого сахарного завода, и ты сама знаешь, что значит выехать сейчас из Парижа. Ад

крошечный!

— Так где этот самый завод?

— Место известно под названием Пустырь Кастельхейм. Я ввел данные в навигатор, но он ничего не показал. Система геолокализации ничего о нем не знает. Но ты не волнуйся, в конце концов я его найду. Вот только дождь проклятый мешает. Льет как из ведра. На расстоянии трех метров ничего не разглядишь.

Как фон Алиса слышала шуршание работающих дворников и позывные авторadio: «Трансляцию футбольного матча Лиги I слушайте на нашем канале».

— Я звоню тебе по другому поводу, — продолжал Сеймур. — Мне пришлось поставить Савиньона и Кастелли в курс дела. Я не мог просить их о дополнительной работе, не сказав правды. Они останутся на ночь в бюро и будут прокладывать все маршруты, которые нам понадобятся.

— Поблагодари их от меня.

— Конечно. Савиньон только что позвонил мне насчет номера серии «Глока 22», который ты дала мне утром.

Алиса сглотнула слюну. Этот след совсем вылетел у нее из головы.

— Да, того, который я обнаружила у себя в куртке. И что же?

— Я сразу же просмотрел картотеку украденного оружия, но там он не фигурирует. А когда я сказал Савиньону о Воге, он тут же сообразил, где смотреть. Два года назад, сразу после нападения на тебя, в квартире убийцы был устроен обыск, и забрали все принадлежащее ему огнестрельное оружие.

— И что же?

— Савиньон проверил протокол обыска, у Вога был «Глок 22», и номер серии совпадает.

— Но этого же не может быть! Ствол опечатан и находится под замком!

— Савиньон провел целый час в хранилище вещдоков. Он его не нашел.

«Черт побери!»

Кошмар продолжался.

— Алиса! Ты должна сказать мне правду! Ты сама забрала пистолет из хранилища?

— Сеймур! Да как тебе в голову могло прийти задавать такие вопросы?!

— Могло, потому что мы по уши в дерьме.

— Но ты же знаешь, у нас не раз бывали проблемы с этим

хранилищем! Забыл, как в прошлом году охранник воспользовался своим положением и продавал оттуда оружие и наркотики? Может, он продал и этот пистолет тоже?!

— Ну, знаешь...

— Но даже если бы я его украла, как я могла провезти его в Америку, пройти контроль безопасности и все остальное?

Она услышала тяжкий вздох собеседника.

— Я очень хотел бы верить тебе, Алиса! Нам нужно всерьез разобраться с этой историей!

Алиса почувствовала, что Сеймур чего-то недоговаривает.

— Что там у тебя еще? Говори!

— Есть кое-что, но вряд ли тебе это понравится. Касательно твоей машины...

— Ты ее нашел?

— Да, она на штрафстоянке возле Шарлети. Савиньон справился о ней. Полицейская автодорожная служба вывезла ее сегодня ночью с острова Ситэ.

— Откуда точно?

Сеймур набрал в грудь побольше воздуха.

— Твою «Ауди» нашли в четыре часа утра на середине моста Аршевеше. На том самом месте, где случилось несчастье с Полем.

Потрясенная Алиса чуть не выронила из рук телефон.

В этот миг дверь из кабинета в приемную приоткрылась, и из нее выглянул высокого роста человек в белом халате.

— Миссис Алиса Шафер? — осведомился он, оглядывая сидящих.

Omne ignotum pro terribili.
(Неведомая опасность всегда страшит.)

Латинская пословица

Доктор Оливер Митчел оказался весельчаком огромного роста, с бритым черепом и густыми бровями домиком, которые сходились на переносице. Несмотря на высокий рост и неожиданное отсутствие волос, больше всего он был похож на студента, который только-только вышел из учебного заведения: круглое розовое лицо с детской улыбкой, джинсы, поношенные кроссовки, футболка с группой Ramones, выглядывающая из-под расстегнутого халата.

— Я что-то не понял, почему вы заговорили о сердечной недостаточности, — начал он, пропуская Алису в рентгеновский кабинет.

Алиса решила говорить с доктором начистоту:

— Я соврала, чтобы вы меня приняли.

— Вот как? Оригинально! И нахально. А вы что, француженка? — догадался он, услышав акцент Алисы.

— Да, и при этом капитан полиции парижского уголовного розыска.

Лицо врача осветилось улыбкой.

— Да что вы? Набережная Орфевр, дом тридцать шесть? Как у Жюль Мегрэ?

Глаза Алисы округлились от изумления. Разговор принял совершенно непредсказуемый характер. Каким чудом герой Сименона оказался на устах у врача-рентгенолога, фаната панк-рока, работающего в медицинском центре Гринфилда, штат Массачусетс?

— Моя жена писала диссертацию по французской литературе в Гарварде, — объяснил рентгенолог. — Она изучила весь Париж по романам Сименона.

— Теперь понятно, почему...

— Прошлым летом мы увидели Париж собственными глазами. Приятно вспомнить и набережную Орфевр, и площадь Дофин, и утиные ножки в желе, и теплый салат «Сардалез» в «Каво дю Пале»...

«Ущипните меня, мне кажется, я сплю...»

Алиса решила воспользоваться неожиданной удачей.

— Если ваша жена захочет, я помогу вам побывать в доме номер тридцать шесть, когда вы в следующий раз будете в Париже.

— Очень любезно с вашей стороны, она...

— А пока мне необходима ваша помощь, — перебила врача Алиса, снимая куртку, потом свитер и футболку.

Она осталась в лифчике, подошла и показала рентгенологу маленький прямоугольничек, вживленный ей под кожу.

— Что это такое? — спросил он, нахмутив густые брови.

— Именно это я и хотела бы знать, — сообщила Алиса.

Врач протер руки спиртом и стал прощупывать загадочный предмет, надавливая на кожу и как бы пытаясь выдавить маленький прямоугольник с закругленными углами.

— Вот так больно?

— Да нет, не особенно.

— Похоже на миниатюрный биостимулятор. У вас проблемы с сердцем?

— Нет. Я даже не знаю, кто вставил в меня эту штуку, каким образом и сколько времени она во мне находится.

Не выразив ни малейшего удивления столь странной ситуации, врач указал Алисе на рентгеновский аппарат в соседней комнате.

— Сейчас сделаем снимок грудной клетки и увидим, что это такое, более отчетливо.

Алиса кивнула, сняла лифчик и встала за экран.

— Прижмитесь поплотнее. Вдохните. Задержите дыхание. Вот так!

Не прошло и двух секунд, как расположенная позади нее рентгеновская трубка послала сквозь нее X-лучи, и они зафиксировали все, что находилось у нее в грудной клетке.

— Можете дышать. Для верности сделаем еще один снимок, в профиль.

Доктор повторил всю операцию, развернув Алису, а потом снова пригласил ее в кабинет. В кабинете Митчел уселся перед довольно большим компактным кубом, включил его, отрегулировал контрастность будущих снимков и нажал кнопку печати.

— Долго ждать? — поинтересовалась Алиса.

— Нет, снимок делается почти мгновенно.

Компактный куб принялся за работу и очень скоро выдал два снимка. Митчел взял снимки и спроецировал их на светящийся на стене экран, прибавил света и стал рассматривать.

— Никогда такого не видел, — присвистнул он, указывая на белое прямоугольное пятно.

— Это может быть транспондером? — решительно спросила Алиса.

— Я не могу понять, что это такое, — признался рентгенолог, почесывая в затылке.

— Я имею в виду радиоидентификационные датчики, какие используют для животных. В прошлом году я слушала на эту тему лекцию у себя на работе. Так вот, в Южной Америке богатые люди ставят себе такие датчики, чтобы в случае похищения их могли легко отыскать.

— В армии тоже все чаще прибегают к подобного рода датчикам, их ставят обычно солдатам, которых отправляют на фронт, — сказал Митчел, продолжая изучать снимки. — Датчик сообщает данные о состоянии здоровья солдата. В случае ранения достаточно сосканировать данные, и у врача полная картина. Эта практика уже вошла в жизнь, но те датчики совсем маленькие, с рисовое зернышко, не больше. А ваш просто огромный.

— И что это значит?

Рентгенолог постарался припомнить все, что ему известно о разного рода датчиках.

— В последнее время в медицинских журналах появилось немало статей об электронных биостимуляторах, которые пока еще только собираются пустить в ход. Эти стимуляторы способны в случае необходимости автоматически вводить в организм нужную дозу лекарства, что при некоторых болезнях необыкновенно ценно. Например, такие стимуляторы используют при лечении остеопороза, но тогда помещают их на уровне бедра, и они гораздо более объемные.

— Так, значит?

— Мне все-таки кажется, что у вас биостимулятор.

— Но у меня нет проблем с сердцем, я же вам говорю! — сердито возразила Алиса.

Митчел вернулся к кубу, выделил и увеличил на снимке интересующую его зону, напечатал и поместил новый снимок в негатоскоп.

— Форма у вашего биостимулятора нестандартная, но я почти со стопроцентной уверенностью могу утверждать, что он из титана, — сообщил он.

Алиса приблизила лицо к новому снимку.

— Хорошо, допустим, что у меня стоит биостимулятор. У меня есть коллега, который носит такую штуку, но ему приходится каждые семь лет ложиться на операцию, так как ему меняют батарейку.

— Да, такие операции нужно делать регулярно, срок действия батареек от шести до десяти лет. Большая часть биостимуляторов работает на батарейках из лития.

Алиса указала на снимок:

— Как может уместиться батарейка в такой крохе?

Рентгенолог задумчиво посмотрел на нее и высказал предположение, что в биостимуляторе Алисы нет батареек.

— И как же тогда он функционирует?

— Возможно, работает на самозарядке: пьезоэлектрический элемент преобразует механическую работу вашей грудной клетки в электричество. В этом направлении сейчас ведутся исследования. Ищут средство уменьшить кардиостимуляторы.

Митчел взял со стола пластмассовую линейку и ткнул ею как указкой в прямоугольное пятно на снимке.

— Видите этот слегка закругленный угол, напоминающий зубец?

Алиса кивнула.

— Я думаю, что здесь размещено соединяющее устройство, которое через провод присоединено к пейсмейкеру^[16] в вашем сердце.

— А где же провод?

— Его нет, и это очень, очень странно.

— Тогда скажите, с чем связан этот биостимулятор?

— Ни с чем, — объявил врач. — В такой позиции он не может посылать никаких электрических сигналов.

Алиса с сомнением посмотрела на рентгенолога и спросила:

— А вы могли бы его извлечь?

— Кто-нибудь из моих коллег, безусловно, мог бы, но это предполагает операцию и дополнительные исследования.

Мозг Алисы лихорадочно работал.

— Еще один, последний вопрос, доктор! Я проверила и не нашла никакого шрама на груди, на шее, под мышками. Как можно было вживить биостимулятор, не оставив никакого следа?

Митчел пожевал губами.

— Почему нет, если его давно поставили?

— Давно невозможно! Я бы его заметила! — раздраженно отрезала Алиса.

— Вам вживили его через другой канал.

Рентгенолог не без удивления смотрел, как торопливо Алиса расстегнула ремень, сняла туфли и брюки. Осмотрела щиколотки, ноги, колени... И когда обнаружила на левом бедре прозрачный пластырь, сердце

ее лихорадочно забилося. Она отклеила клейкую ленту и увидела небольшой надрез.

— Да, именно здесь вам его и ввели, — признал врач, осматривая надрез. — Имплант настолько невелик, что его могли поднять с помощью зонда.

Ошеломленная Алиса принялась одеваться. Результат медосмотра оказался не просто пугающим, невероятным и огорчительным, он граничил с безумием и бредом.

— Подведем итог, значит, мне введен биостимулятор без батарейки, который не соединен ни с каким из моих органов и который ничего не стимулирует, я правильно поняла? — осведомилась молодая женщина.

— Да, и это совершенно непонятно, — признал рентгенолог.

— Но для чего он в таком случае?

— Именно об этом я и думаю, — отозвался врач.

*Коснуться разбитого сердца
Пусть имеет право лишь тот,
Кто страдал не меньше.*

Эмили Дикинсон

Понемногу вечерело.

В ожидании темноты солнце раскидывало последние лучи с мастерством опытного пиротехника. Лес полыхнул. Вихрь живого огня вязов и берез, золотые отсветы лиственниц, бледное пламя лип. Красно-бурые с золотистым отливом буки, темная кровь сумаха и красного американского дуба, алые всполохи рябин. А за ними поодаль зеленая стена елей, а над елями угловатые темные скалы.

В Гринфилде Гэбриэл залил бак бензином под завязку, отрегулировал уровень масла и купил новое запасное колесо. Алиса сразу же, как только появилась на автозаправке, сообщила ему все новости, которые узнала от Сеймура, — и о серийном номере «Глока», и о своей машине, которую нашли на середине моста Аршевеше. Но, повинувшись неведомо какому чутью, не стала сообщать о странном аппарате, внедренном ей под кожу. Хотела выиграть время, хоть что-то понять, а потом уже знакомить его с очередной невероятной новостью.

И вот они снова в пути. Но вот дорожная неожиданность: неподалеку от Братлборо на автостраде опрокинулся грузовик-цистерна, полный горючего. Бензин залил всю дорогу, пожарные и полиция вынуждены были закрыть проезд, создав во избежание пожара обширную зону безопасности.

Сменив удобную магистраль на череду проселочных дорог, «Шелби» резко снизил скорость. Алиса и Гэбриэл ругались в голос, проклиная все на свете, но мало-помалу благодатный покой деревенских полей подействовал на них умиротворяюще. Местное радио передавало всем известные, но такие приятные мелодии: «American Pie» Дона Маклина, «Just for Today» Джорджа Харрисона, «Heart of Gold» Нила Янга...

У сидящего на обочине торговца они купили сидр и пончики с корицей.

И вот уже с час не гнали свое расследование.

Как отрадно было смотреть вокруг! Разбегались в разные стороны тропинки. С гор торопились речушки. Над ними горбили спины мосты. Неожиданно то справа, то слева открывался чудесный вид. Дорога вдруг выравнивалась и тянулась ниткой несколько километров. Они снова ехали по шоссе, но автострада окончательно уступила место сельскому проселку, вдоль которого сменяли друг друга живописные городки, фермы, забывшие о времени, просторные луга с важными медлительными коровами.

Алиса расслабилась, позволив баюкать себя мягкому мурлыканью мотора. Виды вокруг напомнили ей Нормандию, куда она ездила на каникулы в юности. Всякий раз, как они проезжали деревню, у обоих возникало ощущение, что они оказались в давнем прошлом, где-то сто лет назад. Они словно любовались почтовой открыткой с видами Новой Англии: вот старинная просторная рига, вот сыроварня, вот домики под крышами с высокими чердаками в окружении пламенеющей листвы.

* * *

Но безмятежное умиротворение улетучилось, стоило Алисе открыть бардачок, чтобы забрать кобуру. Когда она только пришла работать в полицию, она посмеивалась над коллегами, которые носили при себе оружие, даже не будучи при исполнении служебных обязанностей. Но прошло время, и она сама стала поступать точно так же. Ей становилось неуютно, если она не ощущала привычной тяжести револьвера. Револьвер ее успокаивал, возвращал душевное равновесие.

«Глок» лежал там, где она его оставила, в той же кожаной кобуре, но рядом с ним лежала игрушка: маленькая машинка, белая с синими полосками. Точная копия «Мустанга Шелби», в котором они сейчас ехали.

— А это что такое? — поинтересовалась она.

Гэбриэл взглянул на детскую машинку.

— Наверно, любимая игрушка Кенни.

— Но ее здесь не было, когда я убирала сюда пистолет!

Гэбриэл пожал плечами:

— Вы просто не обратили на нее внимания.

— Я совершенно уверена, что бардачок был пуст, когда я положила туда пистолет, — решительно заявила Алиса.

— Господи! Пуст, не пуст, какая разница!

— Мне казалось, что мы друг с другом откровенны.

Кейн вздохнул.

— Вы правы. Машинку мне дал кузен Барби. Очень славный парень. Он собирает «Hot Wheels».^[17] У него сотни три машинок, не меньше. Забавно, правда?

— Да уж, ничего не скажешь, забавно, — повторила Алиса, сверля своего спутника взглядом.

Гэбриэл повысил тон, не скрывая недовольства:

— А что тут такого? Парень хотел сделать мне приятное, подарил машинку. Я взял, не хотел обидеть. Жест вежливости, ничего больше. Может, не будем тратить на обсуждение машинки целый вечер!

Алиса взорвалась:

— Прекратите делать из меня идиотку! Какого черта вы мне впариваете, что вы так понравились друг другу с этим парнягой, что он подарил вам свою коллекционную машинку! К тому же с нее еще ценник не содран!

Гэбриэл злобно посмотрел на спутницу и нервно закурил, достав сигарету из-за уха. Глубоко затягиваясь, он задымил весь салон. Табачный дым пришелся Алисе не по вкусу, и она была вынуждена опустить стекло.

Алиса по-прежнему не сводила глаз со своего спутника, вглядываясь в его темные глаза, в искаженное гневом лицо, пытаясь добиться правды, проникнуть в очередную тайну.

И вдруг она все поняла. Истина открылась ей словно по наитию.

— У вас есть сын, — тихо проговорила она, будто говорила сама с собой.

Гэбриэл замер. Воцарилась тишина. Алиса настойчиво проговорила:

— И эту машинку вы купили для него.

Она повернула голову и посмотрела на Гэбриэла. Его черные глаза поблескивали, точно нефть, готовая загореться. Алиса поняла, что ступила на минное поле.

— Да, это правда, — признался он, вновь затягиваясь сигаретой, — у меня маленький мальчик. Я хочу его порадовать. Это запрещено?

Алису поразила его стыдливость. Ей даже стало как-то не по себе, и она совсем не была уверена, что хочет продолжать разговор. И все же, сама того не ожидая, тихо и ласково спросила:

— И как же его зовут?

Гэбриэл увеличил звук радио и набычился. Он не ожидал вторжения на свою личную территорию.

— Мне кажется, мы заняты совсем другими проблемами, Шафер!

Лицо у него стало отчаянно грустным, он поморгал глазами, а потом

неохотно выдавил из себя:

— Его зовут Тео, ему шесть лет.

По интонации Гэбриэла Алиса поняла, что тема для него очень болезненна.

Она посочувствовала напарнику, сделала радио потише и попробовала хоть как-то его порадовать.

— Очень славная машинка, — сказала она, взяв в руки «Шелби». — Ему понравится, я уверена.

Гэбриэл грубо вырвал у Алисы из рук игрушку и выкинул в окно.

— Глупость все это! Сына я больше никогда не увижу!

— Что вы такое говорите, Гэбриэл?!

Алиса вцепилась в руль, стараясь заставить Кейна затормозить. Не пожелав с ней бороться, он и в самом деле резко затормозил, пристроил машину на обочине и выскочил из нее.

В зеркальце Алисе было видно, что он пошел назад. Теперь они ехали по узкой дороге, которая серпантином спускалась в долину. Алиса видела, что Гэбриэл уселся на большой камень, который нависал над склоном и был похож на нос корабля, рассекающий открытое небо. Гэбриэл докурил одну сигарету и прикурил от нее другую. Алиса тоже вышла из машины, подобрала выброшенную игрушку и подошла к Гэбриэлу.

— Простите меня, я очень сожалею, — сказала она, опускаясь рядом на камень.

— Не садитесь, здесь опасно.

— Если опасно для меня, то опасно и для вас.

Алиса наклонилась вперед и увидела озеро внизу. Призрачное золото осени ясно отражалось в его зеркальной воде.

— А почему бы вам не увидеться с сыном?

Гэбриэл неопределенно махнул рукой.

— Он живет в Лондоне со своей матерью. И вообще это долгая история.

Алиса вытянула из пачки Гэбриэла сигарету, но никак не могла зажечь ее из-за сильного ветра. Гэбриэл протянул ей свою, зажженную, и в этот момент, когда Алиса не ждала никаких откровений, выложил все, что было на сердце.

— Я не всегда работал в ФБР. Прежде чем пройти конкурс, я был простым полицейским в Чикаго. — Он прищурился, позволяя себе отдаться потоку воспоминаний. — В этом городе я родился и там встретился со своей будущей женой. Мы оба выросли в квартале Украинское село, где живут эмигранты из Восточной Европы. Спокойное местечко на северо-

западе от Чикаго-Луп.

— Вы работали в отделе убийств?

— Так точно, но в южных кварталах. В самой горячей зоне города: Энглвуд, Нью-сити... — Он сделал глубокую затяжку и только потом снова заговорил: — Дурные места, кишачие гангстерами, люди там живут в страхе и безнадежности, и полиция мало кому может помочь. Все территории поделены между маленькими хозяйчиками, которые мнят себя Тони Монтана и держат всех в страхе пистолетами-автоматами.

Давнее прошлое встало перед Гэбриэлом как живое. То самое прошлое, от которого он хотел держаться подальше, но волей-неволей сейчас погрузился с головой.

— Вам никогда не казалось, что мы, полицейские, работаем на мертвецов? Если хорошенько подумать, они наши настоящие подопечные. Перед ними мы чувствуем себя должниками, перед ними отчитываемся. Они не дают нам спать по ночам, пока мы не отыщем убийцу. Именно за это и упрекала меня жена. «Все свое время ты проводишь с покойниками, — говорила она. — Ты никогда не бываешь на стороне живых». И по сути, она права...

Алиса прервала Гэбриэла, не дав ему закончить свой монолог.

— Вот уж неправда! Все наоборот. Мы работаем ради их близких, ради людей, которые любили ушедших. Работаем, чтобы их траур не был для них непрерывным ужасом, чтобы справедливость восторжествовала, чтобы убийцы не убивали вновь!

Губы Гэбриэла сложились в улыбку, выражающую сомнение, и он продолжил рассказ:

— И вот однажды я решил, что буду *реально* помогать живым людям. В Энглвуде я чуть ли не каждый день сталкивался с ребятами, которые работали в одной посреднической ассоциации. Работали там изрядные чудаки, в основном социальные работники и бывшие рецидивисты, выходцы из этого квартала. Они решили объединить усилия и делать то самое дело, на какое мы, представители закона, перестали быть способны: улаживать сложные ситуации, снимать напряжение, сглаживать конфликты. А главное — спасти тех, кого еще можно спасти.

— Молодежь?

— В общем, да, парней, девиц, которых еще не сожрали наркотики. Порой эти волонтеры рисковали и действовали, переходя границы законности. Я не раз помогал им «вытягивать» молоденьких проституток, снабжая их поддельными паспортами, небольшими деньгами, конфискованными у дилеров, билетами на поезд, чтобы уехать на Запад,

адресом, где поселиться, возможностью найти работу...

«Как Поль...» — невольно подумала Алиса.

Лес отражался в глазах Гэбриэла, придавая его взгляду волнующую напряженность.

— Я был убежден, что приношу пользу, и не задумывался, на кого посягаю. Решил не обращать внимания на предупреждения и угрозы, которые стал получать. А надо было, потому что сутенеры и наркобароны не шутят, когда посягают на их собственность.

Гэбриэл продолжал свой рассказ, время от времени ненадолго замолкая:

— В январе 2009 года младшая сестра моей жены собралась на уик-энд поехать с подругами покататься на лыжах, хотела так отпраздновать день рождения. Она попросила одолжить ей нашу машину, и мы, разумеется, согласились. Как сейчас вижу, я стою на веранде, машу ей рукой и кричу: «Будь осторожна, Джоанна! Не играй с огнем на лыжных трассах!» В тот день на ней была лыжная шапочка с помпоном. Щеки разгорелись от холода. Ей должно было исполниться восемнадцать, в ней так и кипела жизнь. Джоанна села за руль, повернула ключ, чтобы завестись, и на наших глазах машина взорвалась... Бандюги из Энглвуда поработали с моей машиной...

Гэбриэл замолчал и стал закуривать новую сигарету от докуренной, потом снова заговорил:

— На следующий день после похорон сестры моя жена уехала из дома вместе с сыном. Поселилась в Лондоне, где у нее есть родня. Очень скоро она потребовала развода, и меня стали плющить адвокаты-питбули, которых она наняла для своей защиты. Меня обвинили в насилии, алкоголизме, посещении проституток. Нашлось немало подкупленных свидетелей, были использованы фразы из эсэмэсок, вырванные из контекста. Я ничего не смог сделать, и она получила исключительные права на Тео.

Он затаился в последний раз и раздавил окурок о камень.

— Я получил право видеть сына только два раза в год. Таких условий я не выдержал. Поехал в Англию и попытался урезонить свою супругу, но она так перепугалась, увидев меня, что снова натравила на меня адвоката, и он сумел добиться, чтобы мне вообще запретили видеться с сыном.

Глаза Гэбриэла погасли, в них застыла покорность. Смеркалось. Поднялся ветер, с каждой минутой становилось все холоднее. Растроганная Алиса положила спутнику руку на плечо, но тут вдруг зазвонил телефон, и снова из страдающих и сочувствующих друг другу людей они стали

полицейскими детективами, ведущими следствие.

И все-таки они обменялись взглядом, который сказал им, что дверь в потайной сад приоткрылась, хотя и готова опять захлопнуться. Алиса нажала на клавишу.

* * *

— Я слушаю, Сеймур, — сказала она, включая громкую связь.

— Я нашел этот сахарный заводик. Нахожусь на его территории. Производит впечатление, черт возьми! Словно попал в другой мир! Случайно не здесь снимали «Зловещие мертвецы»?

— Опиши, что ты видишь.

— Похоже на преддверие ада.

— Да будет тебе! Не преувеличивай!

— Хлещет жуткий дождь, а зонта у меня нет.

— Мне плевать, Сеймур. Зато у тебя с собой фонарь, веревка и флуоресцентные шнуры!

— Да-да, все это у меня в сумке.

Хриплый голос полицейского, слышный из телефона, громыхал благодаря микрофону и отдавался глухим эхом в горах.

— Кастелли говорил, этот завод забросили лет тридцать назад. Я в главном здании, оно почти обвалилось, все здесь проржавело, кусты и бурьян в рост человека.

Алиса прикрыла глаза, стараясь как можно точнее припомнить описанную ей отцом топографию этого места.

— Поняла. Выйди из задней двери и ищи зону складов. Здание, похожее на силосную башню.

Несколько секунд Сеймур молчал, потом снова раздался его голос:

— Да! Вижу что-то вроде резервуара, высокое узкое здание, все оббитое плющом. Похоже на интимный причиндал зеленого великана.

Алиса пропустила сомнительную шуточку мимо ушей.

— Обогни башню, за ней увидишь три каменных колодца.

Снова молчание.

— Вижу. Все три. И все три забраны решетками.

Сердце Алисы забило как сумасшедшее.

— Начни с того, который посередине. Можешь поднять решетку?

— Погоди, включу свободной рукой свет. Так. Решетка не приварена. И представь себе, видна кованая лесенка, которая ведет вниз.

— Ты можешь поднять решетку?

— Черт! Да она весит не меньше тонны! Хотя, смотри-ка! Поддалась!

Открыл!

Алиса вздохнула с глубочайшим облегчением.

— И что ты видишь там, внутри?

— Ничего...

Алиса занервничала.

— Сейчас же зажги фонарь!

— Да зажег уже! И говорю тебе, там ничего нет!

Алиса услышала, как Сеймур что-то бормочет себе под нос на другом конце света.

— Слушай, а как работают эти проклятые шнуры?

Впавшая в отчаяние Алиса ответила на повышенных тонах:

— Проще простого, бестолочь! Берешь шнур, складываешь вдвое, встряхиваешь, чтобы активизировался, потом запускаешь в глубину ямы.

Прошло несколько секунд, потом снова раздался голос Сеймура:

— Колодец пустой, в него совершенно сухой спуск.

«Нет! Этого не может быть!»

— А что там должно быть, Алиса? — поинтересовался Сеймур.

Алиса стала судорожно тереть висок.

— Труп Вога.

— Алиса, мне кажется, что с тобой не все в порядке.

— Осмотри два других колодца, — распорядилась она.

— Решетки приварены, они сильно проржавели. Их уже сто лет никто не открывал.

— Поддень решетку ломиком!

— Нет, Алиса, я не буду поддевать никакие решетки никакими ломиками! Твои бредни меня достали! Я возвращаюсь в Париж!

И что она могла сделать, сидя в этом лесу, за шесть тысяч километров от заброшенного сахарного завода?!

Алиса в ярости стиснула кулак. Сеймур ошибается. На этом заброшенном заводе есть мертвое тело! Она это чувствует!

Она приготовилась отключиться, но на другом конце вдруг раздалось восклицание, потом на ее барабанные перепонки обрушился поток ругательств.

Побледнев, как полотно, Алиса выдохнула:

— Это Вог?

— Нет! Это девушка! Связанная, рот заткнут! Стоп! На шее колготки! Она задушена колготками!

Алиса сделала невероятное усилие, чтобы сохранить самообладание.

— Труп на какой стадии разложения?

— Из-за сумерек и проклятого дождя очень плохо видно. Но, по моему, она умерла несколько дней назад. Да, несколько дней, не больше!

Гэбриэл напряженно вслушивался, но мало что понимал.

— Не могли бы вы объяснить мне, что там происходит, — попросил он.

Алиса быстро, в нескольких словах, пересказала по-английски их разговор с Сеймуром. И сразу же от федерального агента последовал вопрос:

— Ask him what color the tights are. According to the eyewitnesses, on the day of her murder Elizabeth Hardy was wearing PINK tights. [\[18\]](#)

— Сеймур, какого цвета колготки на шее? — спросила Алиса.

— Трудно сказать, слишком темно. Я должен отключиться, Алиса! Нужно предупредить об убийстве местную полицию.

— погоди, Сеймур! — закричала Алиса в телефон. — Прошу тебя, рассмотри цвет колготок!

— Красные, кажется... нет, скорее, розовые, — уточнил он и повесил трубку.

Алиса и Гэбриэл, окаменев от изумления, уставились друг на друга.

Кошмар не желал кончаться.

*Люди ищут свет в сквозящем саду, где дрожат
цветные пятна.*

Жан Тардьё

Голубоватая луна засветилась в небе, бросая вызов тучам.

Сделалось адски холодно.

В салоне «Шелби», несмотря на включенное отопление, тоже было ужасно холодно. Алиса потеряла руки, пытаясь согреться, потом спрятала их в рукава свитера. Она зажгла свет и разложила на коленях карту. Гэбриэл, подавшись вперед, вцепился в руль и продолжал вести машину. После разговора с Сеймуром они ехали вот уже три часа, поднимаясь все выше в горы, продвигаясь все дальше на север. Долгий переезд дал почувствовать все недостатки «Мустанга Шелби»: низкую посадку, испорченное отопление, допотопные сиденья...

Сосредоточившись на дороге, Гэбриэл сделал сложный вираж и, прибавив газу, перескочил на другое шоссе, которое крутым серпантином петляло между ущелий Белых гор. Уже давным-давно на дороге им не попадалось встречных машин. Места были пустынные.

Природа вокруг угнетала своей мрачной мощью. Грозно чернела стена леса. Осенняя пестрота сменилась глухой однотонностью. Все окутала непроглядная тьма.

На поворотах они порой видели долину, утонувшую в тумане, или водопад, струящийся серебряными нитями по черной скале.

Измученная усталостью и невозможностью заснуть, Алиса без конца повторяла про себя то, что сообщил ей Сеймур: Вог не только не отправился на тот свет, он активно действовал. Десять дней назад он убил медсестру здесь, в Новой Англии, потом вновь вернулся во Францию, чтобы снова убивать и убивать, а свою несчастную жертву он оставил на заброшенном сахарном заводе...

Но Вог действовал не в одиночку. Алиса была в этом убеждена. Их встреча с Гэбриэлом не могла быть случайностью. Вог соединил двух полицейских детективов, чтобы поиздеваться над ними, выказать им свое презрение. Но осуществить свою параноидальную задумку ему одному

было не под силу. Чисто физически один человек не смог бы сложить картину из таких разных пазлов.

Алиса старательно протерла глаза. Голова отказывалась думать, мысли разбегались в разные стороны.

Но один вопрос продолжал гвоздем сверлить мозг: для чего отец обманул ее, сообщив о смерти Вога?

Алиса подышала на руки, потом протерла запотевшее стекло. Суровый, мрачный пейзаж действовал на нее угнетающе. Она почувствовала, как в ней просыпается дикий неуправляемый страх, и только присутствие рядом Гэбриэла поддерживало ее, не давая поддаться панике.

Они проехали еще километров пятнадцать и оказались перед поворотом на лесную дорогу, вдоль которой по обеим сторонам выстроились деревянные столбы.

— Да, нам сюда, — подтвердила Алиса, глядя на карту.

Машина свернула влево и углубилась в еловый лес. Через несколько метров дорога стала уже, словно ели, сомкнувшись стеной, не хотели пропускать пришельцев. Путники двигались по темному тоннелю, образованному деревьями. Иголки царапали верх «Мустанга», еловые лапы шуршали по боковым стеклам. Дорога становилась все менее различимой. Ели как будто сходились все теснее и теснее.

Внезапно, словно выросло из-под земли, перед ними возникло что-то огромное и темное. Алиса вскрикнула. Гэбриэл чуть не раздавил педаль тормоза, едва не вывернул на сторону руль, пытаясь избежать губительной встречи. «Шелби» притиснулся к елке, лишившись бокового зеркала, по заднему стеклу побежали трещины.

Тишина. Жуть. И вдруг долгий трубный зов.

«Лось...» — подумала Алиса, глядя, как удаляется темный силуэт огромного быка с рогами, похожими на веер.

— Вы целы? — осведомился Гэбриэл, оглядывая Алису.

— Да, цела, — ответила она. — А как вы?

— Переживу, — пообещал он, вновь заводя машину.

Они проехали еще метров пятьсот и оказались на лужайке, где стоял небольшой деревенский домишко, сарай и другие хозяйственные постройки.

Они остановили «Шелби» в стороне от маленькой фермы и погасили фары. Света луны вполне хватало, чтобы рассмотреть небольшой, обшитый досками домишко с двускатной крышей из кедровых плашек. Чердачное окошко, казалось, смотрело на них недоброжелательно и подозрительно.

Ставни стояли открытыми, в доме было темным-темно.

— Никого, — уверенно произнес Гэбриэл.

— Или кто-то хочет, чтобы мы в это поверили, — возразила Алиса.

Она застегнула молнии на рюкзаке и протянула его Гэбриэлу.

— Возьмите, — распорядилась она, забирая из бардачка пистолет.

Достала «Глок» из кобуры, проверила патронник, передернула затвор и положила палец на спусковой крючок.

— Надеюсь, что вы не собираетесь отправляться на разведку? — спросил Гэбриэл.

— А вы видите другой выход?

— Нас обстреляют.

— Если бы Вог хотел нас убить, давно бы уже убил.

Они вышли из машины на ночной холод и двинулись к дому. При каждом выдохе из рта вылетало облачко серебристого пара и таяло в ночном воздухе.

Перед почтовым ящиком с облупившейся краской они остановились.

КАЛЕБ ДАНН

Имя и фамилия на маленькой металлической табличке, по крайней мере, не оставляли сомнений, кто хозяин маленькой фермы.

— Хотя бы не ошиблись адресом, — усмехнулся Гэбриэл, открывая ящик.

Ящик был пуст. Значит, кто-то вынимал из него почту.

Они подошли к крыльцу и обнаружили на нем газету.

— Сегодняшний номер «США сегодня», — сообщил Гэбриэл, разорвав обертку.

И положил газету на старую качалку, стоявшую у крыльца.

— Данн сегодня не вернулся домой, — сделала вывод Алиса, оглядевшись.

Гэбриэл встал перед дверью, не скрывая нерешительности.

— С юридической точки зрения у нас нет никаких оснований здесь находиться. Официально Данну не предъявлено никаких обвинений, он ни в чем не подозревается. У нас нет ордера, нет...

— И что с того? — нетерпеливо спросила Алиса.

— В общем-то, если бы мы могли войти в дом, не взламывая двери...

Полицейский детектив Шафер вложила револьвер в кобуру и присела на корточки перед замочной скважиной.

— Передайте рюкзак, — попросила она.

Порылась в рюкзаке и достала сложенный пополам большой конверт из крафтовой бумаги. В него положили снимки грудной клетки, которые ей сделали в Гринфилде.

— Откуда это у вас? — удивился Гэбриэл, заметив на конверте логотип медицинского центра.

— Объясню чуть позже, Кейн. Могу поспорить, что дверь просто захлопнута. В здешних местах вряд ли сильно опасаются воров.

Алиса засунула твердый конверт в щель между дверью и косяком и попыталась отжать язычок замка. Безуспешно.

— Оставьте, Шафер. Мы с вами не в детективном фильме — дверь заперта как положено.

Но Алиса продолжала попытки, держа конверт, легонько потряхивала дверь и старалась приподнять ее носком ноги. В конце концов язычок поддался, его удалось отжать внутрь замка, и дверь открылась.

Алиса победно взглянула на Гэбриэла и вновь вооружилась «Глоком». Полицейские детективы вошли на территорию Данна.

* * *

Первое наблюдение: в доме тепло. Первый вывод: покидая нору, Данн рассчитывал вскоре вернуться.

Гэбриэл повернул выключатель. Они увидели, что внутри дом больше всего напоминает охотничий: пол из потемневшего от старости кирпича, стены, обитые деревянными планками, небольшая печка. «Гостиную», если можно было назвать так дальний угол, представляли протертый до дыр диван и большой камин из грубого камня, на полке которого красовалась голова козочки. На самом видном месте в стойке стояло четыре ружья.

— Мелкашки для куропаток и голубей, — быстро оценил Гэбриэл. — Ни на что другое не годятся.

Уступка двадцать первому веку: флажки болельщика «Ред Сокс», экран HD, приставка для игр, ноутбук и небольшой принтер на деревянном, грубо сколоченном столе. Они вошли в кухню. Та же картина: обветшавшие стены, чугунная плита, на полке ряд старых медных кастрюль.

Поднялись на второй этаж. Короткий коридор и три двери. За дверями — маленькие, почти пустые комнатухи-спальни.

Вернувшись на первый этаж, Алиса и Гэбриэл обследовали шкафы и ящики, порылись на полках этажерки, заглянули под подушки и шотландский плед, лежавшие на продавленном диване. Ничего. Кроме

разве что небольшого количества травки, припрятанного в старой вазе. Трудно представить, что эта жалкая лачуга служит убежищем серийного убийцы.

— Странно, что нигде ни одной памятной фотографии, — заметил Гэбриэл.

Алиса села перед компьютером и включила его. Пароля не потребовалось. Но зато и на рабочем столе ни одного ярлыка. Старая программа. Нет электронной почты. Пустая раковина без значимого содержимого.

Алиса задумалась. И решила, что Данн, очевидно, посылает электронные письма через сайт провайдера. Подключилась к сайту. Но нашла там только счета, платежки, спам и рекламу.

Гэбриэл между тем продолжал поиски. В стенном шкафу на кухне он нашел пластиковый чехол и рулон скотча и отложил в сторону, собираясь потом заклеить разбитое стекло «Шелби». Осмотрел большое окно, которое закрывалось, опускаясь сверху. Открыл его из любопытства и невольно устроил сквозняк, который захлопнул входную дверь. Она ее даже не притворили, и она стояла открытой. Алиса подняла голову, взглянула на дверь и побледнела, как полотно.

Рывком поднялась со стула, бросилась к ней и окаменела. К внутренней стороне двери большими ржавыми гвоздями были прикреплены фотографии, которые она всегда носила у себя в портмоне.

На одной Поль улыбался во весь рот на побережье Амальфи, в садах Равелло. Другая — снимок одной из сделанных ею эхограмм. Она тогда была уже на пятом месяце.

Алиса закрыла глаза. Мгновенно воскрес этот день и все чувства, какие она испытала, увидев на экране своего мальчика. Можно было уже рассмотреть нежный овал лица, закрытые глазки, крошечный носик, маленькие руки, даже пальчики. Услышать завораживающий ритм его сердечка: ПА-ПАМ, ПА-ПАМ, ПА-ПАМ...

Она открыла глаза и посмотрела на третий снимок. Но это была не фотография. Это было ее трехцветное удостоверение полицейского детектива. Оно тоже было приколочено к двери, но тот, кто совершил на нее нападение, дал себе труд разорвать его пополам.

ПА-ПАМ, ПА-ПАМ, ПА-ПАМ... Стук ее собственного сердца, которое билось у нее в груди, смешиваясь с биением сердца сына, которое стучало у нее в памяти. Внезапно комната поплыла у Алисы перед глазами. Ее охватил жар, к горлу подкатили комок и тошнота. Она едва успела почувствовать, что кто-то ее подхватывает, и потеряла сознание.

От раскатов грома дрожали стекла. Молнии полосовали темное небо за окном. Алиса быстро пришла в сознание, но была бледна как мел. Гэбриэл сказал властно и энергично:

— Нечего нам делать в этой лачуге! Мы должны отыскать Калеба Данна. Сам он, вполне возможно, сюда не вернется.

Алиса и Гэбриэл уселись друг напротив друга у грубого деревянного стола, стоявшего посередине комнаты, и разложили дорожную карту этих мест.

— Как бы там ни было, если Данн — это и есть Вог или Данн только пособник Вога, он обладает существенной информацией.

Алиса, соглашаясь, кивнула. Она прикрыла глаза, стараясь заставить себя сосредоточиться. Генетический анализ крови на ее блузке показал, что это кровь Данна. Значит, Данн был недавно ранен. Прошлой ночью или сегодня рано утром. Выходит, рана была достаточно серьезной, если помешала ему вернуться домой. Так где он может быть сейчас? В каком-нибудь потайном укрытии? Или просто-напросто в каком-нибудь медицинском учреждении?

Будто прочитав ее мысли, Гэбриэл сказал:

— А что, если Данн отправился за помощью в больницу, где он работает?

— Давайте позвоним и проверим, — подхватила Алиса и нажала на клавишу, оживляя компьютер.

Она вышла в Интернет, чтобы найти координаты больницы Собагокотедж.

Записала адрес, номер телефона и стала искать ее на карте.

— Вот где она находится, — наконец сказала Алиса, показывая точку на берегу озера, похожего очертаниями на электрическую лампочку. — Всего-навсего в шестидесяти километрах.

Гэбриэл уточнил:

— Чтобы спуститься к этому озеру, понадобится не меньше двух часов.

— Позвоним в дирекцию больницы и выясним, у них ли находится Калев Данн, — предложила Алиса.

Гэбриэл с сомнением покачал головой:

— По телефону они не дадут нам никаких справок. К тому же мы рискуем поднять Данна с места, если он действительно там.

— Значит, двинемся вслепую?

— Может, и не двинемся. У меня возникла одна мысль. Дайте-ка телефон.

Гэбриэл набрал номер больницы, попал на стандартную информацию автомата, а когда раздался человеческий голос, вместо того чтобы попросить кого-то из администрации, попросил пост охраны.

— Пост охраны, я слушаю, — объявил беззаботный голос, мало подходящий охраннику.

— Добрый вечер, я друг Калеба Данна. Он сказал, что я могу найти его по этому номеру. Могу я поговорить с ним?

— На этот раз говорить с ним будет трудновато, парень! Судя по всему, Калеб схлопотал себе в бифштекс горошину. Он здесь, у нас, но по ту сторону барьера, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Данн в больнице? В больнице Собаго-котедж?

— Во всяком случае, так сказала хозяйка.

— Хозяйка?

— Кэтрин Кёллер, заместитель директора больницы.

— А известно, кто в него стрелял?

— Понятия не имею. Никто не любит, когда им задают подобные вопросы!

Гэбриэл поблагодарил охранника и повесил трубку.

— Поехали! — вскинулась Алиса. — На этот раз мы его возьмем!

Она уже собралась выключить компьютер, но, сообразив кое-что, остановилась.

— Одну минуточку!

А сообразила она, что может воспользоваться Интернетом и посмотреть свою почту. Прошло уже больше пяти часов с тех пор, как она звонила Франку Марешалю, комиссару регионального управления дорожной полиции. Кто знает, может, он нашел изображение ее машины на видеоролике камеры наблюдения автостоянки на улице Франклина Рузвельта. Хотя, если честно, она не слишком верила в расторопность Марешаля.

Но она ошиблась. В почтовом ящике ее дожидалось письмо.

От кого: Франк Марешаль

Кому: Алиса Шафер

Тема: автостоянка Вэнси

Привет, Алиса!

Вот картинки из видео, снятого камерой наблюдения,

соответствующие номеру, который ты мне прислала. Я не могу прислать тебе весь видеоролик, он слишком велик для электронной почты, но я сделал вырезки. Надеюсь, тебе их будет достаточно!

Целую, Франк

В приложении оказалось четыре снимка.
Алиса чуть ли не уткнулась носом в экран.

20 часов 12 минут. Две фотографии показывали, как «Ауди» въезжает на стоянку. Качество картинки было совсем не таким скверным, как утверждал Сеймур. Сквозь ветровое стекло с дворниками Алиса прекрасно рассмотрела свое лицо и то, что она одна.

0 часов 17 минут. Еще две фотографии, на которых видно, как «Ауди» уезжает. На этот раз совершенно очевидно, что рядом с Алисой кто-то сидит и ведет машину не она. На фотографии она на пассажирском месте, вся обмякшая, в полубессознательном состоянии. За рулем сидит мужчина. На первом снимке голова у него опущена, зато на втором он ее поднял.

Воспользовавшись встроенной мышью, Алиса развернула снимок во весь экран и приблизила, насколько могла.

Кровь заледенела у нее в жилах.

Но сомнений быть не могло.

Человеком, который сидел за рулем «Ауди», был Сеймур.

*Но горе одному, когда упадет, а другого нет,
который поднял бы его.*

Екклесиаст 4:10

Вокруг «Шелби» становилось все темнее и темнее.

Гроза обрушилась на горы с силой, готовой разрушить все. Порывы ветра раскачивали машину, дождь с оглушительным шумом барабанил в окна и по пластику, которым Гэбриэл заклеил разбитое окно.

Полчаса назад они проехали через перевал, и теперь начался долгий спуск в долину. Крутая дорога вилась серпантином, став от дождя неимоверно скользкой.

Алиса не выпускала из рук фотографию автостоянки, на которой так отчетливо было видно лицо Сеймура. Она уже много раз пыталась дозвониться своему «другу», но всякий раз попадала на автоответчик.

И вот она снова опустила глаза, и, направив на фотографию слабый свет мобильного, стала ее рассматривать.

Она отчетливо видела себя рядом с Сеймуром в своей «Ауди». Вид у нее был подавленный, она явно была пьяна, но находилась в сознании.

Как же могло случиться, что она не помнит, что произошло прошлой ночью? Алиса вновь и вновь попыталась расшевелить свою память, но ее опять заволокла радужная пелена, сквозь которую она никак не могла пробиться к воспоминаниям. Между тем благодаря ее неустанным усилиям часовой механизм ее мозга, похоже, сдвинулся с мертвой точки. Сердце Алисы забило. Да, воспоминания были. Нейроны должны до них дотянуться, хотя они затаились в туманном лабиринте ее подсознания. Затаились, но давали знать о себе смутным мерцанием. Истина где-то рядом. Алиса ходила вокруг да около. Но стоило ей попытаться пробиться к ней, как она пряталась, рассыпалась, истаивала в ледяном салоне машины.

Вот уж воистину танталовы муки!

Внезапно в чернильной ночи обозначилось пятно цвета яркого кармина. На панели замигал индикатор бензина.

— Черт! — рявкнул Гэбриэл. — Мы рискуем не добраться до больницы! «Мустанг», похоже, жрет больше двадцати литров на сотню

километров!

— Сколько мы можем еще проехать?

— Километров пятьдесят, не больше!

Алиса посветила телефоном на карту.

— Судя по карте, по дороге есть магазин «Дженерал Стар», при них обычно бывает бензоколонка. Как вы думаете, сможем до нее дотянуть?

Гэбриэл прищурился, пытаясь поточнее определить местонахождение магазина.

— Должно хватить, а там кто его знает! Впрочем, другого выхода у нас все равно нет.

Ветер всеми силами стремился ворваться внутрь машины. Дождь по-прежнему лил как из ведра, грозя потопить отважного «Мустанга». Не отрывая глаз от дороги, Гэбриэл заговорил:

— Этот ваш Сеймур... Я сразу почувствовал...

Алиса тяжело вздохнула. Она совсем обессилела.

— Вы его не знаете.

— Он сразу показался мне подозрительным, вот и все.

— А мне кажутся подозрительными ваши скоропалительные выводы. По-моему, нужно дать человеку высказаться, а потом уже судить.

— Не вижу, что могут изменить его высказывания, — сухо отрезал полицейский детектив. — Он лжет вам с самого начала. *Нам лжет*, черт его побери! Вся информация, которую он сбрасывал нам с самого утра, вполне может быть ложной!

Предположение обескуражило Алису. Гэбриэл отыскал у себя в куртке пачку сигарет и закурил, продолжая неотрывно смотреть на дорогу.

— И ваш отец ведет себя точно так же!

— Оставьте моего отца в покое! Он тут ни при чем!

Гэбриэл сделал несколько затяжек, наполнив салон пряным, едким запахом табака.

— Я просто хочу сказать, что вы окружены людьми, которые вами манипулируют и подвергают вас опасности.

«Шелби» наконец спустился в долину, на дороге стали попадаться машины. Навстречу им двигался грузовик, освещая их ярким светом фар.

— А вы пытаетесь найти оправдание этим людям, — продолжал Гэбриэл.

Алиса с яростью принялась защищать и защищаться:

— Без Сеймура и папы меня бы вообще на свете не было! Как можно продолжать жить, если тебя пырнули ножом в живот, убили твоего ребенка и бросили издыхать в луже крови?

Гэбриэл попытался доказать свою правоту, но Алиса повысила голос, не желая слушать никаких доводов:

— Гибель Поля меня раздавила, и только ОНИ поддерживали меня! Но вы, похоже, просто дурак и вообще ничего не способны понять!

Гэбриэл замолчал. Погрузившись в раздумья, он продолжал нервно курить, выпуская клубы дыма. Алиса вздохнула и повернула голову к окну. Дождь барабанил в стекло. Воспоминания вновь забарабанили по мозгам.

Я вспоминаю...

Декабрь 2011 — июль 2013

Я вспоминаю.

Вспоминаю, что была убеждена: для меня все кончено.

Я не видела для себя исхода. Как только вернусь домой, возьму служебный пистолет и пущу себе пулю в лоб.

Выстрел вызовет меня из ада, в котором я отныне обречена пребывать.

Прикованная к больничной койке, я мысленно прокручивала один и тот же фильм: сухой щелчок курка, который я взвожу, холодное металлическое дуло во рту, я направляю его вверх, чтобы высадить себе мозги.

Перед сном я только и делала, что представляла себе эту картинку. Палец нажимает на спусковой крючок. Голова разлетается от спасительного выстрела.

* * *

Но жизнь повела меня по другому пути.

— Ты будешь жить с нами, — сказал отец, когда приехал забирать меня из больницы.

От изумления глаза у меня полезли на лоб.

— С кем это с вами?

— Со мной и с твоим приятелем-геем.

Не сказав мне ни слова, отец, пока меня лечили, снял большой дом с садом на улице Сквер-Монсури. Когда-то этот дом был мастерской художника и буквально утопал в зелени. Настоящий загород в центре 14-го

округа.

Отец воспользовался моментом любовного разочарования Сеймура и уговорил его поселиться с нами. Я знала, что мой коллега пережил непростой роман. Его давний друг, танцовщик и хореограф, работавший в парижской Опере, в интересах карьеры переехал в Штаты, и их чувства не выдержали испытания разлукой.

И вот почти два года мы прожили вдвоем под одной крышей. Наше необычное содружество оказалось жизнеспособным. Против всех ожиданий, отец и Сеймур отбросили все свои предрассудки и стали наилучшими друзьями, их отношения друг к другу граничили с обожанием. Сеймура восхищал легендарный детектив, каким был Ален Шафер. Ему в нем нравилось все: чутье, крупный нос, чувство юмора, умение настоять на своем и умение сопротивляться. Отец же признал, что поспешил с выводами относительно молодого коллеги. Теперь он оценил состоятельного дэнди-гомосексуалиста, пропитанного утонченной культурой, но способного постоять за себя с кулаками и пить виски двадцатилетней выдержки.

А главное, оба яростно стремились вытащить из ямы меня, защитить от меня самой.

После больницы отец повез меня восстанавливать силы в Италию и Португалию. В начале весны Сеймур взял отпуск и повез показывать мне Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Путешествия и постоянно окружавшая меня атмосфера семейного тепла помогли мне преодолеть кризис.

Едва почувствовав себя лучше, я вернулась на работу, хотя первые полгода работа была для меня настоящим адом. Сеймур взял на себя обязанности начальника следственно-оперативной группы Шафер, а я исполняла роль секретаря.^[19] Целый год я проходила курс интенсивной психотерапии, который вел со мной специалист по посттравматическим шокам.

В угрозыске у меня было сложное положение. После неудачи с расследованием дела Эрика Вога Таландые следила за мной, не спуская глаз. При других обстоятельствах от меня бы избавились в два счета, но моей историей заинтересовалась пресса. «Пари матч» посвятила целых четыре полосы случившейся со мной трагедии, сделав из моего провала романтический рассказ, где мне была отведена роль этаким парижской Клариссы Старлинг, которая пошла на все, лишь бы обезвредить опасного преступника номер один. В скором времени министр внутренних дел наградил меня почетной медалью за проявленную храбрость и преданность делу. Поддержка прессы и награда не слишком пришлись по душе моим

коллегам, но благодаря им я по крайней мере могла продолжать заниматься своим делом.

* * *

Бывают испытания, с которыми так и не удастся справиться до конца, и все же ты оставляешь их позади, несмотря ни на что. Какая-то часть меня так и не оправилась и отмерла навсегда. Прошлое не отпускало меня, но мне повезло с людьми, которые были рядом и не давали мне опустить руки.

Поль был мертв, мертв был мой ребенок, сердце у меня омертвело. Но где-то глубоко внутри таилось смутное ощущение, что моя история еще не закончилась, что когда-нибудь жизнь подарит мне что-то еще.

А пока я жила словно на ощупь. Цеплялась за ничего не значащие пустяки: лесная прогулка под ясным небом, час ходьбы по песку на пляже, остроумное замечание отца, хохот вместе с Сеймуром, стакан вина «Сен-Жюльен», выпитый на террасе кафе, первые весенние почки, еженедельные встречи с подругами по факультету, старенький томик Уилки Коллинза, купленный у букиниста...

В сентябре 2012 года я снова возглавила группу. Я не утратила интереса к работе и любви к расследованиям. Целый год «группу Шафер» небеса благословляли удачей. Мы очень быстро закрывали дела, которые нам поручали расследовать. И результат не замедлил сказаться.

Жизнь мчится вперед во весь опор. Три месяца назад, к началу лета 2013-го, на работе снова в меня поверили, а я снова поверила в себя. Вернули мне свое доверие и мои помощники, и мы снова стали надежными товарищами.

Вот тогда-то у меня и стало иногда возникать ощущение, что для меня еще не все потеряно.

Но мне и в голову не приходило, что меня одарят еще одним, к тому же таким мучительным, испытанием.

Ночь приходит, пробил час.

Гийом Аполлинер

Ветер обрушился со страшной силой. Скотч не выдержал порывов ветра с ливнем, пластиковая вставка отвалилась, и вот вместо заднего стекла в «Шелби» вновь зияет дыра. Ливень радостно ею воспользовался и залил сиденье и пол спортивной машины.

— Мы почти у цели! — радостно вскрикнула Алиса, надеясь, что, несмотря на бурю, ее услышат.

Карта, которую она держала на коленях, тоже промокла и грозила расползтись у нее под руками.

Гэбриэл сбросил скорость. Они осторожно миновали перекресток, где из-за грозы не работал светофор, и сразу за ним с радостью обнаружили вывеску «Гран Дженерал Стар», продолжавшую сиять в ночи.

Остановились они прямо перед двумя бензиновыми колонками, которые торчали перед магазином. Гэбриэл не раз нажал на клаксон, сообщая о своем прибытии, но поначалу безуспешно. Наконец в дождевике и с зонтиком появился беззубый старичок, служащий бензоколонки, и наклонился к окну Гэбриэла.

— Виргилий к вашим услугам. Чем могу быть полезен, господа?

— Если можно, налейте полный бак, пожалуйста!

— Можно, и нальем, а еще не худо бы вставить вам заднее стекло.

— А это возможно? Может, закрыть дыру куском ткани и залепить покрепче клейкой лентой?

— Я посмотрю, что тут можно сделать, — пообещал Виргилий. — А пока будете ждать, идите-ка погрейтесь в магазине.

Алиса и Гэбриэл вылезли из машины и бегом бросились под навес. Толкнув дверь, они оказались в просторном, светлом, оживленном зале, вода текла с них ручьями. Зал был разделен пополам. Справа — обыкновенный универсальный магазин, деревянный пол, деревянные полки, а на полках всевозможные товары местного производства: банки с вареньем, кленовым сиропом, медом, пирожные «брауни» и «вупи пай», сладкие ватрушки с тыквой, шоколадные батончики... А по другую

сторону, слева, возвышалась гигантская стойка, за которой сидела пышнотелая матрона и снабжала голодающих омлетом, яичницей с беконом и картофельными пирожками, не забывая кружечку свежесваренного домашнего пива.

Теплой семейной атмосфере способствовали завсегдатаи, уютно расположившиеся за столиками со своим пивком. На стенах красовались старые, годов 50-х, афиши, объявляя о ближайших рок-концертах. Забегаловка была настолько вне времени, что создавалось впечатление, будто Чак Берри, Билл Хейли со своими «кометами» или Бадди Холли и в самом деле будут играть здесь в ближайший уик-энд.

Алиса с Гэбриэлом устроились в глубине зала, заняв два круглых красных кожаных табурета друг напротив друга, так как стойка, у которой они присели, были в форме буквы L.

— Чем вас угостить, влюбленные голубки? — осведомилась хозяйка, протянув им два меню в пластике.

Ни Алиса, ни Гэбриэл не были особенно голодны, но они сообразили, что занимать здесь место, не заказав чего-нибудь, не положено.

Пока они смотрели меню, хозяйка налила им по стакану воды и подвинула салфеточницу с бумажными салфетками.

— Вы насквозь промокли, дети мои! Будьте осторожны, не играйте со смертью!

Полицейские следователи поблагодарили хозяйку за любезное предупреждение. Гэбриэл заказал себе клубный сэндвич, а Алиса — суп с «ракушками».

Дожидаясь заказов, они вытерли салфетками лица, шеи, промокнули волосы.

— Кушайте на здоровье, — улыбнулась хозяйка, подвигая к ним сэндвич, разрезанный на треугольнички, и суп, налитый в краюшку хлеба, откуда была вынута мякоть.

Вслед за едой пухлые руки хозяйки, словно по мановению волшебной палочки, поставили два стаканчика виски.

— Это от заведения, чтобы вы согрелись. Из личных запасов старичка Виргилия.

— С превеликим удовольствием, — радостно отозвался Кейн и отхлебнул хлебной водки.

Он захрустел своим сэндвичем, дожидаясь, когда любопытная хозяйка перестанет одарять их вниманием, после чего со значением посмотрел Алисе в глаза.

— Мы километрах в пятнадцати от больницы, Шафер, и у меня к вам

небольшой разговор.

Алиса проглотила ложку супа.

— Отчего ж не поговорить? — вяло отозвалась она.

— Я серьезно, Алиса. Я прекрасно знаю, какие страдания причинил Бог вам и вашей семье...

— У вас редкий дар говорить эвфемизмами.

— Но я хочу, чтобы между нами не было никаких недоразумений. Мы с вами ведем следствие, но мы не карательная экспедиция, это ясно? Мы приезжаем в больницу, арестовываем этого типа и везем его в Бостон, чтобы допросить, как того требует закон.

Алиса отвела глаза. Теперь настала ее очередь хлебнуть водки. Сделанная из перебродившей ржи, она благоухала абрикосом, сливой и гвоздикой.

— Мы ведь с вами одного мнения, не так ли?

Алиса по-прежнему смотрела в сторону.

— Каждый имеет право действовать по своему усмотрению, — нехотя ответила она.

Не желая вступать в долгую дискуссию, Гэбриэл повысил голос.

— Тогда я по своему усмотрению забираю у вас пистолет. Или, предупреждаю, мы никуда не поедем.

— Ну, это мы еще посмотрим!

— Алиса! Это не обсуждается.

Капитан Алиса Шафер пребывала в нерешительности. Но, поглядев на Гэбриэла, поняла, что тот не отступит. Вытащила «Глок» из кобуры и протянула ему под столом.

— Так будет гораздо лучше, — заверил он ее, пряча пистолет за пояс.

Алиса пожала плечами и допила водку до дна. И как всегда, когда пила, физически ощутила согревающее воздействие алкоголя. Кровь сразу побежала быстрее. Поначалу алкоголь приводил ее в великолепнейшее настроение. Выброс адреналина обострял все чувства. Рождал волшебное ощущение свободы, позволял ослабить контроль.

Взгляд Алисы переходил с одного лица на другое, с предмета на предмет, пока наконец не остановился на стакане Гэбриэла, где оставалась еще душистая водка. Блики света, змеившиеся на поверхности жидкости, словно приворожили ее зоркий взгляд. Золотистые, медные, бронзовые, янтарные отблески расплывались, меняя очертания. Мир вокруг Алисы тоже, меняясь, плыл... Она испытывала то же странное и счастливое ощущение, которое недавно охватило ее в машине: истина — вот она! Совсем близко! Еще чуть-чуть — и откроется.

Алиса не сомневалась: наконец-то она достигла желанной точки! Завеса вот-вот упадет.

Глаза Алисы следили за радужной игрой света на поверхности алкоголя. Следили, не отрываясь, следили, как завороченные. Внезапно она вся покрылась гусиной кожей, комок подкатил к горлу. Она вдруг поняла, что смотрит вовсе не на стакан с виски, а на *руку* Гэбриэла, которая держит этот стакан. А еще точнее, на палец, который постукивает по нему четко и нервно. Все, что Алиса видела, было необыкновенно отчетливо, словно она смотрела через лупу. Вот она, рука Гэбриэла, выпуклые суставы, продолговатые ногти, едва заметный шрам в виде креста на указательном пальце, который постукивает по стакану. Шрам, который мог остаться с детства, когда ты неосторожно наткнулся на острие своего первого перочинного ножа, и потом память о нем сопровождала тебе всю твою жизнь.

И тут рядом с ними неожиданно появилась всклокоченная голова Виргилия, бензоаправщика.

— Я тут кое-как заделал ваше окошко, господа хорошие, — сообщил он. — Пойдемте-ка посмотрим, понравится ли вам моя выдумка.

Гэбриэл поднялся с табурета.

— Сидите в тепле, я приду за вами, когда буду уверен, что можно ехать дальше.

Алиса следила, как удаляется Гэбриэл, чувствуя, что кровь бросилась ей в лицо, как у нее в груди сумасшедше колотится сердце, как огонь пробегает по жилам. Еще она чувствовала, что у нее кружится голова. Что она погружается в небытие. Тонет. Идет ко дну. Что ей нужно срочно спасаться. Срочно знать правду.

— Все в порядке, милая? Подать вам что-нибудь еще?

Алиса попросила еще стаканчик виски и выпила залпом. Ей вдруг показалось, что алкоголь обладает способностью прояснять мысли. И уж точно придавать мужества.

«Действовать во что бы то ни стало, иначе смерть».

Алиса открыла рюкзачок и достала набор, с помощью которого снимают отпечатки пальцев. Обернула руку салфеткой и взяла стакан, из которого только что пил Гэбриэл, потом проделала все то же самое, что делала со шприцем: кисточкой нанесла на стакан черную пудру, зафиксировала отпечаток указательного пальца липкой лентой, потом перенесла его на тот самый картонный кружок, где уже находился отпечаток пальца владельца шприца. Она действовала автоматически, каждое ее движение было точным и безупречным. У нее было слишком

мало времени, она не имела права на ошибку.

Алиса поднесла картонный кружок к глазам, чтобы сверить отпечатки, и в этот самый миг услышала веселый звон колокольчика входной двери.

Она резко обернулась и увидела Гэбриэла, который уже шел к ней.

— Можно ехать! — объявил он издалека, напрягая голос, чтобы перекрыть веселый шум зала.

По спине Алисы потек холодный пот. Гэбриэл приближался, на лице его сияла радостная улыбка.

— Наш Виргилий проделал черт-те какую работу! У «Мустанга» снова водонепроницаемая переборка!

Алиса сделала последнюю ставку.

— Идите разогревайте мотор. Я расплачусь и подойду, — пообещала она, надеясь, что он тут же повернет к двери.

— Да нет, не стоит, я...

Хозяйка, протянув из-за стойки свою могучую руку, остановила Гэбриэла:

— погоди, сердечко мое, налью тебе последнюю на дорожку. Джин собственноручного приготовления Виргилия. Вкус меда и можжевельника! А ты расскажешь мне, какие на свете новости!

Фамильярность хозяйки явно покорила Гэбриэла.

— Да нет, спасибо, — отказался он. — Нам пора ехать.

Алиса воспользовалась этими несколькими секундами задержки и убрала все принадлежности в рюкзачок. Потом достала из кошелька три купюры по десять долларов и положила на стойку.

— Пойдемте, — позвал Гэбриэл, подходя к ней.

С самым непринужденным видом Алиса последовала за ним к входной двери. На улице по-прежнему лило как из ведра.

— Подождите под козырьком, я подгоню машину.

Гэбриэл побежал к «Шелби», а Алиса повернулась спиной к стоянке и достала из сумки картонный кружок. Сравнила два отпечатка при свете вывески «Дженерал Стар». Отпечатки были совершенно одинаковыми. По крайней мере, на первый взгляд. На обоих те же самые линии, похожие на удлиненные лодочки, и поверх них — маленький шрамик в виде креста...

Значит, Гэбриэл лгал ей с самой первой минуты...

Она подняла голову, почувствовав, что «Шелби» остановился за спиной. Гэбриэл открыл дверцу, приглашая садиться. Капитан французской полиции Алиса Шафер села в машину и пристегнула ремень.

— Все в порядке? У вас какое-то странное лицо.

— Все в порядке, — сказала Алиса, внезапно сообразив, что только

что отдала своему спутнику пистолет и теперь безоружна.

Дверца за ней захлопнулась. Охваченная дрожью, Алиса повернула голову к окну, по которому потоком стекали струи воды.

«Мустанг» мчался вперед, рассекая ночную тьму, и молодой женщине понадобилось немало времени, чтобы смириться с очевидностью: Гэбриэл Кейн и Эрик Вог — это один и тот же человек.

Часть 4

ЖЕНЩИНА НА ГРАНИ

Идти вперед или умереть

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно, не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?

Льюис Кэрролл

Тяжелый злобный дождь долбил в крышу машины.

Не переставая, громыхал гром. Молнии разрывали черные как уголь тучи, и тогда будто при вспышке небесного фотоаппарата вырисовывалась зубчатая — из-за елей — линия горизонта.

Полуостров, на дальнем конце которого разместилась больница Собаго-котедж, вдавался в озеро километров на пятнадцать и образовывал залив, обрамленный хвойными деревьями.

Сосредоточившись на дороге, Гэбриэл гнал машину со страшной скоростью. Дорогу загромаждали обломанные ветром ветки, делая ее коварной и опасной. Ветер продолжал неистовствовать, с ревом пригибая деревья и встряхивая машину, словно хотел помешать ей мчаться вперед по шоссе.

Алиса исподтишка посматривала на мобильник. Связь не отличалась стабильностью, но и не прервалась целиком и полностью. В зависимости от места количество палочек, показывающих интенсивность сигнала, нарастало, а то вдруг они пропадали совсем, давая понять, что это зона мертвая и телефон сигнала не принимает.

Алису трясло, и она изо всех сил старалась это скрыть. Главное сейчас — выиграть время. До тех пор, пока спутник не знает, что она установила, кто он на самом деле, она в безопасности. Без оружия на пустынной дороге нечего было и пытаться что-то предпринимать. Но как только они доберутся до больницы, она сможет действовать.

«Там будут люди, суета, камеры наблюдения... На этот раз Вогу не уйти...»

Ненависть брала верх над страхом.

Невыносимо было сидеть рядом с убийцей сына. Чувствовать его тело в нескольких сантиметрах от себя. Еще невыносимее было знать, что они за

это время сблизилась, что она доверила ему что-то очень личное, что была растрогана его лживыми выдумками, что ее так подло обвели вокруг пальца.

Алиса глубоко вздохнула. Она пыталась рассуждать здраво, найти ответы на вопросы, которые так и оставались неразрешенными: что за игру затеял убийца? Что задумал Бог? Почему не убил ее, хотя она была в его полной власти на протяжении стольких часов подряд?

* * *

«Шелби» сделал крутой поворот и вынужден был внезапно затормозить. Молния ударила в огромную белую сосну невдалеке от дороги. Ливень загасил пожар в зародыше, но дерево, расколовшись надвое, продолжало дымиться.

Дорогу загроздили обгорелые обломки, кора, ветки, пробраться через них было нелегко.

— Не повезло, так не повезло, — проворчал Гэбриэл.

Он прибавил скорость, явно намереваясь форсировать препятствие. Огромная ветка легла поперек дороги, перегородив ее. «Шелби» пришлось съехать на обочину, колеса сразу же увязли в грязи.

— Пойду попробую расчистить дорогу, — сказал Гэбриэл и нажал на тормоз.

Вышел из машины, хлопнув дверью и не заглушив мотор.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой!»

Конечно, она могла бы попытаться сбежать, как только дорога будет освобождена от сучьев. Но Алисе хотелось вовсе не сбежать. Ей хотелось понять. Узнать правду. Докопаться до сути.

Алиса взглянула на телефон. Сигнал был слабым — всего две черточки, — но был. Кого же предупредить? Набрать 911? И что сказать? На объяснения нет времени. Отца? Сеймура? Но Алиса уже не знала, насколько может им доверять. Позвонить кому-нибудь из коллег в угрозыске? Да, пожалуй. Это хорошая мысль. Кастелли? Савиньону? Алиса попыталась вспомнить их номера, но не смогла. Слишком привыкла просто нажимать клавишу, вызвав имя в телефонной книге.

Алиса закрыла глаза, постаравшись сосредоточиться. Единственный номер, который всплыл у нее в памяти, был номер Оливье Крюши, шестого члена их группы. Все лучше, чем ничего. Она поспешила набрать номер, держа телефон возле сиденья. Гэбриэл с дороги то и дело поглядывал на

машину, но пелена дождя достаточно надежно защищала Алису. Она включила громкую связь. Гудок. Второй. Третий. Затем голос автоответчика.

«Не везет!»

Алиса дала отбой, не оставив сообщения. И тут ей в голову пришла еще одна мысль. Она порылась у себя в рюкзаке и нашла нож, который прихватила в кафе «Бовери». Лезвие, конечно, не годилось, чтобы резать стейки и бифштексы, зато у ножа было острие, и это уже совсем неплохо. Алиса сунула нож в правый рукав как раз в тот миг, когда Гэбриэл подошел к машине.

— Путь свободен, можно ехать, — объявил он, очень довольный.

* * *

Больница Собаго-котедж
Охраняемая территория
Просьба снизить скорость

Щит с предупреждением и освещенная ярким светом деревянная будка поста охраны были видны издалека. Фосфоресцирующее пятно в ночи было похоже на летающую тарелку, которая приземлилась на болотистых равнинах Новой Англии. «Шелби» свернул на дорогу, ведущую к больничному посту охраны, но, поравнявшись с ним, Алиса и Гэбриэл поняли, что в будке никого нет.

Остановив машину перед металлическим шлагбаумом, Гэбриэл опустил стекло.

— Эй! Есть кто-нибудь?! — крикнул он, стараясь перекрыть шум дождя.

Он вылез из машины и двинулся к будке. Дверь осталась открытой и хлопала на ветру. Сначала он заглянул в открытую дверь, потом решил войти. Охранника не было. Он взглянул на стену, состоявшую из экранов камер наблюдения, потом на панель, оцетинившуюся множеством кнопок, включателей и выключателей. Нашел нужный, поднял шлагбаум и вернулся к Алисе.

— Отсутствие охранника кажется мне дурным знаком, — сказал он, занимая место за рулем. — Должно быть, в больнице что-то случилось.

Прибавив скорость, Гэбриэл снова закурил. Руки у него слегка дрожали. «Шелби» двинулся по аллее между двух рядов елок, которая вела

к просторной площадке, посыпанной гравием, служившей стоянкой для больничных автомобилей.

Расположившаяся на берегу озера больница производила впечатление необычное и внушительное. Под проливным дождем на чернильном фоне туч светились узкие готические окна фасада. Средняя башня из охристого кирпича хранила свой древний средневековый величественный облик, а с ней рядом возвышались две другие, суперсовременные башни, голубоватые и прозрачные, с ребристыми крышами. Дерзкий мост из стекла соединял башни между собой, гармонично связывая прошлое с будущим. Перед главным входом на алюминиевом щите светился жидкокристаллический экран, и на нем бежали строчки информации:

Добро пожаловать!

Сегодня 15 октября 2013 года

23 часа 57

Время посещения: 10~18 часов

Автостоянка для посетителей: П1 — П2

Автостоянка для персонала: П3

«Шелби» сбавил ход. Алиса потихоньку вытащила нож, который все это время прятала в рукаве, и судорожно сжала рукоятку.

«Сейчас или никогда».

Она чувствовала биение сердца в каждой жилке. Мощная волна адреналина, поднимаясь, вызвала дрожь. Самые противоположные чувства переплетались и сталкивались. Страх, ярость, боль. Острее всего — боль. Нет, она не арестует Вога. Этим она не ограничится. Она его убьет. Сейчас. Немедленно. Другого выхода нет. Это единственный способ избавить мир от этого исчадия ада. Единственная возможность отомстить за смерть Поля, за гибель сына. К горлу подкатил комок. Из глаз полились слезы, оставляя мокрые полосы на щеках.

«Сейчас или никогда».

Алиса собрала все свои силы и вонзила нож в грудь убийцы. Почувствовала, как нож разрывает кожу, входит в тело. Он вскрикнул и выпустил руль. Машина съехала с гравия и уткнулась в каменную ограду. От удара лопнула шина, и «Шелби» застыл неподвижно. Алиса воспользовалась минутой неподвижности врага и выхватила «Глок», который тот заткнул за пояс.

— Ни с места! — крикнула она, наставив «Глок» на Вога.

Выскочила из машины, разблокировала ударник, слегка нажав на

спусковой крючок, и, крепко сжав пистолет обеими руками, вытянула их, готовая открыть огонь.

— Выходи из машины!

Гэбриэл пригнулся, но из машины не вышел. Дождь лил потоками, и Алисе не удавалось рассмотреть, что он делает там, в машине.

— Выходи немедленно! — повторила она. — Выходи, руки вверх.

Дверца медленно открылась. Гэбриэл поставил ногу на землю. Он вытащил нож. Нож попал ему чуть ниже левой ключицы, и по свитеру тянулась длинная кровавая полоса.

— Для тебя все кончено, Бог!

Несмотря на дождь и темноту, прозрачный как хрусталь взгляд Гэбриэла дотянулся до Алисы.

Алиса почувствовала под ложечкой сосущую пустоту. Все эти годы она хотела только одного: уничтожить Бога своими собственными руками.

Но прежде чем покончить с этой мразью, она должна получить ответы на все вопросы.

В кармане куртки завибрировал телефон. Не спуская глаз с Бога и продолжая целиться, Алиса вытащила мобильник. На экране обозначился номер шестого сотрудника ее группы.

— Крюши? — спросила она, нажав на клавишу.

— Вы мне звонили, шеф? — осведомился сонный голос. — А вы знаете, который сейчас час?

— Мне нужна твоя помощь, Оливье. Ты знаешь, где сейчас Сеймур?

— Понятия не имею. Я сейчас в отпуске, уже неделю гощу у родителей жены в Бретани.

— Что ты городишь! Мы с тобой виделись вчера на службе!

— Шеф, вы прекрасно знаете, что этого не может быть!

— Почему же?

— Шеф, но...

— ПОЧЕМУ?!! — занервничала Алиса.

Молчание. Потом грустный голос Оливье произнес:

— Потому что вот уже три месяца как вы болеете. Потому что три месяца вы не ходите на службу...

Ответ Оливье поразил Алису как громом. Кровь заledenела у нее в жилах. Телефон упал в лужу.

«Что за бред он несет?..»

Взгляд Алисы приковало к себе светящееся табло, которое она увидела за спиной Бога. Сквозь пелену дождя она прочитала.

Добро пожаловать!
Сегодня вторник, 15 октября 2013 года
23 часа 59

На табло была явная ошибка. Сегодня, разумеется, вторник, вот только число было восьмое октября, а вовсе не пятнадцатое. Алиса стерла дождевые капли, катившиеся по лицу. В ушах стоял гул. Красный огонек тревоги зажегся в мозгу предупреждением об опасности. С самого начала ей грозил не один Вог, с ней был и другой опасный враг — она сама.

Перед мысленным взором побежали картинки, как будто Алисе показывали отснятый фильм.

Она увидела молодого азиата-ростовщика, у которого они побывали утром в китайском квартале. Он нажимает на кнопку на часах Поля. «Я ставлю правильную дату и время», — говорит он и меняет цифру 8 на цифру 15.

Потом дата на газете, которая лежала у дверей Калеба Данна. Она видела ее, но не обратила должного внимания. Эта дата тоже была 15 октября. И на сообщении Франка Марешаля тоже стояло 15 октября. Но все это прошло мимо ее сознания...

«Как это может быть?.. Что же это такое?..»

И вдруг Алису осенило. Провал в памяти поглотил не одну ночь, как она считала поначалу, в него ухнула целая неделя.

Горькие слезы, гневные слезы потекли по лицу Алисы, смешиваясь с дождем. Она по-прежнему сжимала в руке пистолет, по-прежнему держала под прицелом Вога, но тело ее пронизывала дрожь, подступала волна мучительной слабости. Она едва держалась на ногах, боялась, что сейчас упадет, и все-таки не выпускала пистолета.

Вновь радужная пелена замерцала в ее сознании, но теперь у нее достало сил ухватиться за ее краешек. Наконец-то она сумеет отдернуть ее, чтобы поток воспоминаний освободился и хлынул на поверхность. Вспыхнувшие точками воспоминания медленно сближались, обещая стать картинками.

Молния яркой вспышкой разорвала тьму. На сотую долю секунды Алиса повернула голову в сторону. Эта сотая доля секунды стала фатальной. Ее спутник бросился на нее и отшвырнул на капот «Шелби». Алиса нажала на спусковой крючок, но пуля пролетела мимо.

Противник навалился на нее всей своей тяжестью, крепко зажав левой рукой. Новая вспышка молнии осветила все ярким светом. Алиса подняла глаза и увидела в руках Вога шприц. Все поплыло у нее перед глазами. Во

рту стало кисло от железного вкуса. Она видела, словно в замедленной съемке, как блестящая игла приближается к ней, потом вонзается в вену на шее, а она бессильна, она не может ничему помешать...

Гэбриэл нажал на шприц и ввел в вену находящуюся в нем жидкость. Она обожгла тело молодой женщины, словно электрический разряд. Острая боль взорвала решетку, которая держала в плену ее память. Алисе показалось, что всю ее охватило пламя, что сердце стало готовой взорваться гранатой.

Белая вспышка света ослепила ее.

Открывшееся привело ее в ужас.

Еще секунда, и она потеряла сознание.

Я вспоминаю...

*За три месяца до сегодняшних событий
12 июля 2013*

Воздух Парижа пропитан ощущением опасности. Неделю назад, в час, когда служащие покидают рабочие места, теракт залил кровью столицу. Камикадзе с взрывчаткой в поясе подорвал себя в автобусе на улице Сен-Лазар. Итог был плачевен: восемь убитых, одиннадцать раненых.

В тот же день на четвертой линии метро, на станции «Монпарнас-Бьенвеню», был найден рюкзак со взрывчатым веществом и гвоздями. По счастью, оперативная группа по разминированию успела обезвредить эту самопальную бомбу раньше, чем она взорвалась, сделав свое черное дело.

Парижан охватила паника.

Все вспомнили о терактах 1995 года. Чуть ли не каждый день появлялись надписи на памятниках. Возвращением терроризма пугали газеты и тележурналы. Отдел борьбы с терроризмом активизировал свою деятельность, взяв под более жесткий контроль исламистов, анархистов и ультралевых. Их останавливали, проверяли, допрашивали.

Меня все это ни в коей мере не касалось. Но в один прекрасный день Антуан де Фуко, заместитель начальника отдела по борьбе с терроризмом, попросил меня принять участие в допросе одного из подозреваемых. Его задержание продлевали уже трижды, и последний срок подходил к концу.

С 70-х годов, с самого начала карьеры, Фуко много лет работал вместе с моим отцом, потом их пути разошлись. К тому же он был одним из моих наставников, когда я училась в полицейской школе. Он считал меня

хорошей ученицей и даже приписывал мне особое умение вести допросы, которого на самом деле у меня не было.

— На этот раз без тебя не обойтись, Алиса, — сказал он.

— Чего конкретно вы от меня ждете?

— Мы уже три дня пытаемся разговорить этого типа. Молчит как рыба. А у тебя он может заговорить.

— Почему? Потому что я женщина?

— Нет. Потому что ты умеешь это делать.

В обычное время подобное предложение мне бы понравилось, пощекотало бы мое самолюбие. А тут — ни капли адреналина. И я первая этому удивилась. Я почувствовала только усталость и желание как можно скорее оказаться дома. Этим утром у меня уже началась мигрень, она изнуряюще сверлила мне череп. А сейчас был вечер, жаркий летний вечер. Воздух раскалился добела. Париж задыхался в объятиях смога, да и денек выдался не из легких. Офис превратился в раскаленную печь. Я чувствовала, что вокруг витает влажное облако телесных испарений, и готова была на все ради банки ледяной кока-лайт, потому что автомат у нас не работал.

— Но послушай, если твои люди ничего от него не добились, не понимаю, чем смогу помочь я, если подключусь.

— Подключись, — продолжал настаивать Фуко, — я видел тебя в деле.

— Только зря потратите время. Я не знаю его досье...

— Мы сыграем на неожиданности. Таландье согласилась. Словом, ты выходишь на линию огня и заставляешь его выдать имя. После этого отпускаем вожжи.

Я колебалась, но на самом деле выбора у меня не было.

Мы устроились в кабинете под самой крышей, где работало два вентилятора. Целый час два офицера из отдела Фуко бомбардировали меня сведениями о подозреваемом. Это был некий Брахим Рахмани, известный под прозвищем «Торговец пушками» или «Подрывник». Отдел по борьбе с терроризмом уже давно взял его на заметку. Его подозревали в том, что это он снабдил взрывчаткой группу, которая устроила взрыв в автобусе на улице Сен-Лазар. Во время обыска у него нашли си-четыре, ^[20] бруски пластита, телефоны, переделанные в детонаторы, а кроме того еще и целый арсенал: всевозможное оружие, арматуру, бронежилеты. Три дня предварительного заключения подходили к концу, а парень так и не сказал ни слова следователю. Его жесткий диск и электронная почта за последний месяц не давали достаточных данных, чтобы подтвердить его участие, хотя бы косвенное, в теракте.

Дело было, конечно, увлекательное, но очень сложное. Из-за жары мне было трудно сосредоточиться. Коллеги говорили быстро, упоминали множество подробностей, и мне было трудно все это запомнить. В обычных условиях у меня идеальная память, но сейчас я очень боялась что-то забыть и взяла блокнот, чтобы все записать.

Наконец они закончили и проводили меня до коридора этажом ниже, где находилась следственная часть. Фуко, Таландье, все начальство уже столпилось у зеркального стекла, желая посмотреть, как я поведу дело. Теперь и мне захотелось себя показать.

Я толкнула дверь и вошла в кабинет.

Жара там стояла адская, на пределе допустимого. Прикованный к стулу Рахмани сидел за маленьким деревянным столиком, похожим на школьную парту. Сидел, опустив голову, пот лил с него градом. Он едва заметил мое появление.

Я закатала рукава рубашки и вытерла пот, выступивший у меня на лбу. Я захватила с собой пластиковую бутылку с водой, чтобы наладить контакт с допрашиваемым. И вдруг вместо того, чтобы протянуть бутылку ему, я открыла ее и сама выпила добрую часть воды.

Поначалу от воды мне стало гораздо лучше, но потом я почувствовала, что земля уплывает у меня из-под ног. Я прикрыла глаза, но голова вдруг так закружилась, что я была вынуждена прислониться к стене, чтобы хоть немного прийти в себя.

А когда открыла, полностью потеряла ориентацию. В голове белая страница, полная пустота. И жуткий страх: сейчас меня отправят неизвестно куда.

Я почувствовала, что ноги меня не держат, и опустилась на стул напротив сидящего, но перед этим спросила:

— Кто вы такой? И что я здесь делаю?

Я вспоминаю все...

Прошлая неделя

Вторник 8 октября 2013

Париж, шесть часов. Вечер ясного осеннего дня.

Солнце, готовое опуститься за горизонт, зажигает Париж алым пламенем, отражается в окнах домов, в водах реки, в ветровых стеклах автомобилей, потоком течет по улицам. Волна света слепит и уносит все,

что встречает на пути.

Неподалеку от парка Андре Ситроен, опасаясь пробок, я сворачиваю на бетонную полосу, что ведет к стеклянному пароходу, который стоит возле Сены. Фасад госпиталя Пьера и Марии Кюри похож на нос футуристического пакетбота, сделавшего неожиданную остановку в южной части 15-го округа, причалившего на перекрестке. В его окнах отражается иудино дерево и боярышник, которыми по обеим сторонам засажена эспланада.

Стоянка для автомобилей. Бетонный лабиринт. Раздвижные ворота открываются, впуская в просторный внутренний дворик. Множество лифтов. Приемная.

Я иду на консультацию к профессору Эваристу Клузо, директору национального Института памяти. Институт занимает весь последний этаж.

Клузо один из ведущих специалистов Франции по болезни Альцгеймера. Я встречалась с ним три года назад, когда моя группа занималась расследованием смерти его брата-близнеца, Жана Батиста, возглавлявшего сердечно-сосудистое отделение той же больницы. Братья питали друг к другу такую ненависть, что, узнав, что у него рак поджелудочной железы, Жан Батист решил покончить с собой, но таким образом, чтобы его смерть походила на убийство и все улики указывали бы на брата. Тогда это дело произвело немало шума. Эвариста тотчас же посадили в тюрьму, но мы в конце концов докопались до правды. Выйдя на свободу, он сказал Сеймуру, что мы вытащили его из ада, и он будет благодарен нам до конца дней. И это не были пустые слова. Когда я позвонила ему неделю назад и попросила о встрече, он сразу же назначил мне день, уделив время в своем плотном графике.

После отключки на допросе террориста я сразу пришла в себя, и с памятью у меня тоже все было в порядке. Отключка длилась минуты три, не больше, но свидетелями ее оказалось начальство. Таландье тут же отправила меня в отпуск, а потом не хотела допускать к работе без заключения врача. Мне пришлось снова пройти медосмотр и побывать на консультации у психиатра. Врачи прописали мне длительный отпуск для лечения. Меня это мало устраивало.

Ни для кого не было тайной, что Таландье уже много лет, ни от кого этого не скрывая, мечтает от меня отделаться. И если ей не удалось это сделать после дела Вога, то теперешний мой провал дал ей в руки козырь. Однако я не пустила дела на самотек. Я подняла на ноги профсоюз, сходила к юристу, специализирующемуся по трудовому праву, сама принялась ходить по врачам, не сомневаясь, что получу письменное заключение о

превосходном состоянии здоровья.

Я нисколько не волновалась. Чувствовала себя в форме, готова была постоять за себя и вновь работать на своем месте. Да, у меня случился провал в памяти, но, во-первых, всего на несколько минут, и потом, с кем не бывает? У меня, как и у любого, может произойти отключка, и причин для этого сколько угодно: стресс, усталость, перенапряжение, жара.

Именно так и говорили мне врачи, у которых я побывала. Однако среди них нашелся один, который заподозрил у меня неполадки с мозгом и попросил сделать сканирование.

Я всегда предпочитаю атаковать, а не защищаться, поэтому решила предупредить все возражения и по собственной инициативе отправилась на консультацию к главному специалисту по этого рода болезням. Я пошла к самому Клузо. Он назначил мне множество исследований и анализов. На прошлой неделе я провела целый день в этой проклятой больнице, где мне взяли пункцию из спинного мозга, сделали магнитно-резонансную томографию и множество анализов крови, а потом я прошла такое же множество тестов, исследующих мою память. И вот я иду к Клузо за результатом всех этих исследований.

Иду без тени беспокойства. Охваченная нетерпением вернуться к любимой работе. В этот вечер я даже собиралась устроить небольшой праздник со своими подружками по факультету: Карин, Маликой и Самией. Выпьем по коктейлю на Елисейских и...

— Профессор вас сейчас примет.

Секретарша ввела меня в кабинет, выходящий окнами на Сену. Эварист Клузо сидел за рабочим столом — удивительный, надо сказать, стол, формой похожий на крыло самолета, гладкий как стекло, — и что-то набирал на компьютере. Сам доктор, прямо сказать, выглядел не лучшим образом: всклокоченные волосы, бледное помятое лицо, неопрятная борода. Можно подумать, что он провел бессонную ночь за покером, опрокидывая стакан за стаканом. Халат нараспашку, так что видна рубашка виши и бордовый джемпер, связанный до того неровно, словно вязала его старушка сильно подшофе.

Несмотря на неухоженность, Клузо сразу внушал к себе доверие, да и репутация его говорила сама за себя. В последние годы он внес большой вклад в разработку новых критериев, помогающих диагностировать болезнь Альцгеймера. Институт памяти, которым он руководил, был ведущим в этой области, тут лечились те, кто страдает этой болезнью. И когда в прессе или на телевидении заходила речь о болезни Альцгеймера, в первую очередь приглашали и задавали вопросы профессору Клузо.

— Добрый вечер, мадемуазель Шафер, садитесь, пожалуйста.

Прошло несколько минут, и солнце закатилось. Кабинет заволокли сумерки. Клузо снял очки в черепаховой оправе и поглядел на меня взглядом мудрого филина, прежде чем зажечь старую латунную настольную лампу с абажуром из опалового стекла. Потом он нажал на клавишу компьютера, соединенного с плоским экраном на стене. Я догадалась, что сейчас увижу результаты своих анализов, они появятся на светящемся экране.

— Буду откровенен с вами, Алиса, анализ ваших биомаркеров внушает беспокойство.

Я ничего не ответила. Клузо встал и пустился в объяснения:

— Перед вами изображение вашего мозга, сделанное с помощью магнитно-резонансной томографии, точнее, той его зоны, которая отвечает за память и ориентацию в пространстве. — Взяв зонд, он обвел зону на экране и прибавил: — Наблюдаются элементы атрофии. В вашем возрасте это ненормально. — Он помолчал, давая мне возможность усвоить полученную информацию, потом перевел на экран следующий снимок. — На прошлой неделе вы прошли еще одно исследование — томосцинтиграфию. Вам ввели маркеры, которые дают возможность визуализировать различные патологические изменения.

Я мало что понимала в его ученых объяснениях. Профессор, видно, заметил это и тоном доброго учителя пояснил:

— Томосцинтиграфия позволяет зрительно представить себе активность различных участков вашего мозга и...

Я перебила:

— Хорошо, и что это дает?

Он вздохнул.

— Таким образом можно определить, в каких зонах возникают нарушения...

Он подошел к экрану и ткнул зондом в сегмент на снимке.

— Видите красные пятнышки? Это амилоидные бляшки, которые находятся между вашими нейронами.

— Амилоидные бляшки?

— Патологические белковые сгустки на нервных клетках мозга, являющиеся причиной некоторых заболеваний как мозга, так и нервной системы.

Слова ударили меня, будто молотком, но я не желала их слышать.

Клузо вывел на экран результат третьего исследования — страницу, заполненную цифрами.

— Нежелательная концентрация амилоидных протеинов подтверждается анализом интерстициальной жидкости, которая была взята при спинномозговой пункции. Ее анализ так же показывает присутствие патологически свернувшегося тау-белка, что означает наличие у вас ранней стадии болезни Альцгеймера.

В кабинете повисла тишина. Я была растеряна, подавлена и не могла рассуждать трезво.

— Да нет! Быть не может. Мне... Мне всего тридцать восемь лет!

— Да, такое бывает крайне редко, но бывает.

— А я говорю, что вы ошиблись!

Все мое существо отказывалось принимать неожиданный диагноз. Я знала, что против болезни Альцгеймера не существует надежного лечения: нет эффективных препаратов, нет вакцин.

— Я понимаю ваши чувства, Алиса. Но советую повременить с эмоциями. Дайте себе время подумать. Сейчас ничто не вынуждает вас менять привычный образ жизни...

— Но я не больна!

— С такими новостями трудно смириться, Алиса, — вновь заговорил Клузо очень тихо и очень ласково. — Но вы молоды, и болезнь ваша, можно считать, еще в зачатке. Вам предстоят дополнительные исследования. Они могут подсказать какой-то путь... До сих пор у нас не было надежных методов, помогающих поставить диагноз, мы диагностировали болезни слишком поздно. Но теперь все изменилось, и...

Я не захотела слушать его дальше. Вскочила со своего места и вылетела из кабинета, не оглядываясь.

* * *

Холл. Множество лифтов, спускающих во внутренний двор. Лабиринт из бетона. Автостоянка. Урчанье мотора.

Я опустила все стекла. И вела машину, чувствуя, как ветер играет моими волосами, слушая радио, пустив его на полную мощность. Гитару Джонни Винтера, песню «Где-то впереди...» Джонни Кэша...

Чувствовала я себя великолепно. Жизнь была во мне ключом. Я не собиралась умирать. Впереди вся жизнь!

Я прибавляла скорость, обгоняла, сигналила. Набережная Гренель, набережная Бранли, набережная д'Орсэ... Я не больна. У меня прекрасная память. Мне всегда так говорили в гимназии, потом в полицейской школе,

потом, когда я вела свои расследования. Я не забывала лиц, запоминала мельчайшие детали, могла воспроизвести почти наизусть десятки страниц из дел, которые скрупулезно ведет наш секретарь. Я помню все. Абсолютно все!

Мой мозг кипит жизнью, работает на всю катушку. Чтобы лишний раз в этом убедиться, я принялась говорить про себя все, что приходило мне в голову:

«Шестью семь сорок два. Восемью девять семьдесят два. Столица Пакистана Исламабад. Столица Мадагаскара Антананариву. Сталин умер пятого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Берлинская стена была сооружена в ночь с двенадцатого на тринадцатое августа тысяча девятьсот шестьдесят первого года».

Да, я помню абсолютно все.

«Духи моей бабушки назывались „Вечерний Париж“ и пахли бергамотом и жасмином. „Аполлон одиннадцать“ прилунился двадцатого июля тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Подружку Тома Сойера звали Бекки Тэчер. В двенадцать часов дня я съела у „Десирье“ дораду под соусом тартар. А Сеймур — „fish and chic“. Потом мы взяли по чашке кофе и заплатили по счету семьдесят девять евро, восемьдесят три...»

Да! Я помню абсолютно все!

«В песне „While My Guitar Gently Weeps“ из „Белого альбома“ Битлз соло на гитаре исполнял Эрик Клэптон. Нужно говорить: я надеваю носки, а не я одеваю носки. Этим утром я заправила машину бензином на заправке на бульваре Мюрат. Бензин девяносто восемь стоил евро шестьдесят восемь литр, и я заплатила шестьдесят семь евро. В фильме „На север через северо-запад“ Альфред Хичкок появляется сразу после главных титров, дверь автобуса закрывается, и он остается на тротуаре».

Я помню абсолютно все.

«В рассказах Конан Дойла Шерлок Холмс никогда не говорит: „Элементарно, Ватсон!“. Код моей пластиковой карты девять тысяч семьсот двадцать восемь. Ее номер ноль пять семьдесят три пятьдесят два тридцать три тридцать семь пятьдесят четыре шестьдесят один. Криптограмма семьсот девяносто три. Первый фильм Стенли Кубрика называется не „Поцелуй убийцы“, а „Fear and Desire“.^[21] В 1990 году судью матча между „Бенфика“ и марсельской командой „Олимпик“, который засчитал Вата гол, забитый рукой, звали Марсель ван Лангенхове. Мой отец тогда заплакал. Денежная единица Парагвая — гуарани. В Ботсване валюта пула. Марка мотоцикла моего дедушки „Кавасаки Н1“. В двадцать лет мой отец водил „Рено 8 Гордини“ цвета „французская лазурь“».

Да, я помню абсолютно все.

«Код моего подъезда шестьдесят пять ноль семь В, код лифта тринадцать двадцать один А. Моего учителя музыки в шестом классе звали Лиге. Он учил нас играть „She’s Like a Rainbow“ „Роллинг Стоунз“ на блок-флейте. Я купила два своих первых компакт-диска в 1991 году, когда была в первом классе: „Ветер на равнинах“ Луара Дезир и „Экспромты“ Шуберта в исполнении Кристиана Циммермана. Я получила 16/20 на бакалавриате по литературе. Тема письменной работы была: „Всегда ли страсть является препятствием в познании самого себя?“ Я была в выпускном классе В три. В четверг мы занимались по три часа в аудитории двести семь. Я сидела в третьем ряду рядом со Стефаном Мюратором, в конце дня он отвозил меня домой на скутере „Пежо ST“, который с трудом одолевал подъемы».

Помню, все помню.

«В книге Коэна „Влюбленные“ тысяча сто девять страниц в формате фолио. Збигнев Прайснер написал музыку к „Двойной жизни Вероники“. В студенческие годы номер моей комнаты в общежитии был триста восемь. По вторникам в университетской столовой давали лазанью. В „Соседке“ Фанни Ардан играет женщину, которую зовут Матильда Бошар. Я помню мурашки по коже, когда слушала в наушниках по моему первому айподу „That’s My People“, тему, которую ребята из NTM хапнули из прелюда Шопена. Я помню, где была одиннадцатого сентября две тысячи первого года: в гостиничном номере в Мадриде, у меня были каникулы, и я проводила их с любовником, много старше меня. Женатым комиссаром, который был похож на моего отца. И вот тогда-то обрушились башни-близнецы. Я хорошо помню это сложное время, помню пьющих мужчин, которых я презирала. Только позже я поняла, что сначала нужно хоть немного полюбить себя, и тогда удастся полюбить кого-то...»

* * *

Я выехала на мост Инвалидов, потом на улицу Франклина Рузвельта и поехала по асфальтовому спуску, который ведет на подземную автостоянку. На встречу с подругами я отправилась пешком, мы встречались у Мотор-Вилаж на Елисейских Полях, у самого перекрестка.

— Привет, Алиса!

Они уже устроились за столиком на террасе «Фиат-кафе» и лакомились стуцикини. Я села с ними, заказала бокал шампанского и выпила его чуть ли не залпом. Мы смеялись, обменивались последними новостями,

делились проблемами, у кого с бойфрендом, у кого с деньгами, у кого с работой. Заказали на всех по розовому мартини и чокнулись за нашу дружбу. Потом отправились гулять и заходили то в одно кафе, то в другое — «Мунлайт», «Третий этаж», «Лондондерри». Я танцевала. Позволяла мужчинам со мной заигрывать. Приближаться. Прикасаться. Я не больная. Я привлекательная.

Я не собираюсь умирать. Не хочу захиреть, зачахнуть. Не буду развалиной. Не завяну цветком, который просто взяли и сорвали. Я пила все подряд — «Бакарди Мохито», «Фиалковое шампанское», джин «Бомбей» с тоником...

Нет, я не кончу свои дни, растеряв все свои мозги, почем зря ругая сиделок. Цедя компот, уставив глаза в пустоту.

Все кружилось вокруг меня. Я слегка захмелела и была очень веселой. Меня пьянила свобода. Время промелькнуло незаметно. Было уже за полночь, когда я расцеловалась и попрощалась с девчонками и отправилась на подземную автостоянку. Третий этаж под землей. Освещение как в морге. Запах мочи. Каблуки цокали по бетону. К горлу подступала тошнота. Мне стало плохо. Ноги не держали. В один миг вся моя веселость испарилась, и мне сделалось так погано... Тоскливо, тяжело, безотрадно. Я пыталась проглотить комок в горле и не могла. Перед глазами замаячило изображение моего мозга с красными белковыми бляшками. Мне сделалось страшно. Я поняла, что мне грозит катастрофа. Старая неоновая лампа мигала и жужжала как насекомое. Я достала ключи, автоматически разблокировала машину и упала на сиденье. Глаза у меня были полны слез. И вдруг какой-то шорох... Кто-то сидел сзади. Я сразу же пришла в себя и обернулась. Бледное пятно лица обозначилось в темноте.

— Черт побери, Сеймур! Как ты меня напугал!

— Добрый вечер, Алиса.

— А что ты тут потерял?

— Ждал, когда ты расстанешься с подругами. Мне позвонил Клузо, и я за тебя беспокоился.

— А врачебная тайна, черт его побери?

— Ему ничего не пришлось говорить. Вот уже три месяца, как твой отец и я ждем и боимся этого момента.

Я зажгла свет, чтобы лучше его видеть. У него глаза тоже были полны слез, но он вытер их рукавом и прокашлялся, чтобы голос не звучал хрипло.

— Конечно, тебе решать, Алиса, но, по-моему, нужно действовать как можно быстрее. Ты сама меня этому учила: в нашем деле нельзя ничего

откладывать на завтра, надо брать быка за рога и не отпускать его. Поэтому ты и стала самым лучшим следователем. Ты себя не жалеешь, ты всегда первая, всегда наносишь упреждающий удар.

Я всхлипнула.

— Невозможно нанести упреждающий удар Альцгеймеру.

В зеркальце я увидела, что Сеймур открывает плотный конверт. Из конверта он достал билет на самолет и какой-то проспект. На обложке проспекта высокое красивое здание на берегу озера.

— Мне говорила об этом заведении мама, это в штате Мэн, больница называется Собаго-котедж.

— И что понадобилось твоей маме в этой больнице?

— Как тебе известно, у нее болезнь Паркинсона. Еще два года назад у нее жутко дрожали руки, и она жила в настоящем аду. Но в один прекрасный день врач предложил ей новый метод лечения, в мозг вживили два тончайших электрода, связанных со стимулятором, который поместили где-то в районе ключицы. Стимулятор — это что-то вроде пейсмейкера.

— Ты мне все это уже рассказывал, Сеймур, и признался, что электроды ничуть не мешают болезни прогрессировать.

— Может быть. Да, болезнь как таковая не исчезла, но исчезли многие сопутствующие симптомы, и мама, например, видит теперь гораздо лучше.

— Альцгеймер не имеет ничего общего с Паркинсоном.

— Я знаю, — кивнул он и протянул мне проспект, — но посмотри, какое лечение проводят в этой больнице. Они используют глубокую стимуляцию позвоночника и борются с симптомами Альцгеймера. Их результаты внушают надежду. Это было совсем нелегко, но я нашел для тебя место в их экспериментальной программе. Я все оплатил, но вылететь нужно завтра. Я зарезервировал тебе билет на самолет до Бостона.

Я усмехнулась.

— Побереги свои денежки, Сеймур. Все эти курсы лечения лабуда. Я сдохну, и точка.

— У тебя целая ночь на размышление, — не отступал он. — А пока я отвезу тебя домой. Ты сейчас не можешь вести машину.

Я была слишком измучена, чтобы с ним спорить, уступила ему место за рулем и села на пассажирское.

В семнадцать минут первого камера видеонаблюдения автостоянки засняла, как мы выезжаем за ворота.

Спасение таится там же, где кроется опасность.

Фридрих Гельдерлин

Трайбека

4 часа 50 минут

За три часа до первой встречи Алисы и Гэбриэла

Телефон номера 308 гостиницы «Гринвич» звонил и звонил, пока наконец трубку не подняли.

— Алло, — отозвался сонный голос с трудом просыпающегося человека.

— Беспокоит дежурный, мистер Кейн. Мне крайне неудобно, что я вас беспокою, но вам телефонный звонок. Некто мистер Томас Крейг желает с вами поговорить.

— Среди ночи? Сколько сейчас времени, черт бы его побрал?

— Скоро пять утра. Он сказал, что дело очень срочное.

— Хорошо. Соедините меня.

Гэбриэл откинулся на подушку, потом выпрямился и сел на край кровати. Комната тонула в потемках, но свет, идущий от экрана радиобудильника, позволял догадаться о беспорядке, который царил в номере. На ковровом покрытии пятна от пролитого вина, одежда сброшена прямо на пол. Женщина, что спала рядом с Гэбриэлом, не проснулась. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, как ее зовут. Вспомнил — Элен Сабатини, одна из его флоридских коллег, он встретил ее вчера, когда уже болтался без дела в холле гостиницы. После нескольких мартини он уговорил ее подняться к нему в номер, и они познакомились еще ближе, опустошив мини-бар.

Гэбриэл протер глаза и вздохнул. С тех пор, как от него ушла жена, он катился вниз с устрашающей скоростью и презирал сам себя. Никаких тормозов. Прямоком к гибели. «Нет ничего трагичнее встречи с человеком, который изнемог, заплутавшись в лабиринте жизни». Фраза Мартина Лютера Кинга всплыла у него в памяти. Кинг говорил о нем, один в один.

— Гэбриэл? Алло, Гэбриэл! — кричал голос на другом конце провода.

Крепко прижав трубку к уху, Кейн встал с кровати, вышел в гостиную и задвинул раздвижную дверь, отделявшую спальню.

— Привет, Томас.

— Я пытался дозвониться тебе на твой домашний в Асторию, звонил на мобильный, но дозвониться не мог.

— Видно, села батарея. Как ты меня нашел?

— Вспомнил, что ты на ежегодном конгрессе американской Ассоциации психиатров. Позвонил в секретариат, и мне сказали, что зарезервировали для тебя номер в «Гринвиче».

— И что тебе от меня нужно?

— Говорят, вчера твою лекцию о психиатрических изменениях при болезни Альцгеймера встретили на ура?

— Знаешь, я не нуждаюсь в комплиментах с утра пораньше.

— Ну что ж, тогда перейдем к делу. Очень хочу узнать твое мнение об одном пациенте.

— В пять утра? Томас, напоминаю тебе, что мы с тобой уже не компаньоны.

— И я от души об этом сожалею. Мы с тобой составляли идеальную пару. Психиатр и невролог великолепно дополняют друг друга.

— Да, но все это в прошлом. Я продал тебе свою часть клиники.

— И совершил самую большую глупость в своей жизни.

Гэбриэл занервничал.

— Не стоит снова заводить этот разговор. Ты прекрасно знаешь, почему я это сделал.

— Да, знаю. Ты хотел поселиться в Лондоне и добиться от суда решения, которое позволяло бы тебе заботиться о сыне. И чего ты добился? Тебе вообще запретили с ним видеться, и ты был вынужден вернуться в Штаты.

Гэбриэл почувствовал, как защипало в глазах. Он принялся тереть виски, а друг тем временем вернулся к своей просьбе:

— Сделай милость, посмотри медицинскую карту. Очень прошу! Ранний случай Альцгеймера. Ты будешь потрясен. Посылаю тебе карту по электронке и перезвоню минут через двадцать.

— Не перезванивай. Я немедленно ложусь спать. И, пожалуйста, вообще не звони мне больше, — жестко отрезал Гэбриэл и нажал на рычаг.

Оконное стекло показало ему очень усталого человека, он был плохо выбрит и донельзя мрачен. На полу возле дивана он увидел свой смартфон. Разумеется, совершенно разряженный. Гэбриэл поставил его на зарядку и отправился в ванную. Десять минут простоял под душем, чтобы как

следует проснуться. Вышел в халате в гостиную. На столике стояла кофеварка, и он сварил себе двойной эспрессо. Потом пил кофе и смотрел на воды Гудзона, едва мерцавшие в первых проблесках рассвета. Выпил и быстренько заварил себе еще одну чашку, потом включил ноутбук. Как он и предполагал, в почте его ожидало послание от Томаса.

«Вот ведь упрямый осел!»

Невролог, как и обещал, прислал ему медицинскую карту пациентки. Крейг прекрасно знал, что Гэбриэл не устоит и непременно заглянет в карту из любопытства. И, разумеется, оказался прав.

Гэбриэл открыл PDF и пробежал первые страницы по диагонали. Более внимательно он рассмотрел фотографию пациентки. Очень необычной пациентки, надо сказать. Алиса Шафер, тридцать восемь лет, красивая француженка — правильные черты лица, открытые взгляд и светлые пряди волос, выбившиеся из высокой прически. Несколько секунд он пристально рассматривал фотографию, и глаза их встретились. Светлые глаза молодой женщины смотрели на него настойчиво и вместе с тем застенчиво. В ее взгляде была какая-то таинственность. Неведомая загадка. Гэбриэл вздохнул. Чертова болезнь отыскивает жертвы все моложе и моложе. Пальцы его забегали по клавиатуре, перелистывая страницы карты. Для начала анализа, результаты исследований, МРТ, спинномозговая пункция, в результате совершенно неоспоримый диагноз, поставленный профессором Эваристом Клузо. Они никогда не встречались, но Гэбриэл знал французского невролога по работам. В своей области большая величина.

Вторая часть карты начиналась с формуляра. Алиса Шафер поступила в клинику Собаго-котедж, специализирующуюся на проблемах с памятью. Эту клинику они организовали вместе с Томасом и еще двумя компаньонами. Центр по исследованию болезни Альцгеймера. Алиса Шафер поступила в клинику неделю назад, 9 октября, чтобы пройти курс глубинного воздействия на клетки мозга. Такое лечение проводилось только в этой клинике. Одиннадцатого октября ей вживили нейростимулятор с постоянным напряжением в несколько вольт. Пациенты называют его «спинномозговой пейсмейкер». И дальше пустые листы. Больше в карте ничего нет.

«Очень странно...»

Согласно протоколу, на следующий день пациентке должны были ввести три электрода. Без них пейсмейкер совершенно бесполезен.

Гэбриэл как раз допивал последний глоток кофе, когда на столике зажужжал смартфон.

— Ну что, посмотрел карту? — поинтересовался Томас.

— Читаю. Но скажи, что конкретно тебе от меня надо?

— Помощи, потому что, если честно, я по уши в дерьме. Алиса Шафер вчера вечером сбежала из клиники.

— Сбежала?!

— Представь себе. Она полицейский детектив и знает, как это делается. Тайком покинула свою палату, ей удалось обвести вокруг пальца дежурную сестру и даже ранить Калеба Данна, который попытался ее остановить.

— Данна? Охранника?

— Да. Этот дурак вздумал грозить ей пистолетом. Они буквально подрались, он хотел надеть на нее наручники, но победительницей вышла она. Судя по всему, она выпустила только одну пулю, а потом сбежала, прихватив и наручники, и пистолет.

— Кaleb серьезно ранен?

— Нет. Пуля попала в мягкие ткани бедра. Он лежит у нас и готов ничего не сообщать полиции, если ему заплатят сто тысяч долларов.

— Ты хочешь сказать, что одна из твоих пациенток сбежала с оружием, ранив охранника, и ты до сих пор не сообщил в полицию? Ты действуешь безответственно, старина, и можешь кончить свои дни в заключении.

— Обратиться в полицию, — значит, поставить в известность юристов и прессу. Мы рискуем потерять лицензию, клинику могут закрыть. Я не собираюсь рисковать делом всей моей жизни из-за дурака-охранника. Поэтому-то мне и нужна твоя помощь, Гэбриэл. Я бы очень просил тебя вернуть беглянку в клинику.

— Почему именно я? И каким образом я могу это сделать?

— Я все выяснил. Алиса Шафер находится в Нью-Йорке. Ты тоже. Она добралась на такси до Портленда в девять вечера. В Портленде села на поезд, затем на автобус, который идет на Манхэттен. На автовокзал она приехала сегодня утром, в пять часов двадцать минут.

— Раз ты знаешь, где она, почему бы тебе не приехать самому и не забрать ее?

— Не могу оставить клинику. Моя ассистентка Агата уже в самолете. Через два часа она будет на Манхэттене, но я бы все-таки хотел, чтобы ты и никто другой занялся этой беглянкой. У тебя дар убеждения, ты умеешь воздействовать на людей. В тебе есть что-то от актера, шарм...

— Не продолжай, мне не нужны твои комплименты. А почему ты уверен, что она все еще в Нью-Йорке?

— Благодаря GSM, который мы прикрепляем к подошвам наших пациентов. Благодаря ему я и определил, где она находится. Сейчас она на территории Сентрал-парка, в его лесной части, именуемой Рэмбл. Похоже, что вот уже с полчаса она не трогается с места. А значит, она или умерла, или спит, или избавилась от своих туфель. Черт побери, Гэбриэл! Ну, помоги же, прошу как друга! Нужно, чтобы мы нашли ее раньше, чем полиция.

Кейн застыл у телефона, погрузившись в раздумья.

— Алло! Гэбриэл! Ты меня слышишь? — заволновался Томас.

— Расскажи мне побольше о пациентке. Я понял, что четыре дня назад ты ввел ей подкожный стимулятор.

— Да, — подтвердил Крейг. — Последнюю модель, самую миниатюрную. Она теперь не больше симки. Сам увидишь, это что-то потрясающее.

— А почему не была сделана вторая часть операции? Почему не были введены электроды?

— Потому что на следующий день она была совершенно не в себе. Полностью отключилась от реальности. А если прибавить к этому состоянию еще и амнезию...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Шафер страдает антероградной амнезией, основанной на полном отрицании наличия у нее болезни. Ее мозг отказывается принимать все факты, которые последовали после сообщения, что у нее болезнь Альцгеймера.

— Кроме этого сообщения, она больше ничего не помнит?

— Она помнит только вечер с подругами, который был неделю назад после ее посещения профессора Клузо, сообщившего ей диагноз. Каждое утро, проснувшись, она начинает день с одного и того же момента. Она понятия не имеет, что больна, и считает, что накануне вечером веселилась на Елисейских Полях с подругами. Она также не помнит, что вот уже три месяца находится в отпуске по болезни.

Гэбриэл пожал плечами.

— А что тут удивительного? Отрицание реальности, потеря памяти — все это характерные симптомы болезни Альцгеймера.

— Безусловно, но в остальном мадам выглядит совершенно здоровой. У нее весьма живой ум и совершенно невозможный характер.

Гэбриэл тяжело вздохнул, подчиняясь неизбежности. Никто лучше Крейга не знал, как расшевелить в нем любопытство. Случай и впрямь из ряда вон. Состояние пациентки — настоящая загадка.

— Хорошо, согласен. Так и быть, поеду и посмотрю. Если найду ее...
— Спасибо, старина! Ты мой спаситель! — радостно отозвался Томас.
— Я ничего не обещаю, — уточнил Кейн.
— Уверен, ты справишься. Посылаю точные данные на твой смартфон.
Звони, как только будут новости!

Гэбриэл повесил трубку с очень неприятным ощущением. Он был недоволен, что не отказался от этой авантюры. Вернувшись в Нью-Йорк, он организовал свое собственное предприятие: срочная психиатрическая помощь на дому. Пришлось спешно отправлять эсэмэс секретарше и просить вызвать на дежурство заместителя. Должен же кто-то отвечать на утренние вызовы.

Потом Гэбриэл быстренько натянул на себя все, в чем был вчера, — темно-синие джинсы, синюю рубашку, черную куртку, кеды «Конверс» и плащ. Открыл платяной шкаф, куда убрал сумку с медицинскими принадлежностями. Достал из сумки шприц в кожаном футляре с сильным анестезирующим средством. Пациентка как-никак вооружена, стало быть, потенциально опасна. Положил футляр себе в кейс и вышел из номера.

Спустившись в холл, попросил дежурного за стойкой вызвать ему такси, и только тогда сообразил, что оставил в номере брелок с ЖК-дисплеем, который обеспечивает сохранность кейса. Если теперь он удалится без брелка на расстояние больше двадцати пяти метров, поднимется тревога, а потом он получит автоматически запрограммированный электрический разряд как похититель собственного кейса.

Такси уже стояло у входа, так что Гэбриэл решил не терять времени и не подниматься в номер, он отдал кейс в камеру хранения гостиницы.

Служащий протянул ему взамен кейса жетон с номером 127.

Кроме номера, его украшал кружочек с двумя затейливыми буквами Г, скромный логотип гостиницы «Гринвич».

Перед самой встречей

(...) и по первому взмаху ресниц догадался, что это она. Нежданная. Долгожданная (...).

Альбер Козн

Манхэттен

7 часов 15 минут утра

За три четверти часа до первой встречи Алисы и Гэбриэла

Мелодия джаза ворвалась в салон такси. Гэбриэлу понадобилась всего секунда, чтобы узнать легендарную запись: Билл Эванс играет в 1961 году «All of You» Кола Портера в «Вилледж Вангард». Гэбриэл Кейн, врач-психиатр, не умел играть ни на одном инструменте, но обожал джаз и ходил на все концерты, какие только мог, на одни, потому что хотел услышать что-то новое, на другие — надеясь погрузиться в переживания юности, когда еще студентом он открыл для себя эту музыку в клубах Чикаго.

Из-за дорожных работ такси пришлось выбрать окольный путь, чтобы добраться до Гудзон-стрит.

Сидя на заднем сиденье, Гэбриэл продолжал изучать медицинскую карту Алисы Шафер, читая ее на экране смартфона. Последнюю часть писал психолог клиники, она включала биографию пациентки, дополненную статьями из французских газет и еженедельников, суть их была конспективно изложена на английском. Все материалы касались дела серийного убийцы Эрика Вога, который терроризировал французскую столицу в 2011 году. Гэбриэл ничего не слышал об этом деле. Мерцание экрана и тряска автомобиля не облегчали чтения. Проглядев первые конспекты статей, Гэбриэл понял, что речь идет о следствии, которое вела капитан французской полиции Шафер, и ему показалось, что он попал в какой-то из тех триллеров, которые он порой смотрел, когда ехал в поезде или летел в самолете.

Затем на глаза попались материалы из «Пари матч», рассказывающие о трагедии, которая случилась с Алисой. Молодая женщина, полицейский следователь, едва не схватила убийцу, но... Сама стала жертвой. Читая о

том, что произошло, Гэбриэл ощущал холодную дрожь: убийца нанес несчастной множество ударов ножом в живот, уничтожил ребенка, которого она ждала, и оставил умирать, истекая кровью. Но на этом беды Алисы Шафер не кончились: ее муж, спешивший к ней в больницу, погиб в автокатастрофе.

Гэбриэл был потрясен, к горлу подкатил комок. Ему показалось, что он вот-вот расстанется с теми чашками кофе, которые выпил утром. Пока машина ехала по Восьмой авеню, он сидел неподвижно, не отрывая взгляда от окна.

Как же жестоко обошлась судьба с этой молодой женщиной! Но и этого ей показалось мало, она преподнесла ей еще и болезнь Альцгеймера в тридцать восемь лет...

* * *

Взошло солнце, первые лучи пробились сквозь лес небоскребов. Такси объехало Сентрал-парк с западной стороны и остановилось, по просьбе Гэбриэла, на углу 72-й улицы, как раз перед входом в восточную часть парка.

Психиатр расплатился с шофером и вышел. Было по-утреннему прохладно, но чистое безоблачное небо обещало ясный осенний день. Гэбриэл огляделся. Движение на улице было уже достаточно плотным. Автофургоны с солеными крендельками с тмином и хот-догами уже заняли свои места на улице. Напротив «Дакоты» уличный торговец прямо на тротуаре разложил афиши, майки и разные безделушки с портретами Джона Леннона.

Гэбриэл вошел в парк и словно оказался за городом. Он миновал Строберри Филд, вновь напомнившую о Ленноне, и спустился к дорожке, тянувшейся вдоль водоема до фонтана. Ясный день, сухой бодрящий воздух, неудивительно, что в парке уже много народу: бегуны, любители скейтбордов и велосипедов, хозяева, прогуливающие собак, все они встречались и расходились, радуя глаз, точно гармоничный импровизированный балет.

Гэбриэл почувствовал, что в кармане плаща завибрировал телефон. Пришла эсэмэска от Томаса, он прислал план, где указывалось точное местонахождение Алисы Шафер. По последним сведениям, молодая женщина находилась в леске, который располагался за мостом через озеро.

Гэбриэл без труда сорентировался: за спиной виднелись силуэты

башен-близнецов Сан-Ремо, впереди — терраса Бефезда и фонтан. Слева — воздушный мост Боу-Бридж, украшенный изящными арабесками. Гэбриэл перешел лежащий перед ним рукав озера по длинному кремового цвета мосту и углубился в ту часть Сентрал-парка, которая носит название Рэмбл.

Кейн еще никогда не бывал в этом самом нетронutom уголке Сентрал-парка. Мало-помалу подстриженные кусты и купы деревьев исчезли, и он очутился в настоящем лесу: вязы, дубы, под ногами ковер из мха и сухой листвы, впереди что-то вроде диких скал. Он шел вперед, то и дело сверяясь со схемой на телефоне, чтобы не заблудиться. Трудно было поверить, что в двух шагах от оживленной городской сутолоки находится настоящий лес. Растительность становилась гуще, шум города тише, пока наконец не смолк совсем. Теперь Гэбриэл слышал щебет птиц и шорох листвы.

Он подул на озябшие руки, чтобы немного согреться, и снова взглянул на экран. Он уже было подумал, что заплутался, но тут как раз выбрался на лужайку.

Чудесное место, позабывшее о времени, спряталось под полог золотистого шатра огромного вяза. Свет, пробивавшийся сквозь листву, казался трепетаньем ярких крыльев волшебных бабочек. Покачиваясь на ветру, золотые листья медленно парили в воздухе. Острый запах влажной земли, сладкий запах прелой листвы.

Посреди лужайки, вытянувшись на скамейке, спала женщина.

* * *

Гэбриэл осторожно приблизился. Без сомнения, это была Алиса Шафер. Спала, свернувшись, точно охотничья собака, прикрывшись кожаной курткой, подобрал ноги в джинсах. Из-под куртки торчали голые блузки в кровавых пятнах. Гэбриэл встревожился, испугавшись, что Алиса ранена. Но, внимательно осмотрев ее одежду, решил, что это скорее всего кровь Калеба Данна, охранника клиники. Он наклонился, едва не коснувшись волос француженки, вслушался в ее дыхание и загляделся на миг на отливающий сотней золотых искорок тяжелый узел волос, хрупкое прозрачное лицо, сухие розовые губы, выдыхающие тепло.

Нежданное волнение сжало ему сердце, обожгло, словно раскаленным железом. Беззащитность этой женщины, одиночество, какое источала вся ее бесприютная фигурка, пронзили сердце Гэбриэла, разбудив в нем

болезненное эхо. Понадобилось всего несколько секунд, всего один взгляд, и вот уже судьба произнесла свой приговор: подчиняясь неведомой силе, Гэбриэл понял, что сделает все возможное и невозможное, лишь бы помочь Алисе Шафер.

У него было всего несколько минут. С величайшей бережностью и осторожностью он осмотрел карманы ее куртки, нашел портмоне, наручники и пистолет Калеба Данна. Пистолет он оставил лежать в кармане, взял портмоне и наручники. В портмоне нашел удостоверение полицейского детектива Шафер, фотографию блондина с вьющимися волосами и снимок эхограммы.

«Что делать дальше?»

Мозг его работал как сумасшедший. В голове складывался невиданный сценарий. Под мелодию джаза, которую он слушал в такси, сливались воедино газетные статьи о серийном убийце Воге и сведения, полученные от Томаса: амнезия Алисы, особенности ее взаимоотношений с реальностью.

«Каждое утро, проснувшись, она начинает день с одного и того же момента. Она понятия не имеет, что больна, и считает, что накануне веселилась с подругами на Елисейских Полях».

Гэбриэл опустошил и собственные карманы и еще раз осмотрел все, что было у него с собой: бумажник, смартфон, шариковая ручка, перочинный нож, жетон, выданные ему в камере хранения в гостинице.

Вот и весь реквизит для постановки. А время между тем поджимало. Но пазлы у него в голове стремительно тянулись один к другому. Словно по наитию свыше, он уже через минуту знал, по какому сценарию начнет работать.

Проверил на смартфоне номер гостиницы «Гринвич» и написал его ручкой на ладони Алисы, моля небеса, чтобы она не проснулась. Не проснулась.

Потом повертел головой, соображая, в какую сторону пойти, и скорым шагом покинул лужайку. Метрах в пятидесяти обнаружил небольшое озерцо, окруженное кустами, цветами и плакучими ивами с перекинутым через него небольшим деревянным мостиком.

Судя по количеству кормушек, развешанных на ветвях кустов и деревьев, это место, спокойное и пустынное, было облюбовано орнитологами для наблюдений.

Гэбриэл снял плащ, оторвал подкладку и вырезал из нее длинную полосу, напоминающую бинт. Потом закатал рукав рубашки и перочинным ножом нацарапал на руке комбинацию из семи цифр: 141197 — код замка

своего кейса. Он невольно кривился от боли, надрезая себе лезвием кожу. Попадись он сейчас на глаза охраннику парка, ему было бы очень трудно объяснить, что он делает и в какие игры играет.

Наложив повязку из импровизированного бинта, он опустил рукав рубашки, надел куртку, а из плаща сделал сверток, сложив туда портмоне Алисы, свой бумажник, перочинный нож, часы и шариковую ручку.

Затем набрал номер Томаса.

— Скажи, что ты ее нашел, и она жива, — умоляющим голосом попросил друг.

— Да, так и есть. Спит на скамейке в лесной части парка.

— Ты попробовал ее разбудить?

— Нет еще, но постараюсь это сделать как можно быстрее, пока кто-то еще на нее не наткнулся.

— Забрал пушку Данна?

— Тоже пока нет.

— Интересно, чего ты ждешь?

— Понимаешь, я хочу вернуть ее в клинику, но своим методом, не спеша и играя по своим правилам.

— Делай, как считаешь нужным, — согласился Крейг.

Гэбриэл прищурился и почесал висок.

— С кем, по-твоему, она, проснувшись, захочет наладить связь? — спросил он.

— Без сомнения, со своим коллегой и другом Сеймуром Ломбаром. Он порекомендовал ей нашу клинику, и он заплатил за лечение.

— Тогда предупреди его обо всем, что произошло. Что бы она ему ни говорила, попроси его не сообщать ей, что она больна. Скажи, что нам нужно выиграть время. Попроси, чтобы он исполнял ее пожелания, если таковые будут от нее поступать.

— Ты уверен, что выбрал правильную тактику? Потому что...

— Я ни в чем не уверен, но, если она тебя не устраивает, приезжай и занимайся своей пациенткой сам.

Крейг тяжело вздохнул, никакого другого ответа он и не ждал.

— Еще одно: Агата уже прилетела в Нью-Йорк?

— Позвонила две минуты назад, приземлилась в аэропорте Кеннеди.

— Скажи, чтобы немедленно ехала в Сентрал-парк. В северной части Рэмбла есть небольшой прудик с азами и плакучими ивами. Рядом с мостиком деревья с кормушками для птиц. В самой большой из кормушек я оставляю свой смартфон, удостоверение и прочее, а также все личные вещи Шафер. Попроси Агату забрать их как можно скорее, пока их никто не

нашел. И скажи ей, чтобы была готова мне помогать, если я ей позвоню.

— Сейчас же передам, — пообещал Томас Крейг. — Когда ты перезвонишь?

— Как только смогу. На мой мобильник звонить бесполезно, я не беру его с собой.

— Удачи тебе, старина!

— И еще последний вопрос: у Алисы Шафер есть бойфренд?

— Понятия не имею.

— А этот Сеймур Ломбар?

— Насколько я понял, он гей. А почему ты спрашиваешь?

— Да просто так.

* * *

Гэбриэл отключился и сунул мобильник в сверток, сделанный из плаща. Потом засунул его в самую большую кормушку, которую только смог найти.

Вернулся на лужайку и с облегчением убедился, что Алиса по-прежнему крепко спит.

И тогда он занялся последними штрихами предполагаемой постановки. Достал из кармана жетон камеры хранения и сунул его в карман джинсов Алисы. Потом нагнулся и, как можно осторожнее нажимая кнопку на мужских часах, которые тикали у нее на запястье, перевел календарь на неделю назад. На циферблате «Патека» календарь показывал теперь вторник 8 октября, а не 15-е.

Затем застегнул один металлический браслет наручников на правой руке Алисы, а второй — на собственной левой руке.

Теперь они неразлучны. Их сковала одна цепь — и на беду, и на счастье.

Гэбриэл забросил ключ от наручников как можно дальше в кусты.

И устроился рядом с Алисой на скамейке. Улегся, чувствуя боком ее тепло, и прикрыл глаза.

Тяжесть мужского тела, привалившегося к ней, разбудила Алису.

Было восемь утра.

История готова была начаться.

Нельзя оставлять зеркала на стенах, как нельзя забывать чековую книжку или письмо с признанием в чудовищном преступлении.

Вирджиния Вулф

Я открываю глаза.

Узнаю комнату — белую, безликую, без примет времени. Пол из каменной плитки. Сияющие белизной стены. Платяной шкаф. Небольшой письменный стол. На окнах ставни, и сквозь них в комнату пробиваются лучи ослепительного света. Обстановка напоминает скорее удобный гостиничный номер, а не больничную палату.

Я прекрасно знаю, где нахожусь: это палата номер 06 клиники Собагокотедж, которая находится в Портланде, в штате Мэн. И я знаю, почему я здесь нахожусь.

Я приподнимаюсь на подушке. У меня такое ощущение, будто я нахожусь в по mas's land, ^[22] что у меня отключены все чувства, так давным-давно погасшая звезда кому-то кажется еще живой. Однако постепенно я все-таки прихожу в себя. Чувствую, что тело отдохнуло, что на голову ничего больше не давит. Я как будто долго, с усилием, выныривала из глубины. Из глубины кошмаров. Ночи. Тьмы. Сновидений. Забытья. Сражалась с Цербером. Победила фурий. И выбралась наконец на поверхность.

Я встаю с постели, делаю несколько шагов босиком, подхожу к окну и распахиваю его. В комнату врывается поток освежающего воздуха, и я оживаю. Перед глазами такая красота, что захватывает дух. Ярко-синее озеро Собаго тянется на многие километры, а его крутые берега покрыты еловым лесом. Живая бирюза среди темной хвои. Высокая скала, напоминающая замок, вздымается среди волн, и к ней тянется дамба из круглых бревен.

— Доброе утро, мадемуазель Шафер.

Я с удивлением оборачиваюсь. В углу комнаты сидит миловидная азиатка, медсестра, и вот уже несколько минут молча наблюдает за мной. Как же я ее не заметила-то?!

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете. Доктор Кейн ждет вас возле озера.

— Доктор Кейн?

— Он просил передать вам, что он здесь, как только вы проснетесь.

Медсестра подходит к окну и показывает мне точку на горизонте. Я прищуриваюсь и вижу Гэбриэла. Он копается в моторе «Шелби». Он издала машет мне рукой, словно приглашает подойти. В шкафу я нахожу чемодан, который привезла с собой. Натягиваю джинсы, узорчатый свитер, куртку и пару грубых башмаков. Одеюсь — и выпрыгнула из окна.

* * *

Я бегу, замороженная удивительной синевой.

В голове у меня теперь все встало на свои места. Память выстроила картинки, словно папки у меня в кабинете. Сначала ошеломляющий диагноз профессора Клузо, потом Сеймур рассказал о клинике Собагокотедж и о том, что он предпринял, чтобы поместить меня в эту клинику, потом мой отъезд в Соединенные Штаты, первые дни в клинике, имплантация пейсмейкера, за которой последовал приступ паники, резкое обострение болезни, бегство из больницы, драка с охранником, дорога в Нью-Йорк, скамейка в Сентрал-парке...

Там и произошла встреча с этим странным типом, Гэбриэлом Кейном, который был со мной рядом на всех крутых поворотах этого сумасшедшего дня. Дня погони. Дня, на протяжении которого вышли наружу все мучившие меня в глубине души ужасы: призрак Эрика Вога, потеря моего мальчика, боль от гибели Поля, недоверие к отцу и Сеймуру. А главное, нежелание смириться с тем, что я серьезно больна. Я до такой степени не хотела этого, что день за днем, просыпаясь, возвращалась в день восьмого октября, а между тем с тех пор прошла уже целая неделя...

— Доброе утро, Алиса! Надеюсь, вы хорошо выспались, — этими словами встретил меня Кейн, захлопывая капот.

На нем были рабочие штаны с множеством карманов, широкий ремень и крупной вязки шерстяная куртка. Жесткая щетина на щеках, растрепанные волосы, под глазами синяки, но глаза сияют. Черные пятна от смазки на лице, похожие на боевую раскраску индейцев, делали его точь-в-точь похожим на автослесаря, а вовсе не на врача.

Я ничего не ответила на приветствие, и он попытался завязать со мной разговор:

— Очень сожалею, что пришлось сделать вам анестезирующий укол, но это была единственная возможность отправить вас в объятия Морфея.

Он достал из-за уха сигарету и зажег с помощью старенькой зажигалки. Теперь я точно знала, что этот человек не имеет ничего общего с Вогом. Но кто он такой на самом-то деле? Словно прочитав мои мысли, он протянул мне руку, сияющую жирной черной смазкой.

— Гэбриэл Кейн, психиатр, — коротко представился он.

Я не захотела пожимать эту руку.

— Джазист, фокусник, спецагент ФБР, психиатр... Вы больше похожи на сказочника, это будет вернее.

Он кривовато усмехнулся.

— Я понимаю, что вы на меня сердитесь, Алиса. Простите, что злоупотребил вашим доверием, но на этот раз, клянусь, я говорю вам чистую правду.

И как чаще всего бывает, полицейский детектив взял во мне верх, и я забросала его вопросами. Таким образом я и узнала, что его бывший коллега и компаньон, Томас Крейг, главврач клиники, попросил его найти меня в Нью-Йорке и привезти сюда.

— Зачем же вы назвались пианистом, играющем в джазе? Почему Дублин? Зачем наручники, жетон и этот номер у меня на ладони? Зачем вся эта бредяттина?

Собеседник выпустил длинную струю дыма.

— Это все составляющие поспешно набросанного сценария.

— Сценария?

— Постановки. Что-то вроде психоаналитической ролевой игры, если так вам больше нравится.

По моему недоверчивому взгляду Гэбриэл Кейн понял, что должен разъяснить мне ситуацию более обстоятельно.

— Нужно было вывести вас из состояния патологического отрицания действительности. Познакомить вас с вашими химерами, чтобы вы от них освободились. Такова моя профессия — восстанавливать психическое здоровье людей, стараться навести порядок у них в мозгах.

— И вы вот так, с бухты-барахты, взяли и набросали свой сценарий?

— Нет, я постарался представить себе логику вашего мышления, войти в ваш образ мыслей. Это самый эффективный метод, чтобы установить контакт. По мере необходимости я импровизировал, в зависимости от того, что вы мне рассказывали и каким образом поступали.

Я недоверчиво покачала головой:

— Нет, не верю. Такого не может быть. Все, что вы говорите, — бред

какой-то.

Он смотрел на меня прямо, искренне.

— Но почему же?

Перед моим мысленным взором торопливо побежали события вчерашнего дня. Чем больше мелькало картинок, тем больше возникало вопросов.

— Цифры, нацарапанные у вас на руке?

— Я сам их нацарапал с помощью перочинного ножа.

Мне трудно было поверить в то, что я услышала.

— Данные камеры хранения гостиницы «Гринвич»?

— В этой гостинице я ночевал после конгресса.

— Кейс с сигнализацией?

— Это мой собственный кейс. Сигнал тревоги и электрический разряд возникают автоматически, как только кейс отдаляется на двадцать пять метров от брелка с дисплеем.

— GPS на моих туфлях?

— Все пациенты нашей клиники носят на своих подошвах GPS. Это обычная формальность, которая принята в клиниках Соединенных Штатов для больных, имеющих проблемы с памятью.

— Но у вас тоже оказался на подошве «жучок»!

Передо мной ясно возникает картинка: Гэбриэл перед комиссионным магазинчиком выбрасывает конверсы в урну.

— Но это же я сказал вам, что нашел «жучок», а вы мне поверили, не проверяя. Вы его не видели.

Гэбриэл Кейн обогнул машину, открыл багажник, достал оттуда домкрат и гаечный ключ, собираясь поменять колесо у «Шелби».

Я стояла в полной растерянности. Я и представить не могла, что меня так просто обвести вокруг пальца.

— Так... А вся история с Вогом?

— Я искал способ, как можно заставить вас покинуть Нью-Йорк, — объяснил он и наклонился снять колпак с поврежденного колеса. — Я прочитал в вашей карте о трагедии, причиной которой был Вог. И понял, что, стоит привести вас на его след, и вы поедете куда угодно.

Волна гнева захлестнула меня. Я готова была наброситься на этого человека и колотить его, колотить!.. Но сначала все-таки надо было удостовериться, что я все поняла правильно.

— Отпечатки на шприце были, стало быть, ваши. Не так ли? А Вог мертв?

— Да. Раз ваш отец сказал, что Вог лежит глубоко в земле, нет никаких

оснований подвергать сомнению его слова. Разумеется, я сохраню в тайне сделанное вами признание. В общем, я не сторонник самосуда, но в данном случае кто стал бы его упрекать?

— А Сеймур?

— Крейг позвонил ему и попросил сотрудничать с нами. Потом я сам звонил ему, просил передавать вам сведения, которые могли направить вас в сторону клиники.

— Когда же вы могли это сделать? Мы же все время были вместе.

Он посмотрел на меня и, поджав губы, покачал головой:

— Разве все время, Алиса? В китайском квартале я дождался, пока вы выйдете, и попросил у тамошнего служащего разрешения позвонить. Потом у парка Хэллз-Китчен вы сидели в машине, а я будто бы звонил своему другу Кенни из телефона-автомата. — Кейн принялся отворачивать гаечным ключом гайки, не прерывая рассказа. — На вокзале, когда я покупал билеты, одна милейшая старушка дала мне позвонить со своего мобильного. В Астории, пока вы принимали ванну, у меня было полно времени, чтобы звонить из кальян-бара. И, наконец, когда мы ехали с вами на машине, я оставил вас с Барби минут на десять под предлогом покупки сигарет.

— И всякий раз выходили на связь с Сеймуром?

— Во всяком случае, именно он помог мне быть более или менее достоверным в роли спецагента ФБР. Не могу не признать, что он оказал мне просто неоценимую помощь. Идея с трупом, найденным на заброшенном сахарном заводе, куда, разумеется, он и не думал ездить, целиком и полностью принадлежит ему.

— Какая гадость!

— Он очень вас любит, должен вам сказать. Немногие на этом свете могут похвастаться столь преданным другом.

Кейн поставил домкрат и стал крутить ручку, приподнимая машину. Увидев, что он скривился от боли, я вспомнила, что вчера вечером всадила в него нож и, вероятно, здорово поранила. Но растекаться от жалости у меня и в мыслях не было.

— А мой отец?

— Вот из-за него пришлось поволноваться. Я совершенно не был уверен, что великий Ален Шафер согласится играть в наши игры. По счастью, Сеймур очень своевременно взял его телефон под контроль.

Я получала удар за ударом, как боксер, загнанный в угол ринга. Но не сдавалась. Я хотела выяснить все. До самого конца.

— Квартира в Астории? Ваш друг Кенни Форест?

— Никакого друга Кенни не существует. Я придумал всю эту историю с джазистами, потому что очень люблю джаз. А квартира — так это моя квартира. Кстати, вы должны мне бутылку «Ла Таш» тысяча девятьсот девяносто девятого года. Я берег это вино «Романе-Конти» для какого-нибудь исключительного случая.

Этому Кейну казалось, что своим шутливым тоном он развеселит и меня тоже! Но я только распалилась еще больше. Можно сказать, вышла из берегов.

— Да идите вы куда подальше с вашим дурацким вином! А владелица дома, миссис Чауч, почему же она вас не узнала?

— Потому что я позвонил ей с вокзала и попросил сделать вид, будто она видит меня впервые.

Он отвинтил все гайки, снял наконец пробитое колесо, и только тогда снова заговорил:

— Агата, ассистентка Крейга, побывала в квартире незадолго до нашего появления и убрала все, что могло бы навести на мысль обо мне как о хозяине этого дома, — фотографии, папки, счета. У меня ужасно болит плечо. Не могли бы вы подать мне записку?

— А не пошли бы вы с вашими просьбами ко всем чертям?! Теперь переходим к лесной лачуге!

Кейн отошел и поправил повязку, расстегнув вязаную куртку и рубашку. Как видно, от его усилий рана начала кровоточить, но он стиснул зубы и взялся за запасное колесо.

— Лесная лачуга на самом деле принадлежит Калебу Данну. Но я попросил Агату прикрепить к двери обе фотографии и ваше удостоверение, которые нашел в вашем портмоне.

— «Шелби», насколько я понимаю, тоже принадлежит вам?

— Я выиграл эту машину в покер, когда жил в Чикаго, — сообщил психиатр, поднимаясь с корточек и вытирая руки.

И представить невозможно, насколько невыносимо было его слушать! Я чувствовала себя униженной, оплеванной. Подло обманув меня, водя целый день за нос, Кейн отнял у меня последнее, что у меня оставалось: уверенность, что я стоящий полицейский детектив.

— Признаюсь, что мне очень повезло, — продолжал он свои откровения. — Два раза я рисковал погореть, и тогда бы вы меня раскусили. В первый раз, когда настояли, что отправитесь вместе со мной в лабораторию, чтобы сдать на исследование лоскуток с кровавыми пятнами.

Мне показалось, что я чего-то недопоняла, но не стала перебивать, и он продолжил:

— Мы с Элианой друзья, клиника постоянно сотрудничает с ее лабораторией, но у меня не было возможности ни о чем заранее ее предупредить. По счастью, она ни разу не назвала меня при вас «доктор».

Пикантность ситуации меня ничуть не развеселила.

— А второй?

— Когда вы позвонили вашему коллеге Марешалю. Тут я был в двух шагах от провала. Но мне повезло, он не был в курсе, что вы в отпуске по болезни. И повезло еще один раз: просматривая данные камеры наблюдения, он не придал никакого значения датам. Если бы он написал вам, что это снято на прошлой неделе, все бы пропало.

Какую же я чувствовала обиду! Яростную, с которой никак не могла совладать. Все было так мерзко, так несправедливо, так невыносимо!

Я наклонилась, взяла гаечный ключ, распрямилась и изо всех сил саданула по животу этому доброму доктору Кейну.

Не будем бояться говорить правду.

Овидий

Я наподдала Кейну гаечным ключом еще разок, и он, согнувшись пополам, не в силах вздохнуть, повалился прямо в пыль.

— Если говорить честно, то вы самый настоящий гад!

Он держался за живот обеими руками. Но мне было на него наплевать, меня душил гнев, и я продолжала изливать свою обиду:

— Ваши душераздирающие рассказы о сыне, о смерти сестры вашей жены отвратительны! Как не стыдно так цинично, так подло врать?!

Он попытался подняться, но потом сложил руки перед собой крестом, стараясь защититься от нового удара.

— Но все это правда, Алиса! Что касается моей личной жизни, я не погрешил против истины ни на йоту! Только я был не полицейским, а врачом и добровольно работал психиатром в ассоциации, которая помогает проституткам.

Я отбросила в сторону ключ и не стала мешать ему встать.

— Моя жена действительно уехала в Лондон вместе с сыном, — продолжал он, немного отдышавшись. — И я ушел из клиники, чтобы поселиться к нему поближе.

Пусть даже он не все время врал, но я-то тут при чем? Во мне по-прежнему kloкотал неистовый гнев.

— Вы получали удовольствие от своего замечательного маскарада! Но мне-то от вашего издевательства какая польза? Какая польза мне?!

Я бросилась к нему, я молотила его кулаками и орала:

— Мне-то какая польза?! Мне?! Мне?!

Он крепко схватил меня за запястья большими сильными руками.

— А теперь успокойтесь! — властно приказал он. — Мы проделали все это только для того, чтобы вам помочь.

Подул ветер. Я вздрогнула. Действительно, я увлеклась дознанием и совершенно позабыла о болезни.

Нет, я не могла поверить, что в самом скором времени мне светит превратиться в овощ. Сегодня утром я мыслила так ясно, схватывала все так быстро. Стекла «Шелби» порадовали меня очень лестным отражением: совсем не старая еще женщина, стройная, с правильными чертами лица, с пышными, развевающимися на ветру волосами. Но теперь-то я уже знала, как обманчива, как ненадежна наша внешность. Знала, что безжалостные бляшки того и гляди парализуют мои нейроны и мозг застынет, окостенеет. Знала, что дни мои сочтены.

— Вам необходимо пройти вторую часть операции, — так же твердо сказал Гэбриэл Кейн.

— Пустая трата времени! Я не верю в ваши трюки! Рекламная трескотня, чтобы ошипывать дурачков. Всем известно, что от Альцгеймера лекарства нет.

Голос доктора Кейна немного смягчился:

— И так, и не совсем так. Не знаю, что именно рассказали вам об этой операции. Зато прекрасно знаю, что наша клиника специализируется на электростимуляции памяти, и найденный нами метод приносит великолепные результаты.

Я стала прислушиваться к его словам. А он тоном профессора стал разъяснять:

— По тончайшим электродам постоянный сигнал в несколько вольт посылается в стратегические зоны мозга: в свод и лобные доли. Стимуляция производит микровибрацию, которая благотворно воздействует на гипоталамус. Спектр воздействия еще не выяснен до конца, но главная наша задача — улучшить деятельность нейронов — выполняется.

— Ваше лечение не устраняет болезнь.

— У многих пациентов наблюдается временное, но весьма значительное улучшение памяти и ориентации в пространстве.

— Временное! Как мило!

— Алиса! Я пытаюсь внушить вам одну простую вещь: отступать некуда! Да, к сожалению, мы имеем дело вовсе не с точной наукой. У некоторых пациентов, прошедших наше лечение, утраченные воспоминания воскресают, с другими ничего не происходит, и они продолжают, к несчастью, все глубже погружаться в темноту...

— Вот видите!

— Я вижу, что все непредсказуемо. Что болезнь может принять неожиданно бурный характер и повести к очень скорой смерти, а может стабилизироваться и тянуться годами. У молодого организма в случае, если болезнь захвачена на раннем этапе, есть возможности ее сдерживать. Это ваш случай, Алиса!

Я повторила для самой себя:

— Возможность сдерживать болезнь...

— Тормозить развитие болезни — значит выигрывать время! — резко бросал он. — Наука идет вперед, каждый день совершаются новые открытия. И можно надеяться, что...

— Ага, лет через тридцать...

— Может, через тридцать, а может, и завтра! Посмотрите, что происходит со СПИДом. В начале восьмидесятых получить диагноз СПИД означало смертный приговор. А затем появились зидовудин и тритерапия. И люди живут с этой болезнью больше тридцати лет...

Я опустила голову и с усталым безразличием сказала:

— У меня нет больше сил. Поэтому после первой операции у меня наступил кризис. Я решила вернуться во Францию, чтобы в последний раз повидаться с отцом и...

Он подошел ко мне и посмотрел прямо в глаза.

— И что? Пустить себе пулю в лоб?

Я не отвела глаз и насмешливо улыбнулась.

— Да, что-то вроде того. И что?

— Я считал вас мужественнее.

— Кто вы такой, чтобы говорить мне о мужестве?!

Он стоял ко мне совсем близко. Мы почти касались друг друга лбами. Мы были похожи на двух боксеров, которые начинают раунд.

— Вы зациклились на своей беде и не понимаете, какая великая удача выпала на вашу долю. У вас есть надежный друг, который оплатил ваше лечение, который использовал все свои связи, чтобы вас срочно включили в нашу программу. Может быть, вы не в курсе, но список желающих лечиться именно здесь очень велик. Люди стоят в очереди.

— Вот и прекрасно! Я освобождаю нужное место!

— Да, похоже, что вы этого места не заслуживаете!

Сама того не ожидая, я вдруг посмотрела доктору в глаза. И прочитала в них гнев, печаль, возмущение.

— Вы молоды. У вас характер бойца. Вы самая целеустремленная и упорная женщина из всех, каких я только встречал в жизни. Кому, как не вам, вступить в борьбу с болезнью?! Вы можете стать образцом, примером

для других больных!

— Плевала я на примеры, Кейн! В этой игре мне не выиграть, так что оставим дурацкую болтовню.

Он взвился:

— И что?! Вы готовы без боя сложить оружие? Разумеется, так куда проще! Хотите покончить, не медля? Валяйте! Ваш рюкзак на переднем сиденье, и пистолет из него никто не доставал.

Кейн энергичным шагом направился к клинике.

Он меня провоцировал. Доводил до крайности! Он не знал, что не стоит подталкивать меня к этой дорожке. Я сама брела по ней вот уже много дней, едва удерживаясь, чтобы не сорваться в пропасть. Я открыла дверцу «Мустанга» и забрала рюкзачок. Расстегнула. «Глок» лежал на месте, так же как и мобильник. Батарея у мобильного почти разрядилась. Я машинально сунула мобильник в карман, потом проверила зарядник пистолета и сунула его себе за пояс.

Солнце медленно выползло на небо.

Я взглянула вдаль и зажмурилась, ослепнув от серебристого сверканья озера. Что там делает доктор, я не смотрела. Отошла от машины и двинулась по дорожке вдоль озера.

От озера веяло безмятежностью и покоем, оно было мощным и великолепным. Вблизи вода была прозрачной и казалась сине-бирюзовой.

Я все-таки обернулась. Кейн уже виделся силуэтом в конце аллеи. Достаточно далеко, чтобы помешать.

Я взяла «Глок» и глубоко вздохнула.

Внутри себя я чувствовала только пустоту и усталость. Скольжение вниз, которое началось много лет назад, подходило к концу.

Я прикрыла глаза. Поползли обрывки истории, конец которой я хорошо знала. В глубине души я была твердо уверена, что моя жизнь кончится именно так.

Свободным выбором в одиночестве.

Так же, как я всегда старалась жить.

*Только те дороги чего-то стоят, которые ведут
внутри нас.*

Шарль Жюлье

Я вложила холодный ствол в рот.

Я хочу остаться собой. Не хочу быть женщиной с мертвой памятью.
Не хочу быть больной, которую держат в больничной палате.

Хочу до конца сохранить право решать, как мне жить.

Сохранить ясное сознание.

И никто не смеет отнять у меня это право!

Мою последнюю свободу.

Закрыв глаза, я вновь перебрала счастливые дни, которые прожила с Полем. Десятки снимков. Их подхватывал ветер и уносил к небу, открывая путь туда и мне.

И вдруг я увидела своего мальчика, он держал отца за руку. Мальчика, которому мы так и не выбрали имени, и он навсегда так и остался безымянным. Мальчика, которого я никогда не увижу, но чье личико так хорошо всегда себе представляла.

Они рядом со мной, эти двое мужчин моей жизни, в благодатном полумраке. Я не открывала глаз, не вынимала изо рта дуло пистолета, держала палец на спусковом крючке, готовясь нажать. Готовясь уйти к ним.

Мальчик отпустил руку Поля и сделал несколько шагов ко мне. Какой он красавец! Он уже не младенец. Он уже маленький мальчик. В клетчатой рубашечке и закатанных штанишках. Сколько ему? Года три? Или даже четыре. Меня завораживает его чистый взгляд, наивный, невинный. Сколько обещаний и сколько дерзновений я читаю в этом взгляде.

— Мама, я боюсь, идем со мной, пожалуйста!

Он зовет меня. Он протягивает мне руку.

«А я? Я тоже боюсь».

Какое мощное притяжение. Рыдания перехватывают мне горло. И все же я знаю, что ничего этого нет. Что все это лишь игра моего воображения.

— Иди же, мама! Пожалуйста!..

«Иду!»

Палец сгибается на спусковом крючке. Бездна открывается передо мной. Я чувствую, как растет, как больно теснит меня неполноценность, которая поселилась во мне с самого детства.

Моя история — это печальная история одинокой девочки, которой так и не нашлось места нигде. Человеческая бомба приготовилась взорваться. Сковарка всегда под давлением, сковарка, в которой вечно кипят обида, неудовлетворенность, желание стать другой.

«Нажми. Нажми на курок. Боль и страх сразу же исчезнут. Сделай это сейчас. У тебя хватит мужества, трезвости и усталости. Сейчас самый подходящий момент».

Вибрация у моего бедра.

Это в кармане вибрирует мобильник.

Я пытаюсь не обращать на него внимания, но Поль и мой мальчик уже исчезли. Вместо пронзительной печали снова вспыхивает гнев. Я открываю глаза, вытаскиваю изо рта пистолет и с яростью нажимаю клавишу. И слышу голос Гэбриэла.

— Не делай этого, Алиса!

Я оборачиваюсь. Кейн в пятидесяти метрах от меня, он подходит все ближе.

— Разговор закончен, Гэбриэл.

— Нет. Я так не считаю.

В отчаянии я начинаю орать:

— Оставьте меня в покое, слышите?! Испугались за свою карьеру? Пациентка раскроила себе голову на территории вашей великолепной клиники? Какой пассаж! Какое безобразие! Этого вы боитесь?

— Вы вовсе не моя пациентка, Алиса.

Я смотрю, не понимая.

— Как это?

— Думаю, вы тоже знаете это правило. Врач не имеет права влюбляться в того, кого лечит.

— Последняя попытка, Кейн? И весьма патетичная!

— А как вы думаете, почему я ввязался в эту рискованную историю? — заговорил он, приближаясь ко мне еще на шаг. — Меня словно что-то толкнуло, как только я увидел вас лежащей на скамейке.

— Чушь какая!

— Я не играю, Алиса.

— Мы даже не знакомы.

— А мне кажется, наоборот. Мне кажется, мы с вами хорошо узнали друг друга.

Я его оттолкнула.

— Вы, который волочится за каждой юбкой, в меня влюбились? «Девушка в каждом порту» — я не забыла вашего девиза.

— Пустые слова вымышленного персонажа.

— Да вы тянетесь ручонками ко всему, что движется!

— Я глаз не могу оторвать от вас, Алиса. Мне по душе ваш дурной характер, ваша готовность всегда дать отпор. Мне ни с кем еще не было так здорово, как с вами.

Я уставилась на него и не могла выговорить ни слова. Кейн говорил подкупающе искренне, и я просто онемела. Вообще-то он и впрямь ради меня рисковал своей шкурой. А вчера вечером я вполне могла его продырявить.

А он все продолжал говорить:

— Мне так хочется быть с тобой, рассказать о книгах, которые я люблю, показать квартал, где я вырос, приготовить тебе по моему собственному рецепту макароны с сыром и трюфелями, я...

И снова меня стали душить рыдания, слезы застилали глаза. В словах Гэбриэла звучала такая нежность, что мне захотелось довериться ему и согреться. Я вспомнила, как впервые увидела его на той самой скамейке в Централ-парке. Тогда мы с ним стали напарниками. Вспомнила, как в магазине, завернувшись в плащ, он показывал фокусы, забавляя ребятишек...

Но я оборвала его излияния:

— Женщина, которую, как вам кажется, вы полюбили, Гэбриэл... Она через несколько месяцев, как вам известно, исчезнет. Не будет вас узнавать, станет обращаться к вам безличным «месье», и ее придется запереть в больничной палате.

— Возможно, и так, но совсем не обязательно. И я готов пойти на этот риск.

Я отбросила телефон, все равно батарейка у него сдохла.

Но Гэбриэл уже стоял передо мной, метрах в десяти.

— Если кто-то и может начать эту борьбу, то только ты.

Он стоял уже в нескольких сантиметрах.

— В этой борьбе от меня ничего не зависит.

— Мы будем бороться вдвоем, Алиса! Мы ведь неплохая команда, правда?

— Мне страшно. Страшно, и все...

Яростный порыв ветра поднял клуб пыли, и золотые иголки лиственниц задрожали. Холод обжег мне пальцы.

— Я знаю, что это трудно, но вот увидишь...

Увидишь...

Вот увидишь, будут ясные дни. И пасмурные, сплошь в тучах.

Будут дни сомнения, дни страха, долгие безрадостные часы ожидания в больничных приемных, пропахших лекарствами.

Будут минуты отдыха, весенние минуты, детские, юношеские, когда ты даже не вспомнишь о болезни.

Как будто ее никогда и не было.

Жизнь будет продолжаться.

И ты будешь крепко держаться за нее.

* * *

Будет теплый голос Эллы Фицджеральд, будет гитара Джима Холла, печальная песня Ника Дрейка, прилетевшая из прошлого.

Будут прогулки по берегу моря, запах скошенной травы, краски закатного неба.

Рыбная ловля в часы отлива.

Теплый шарф, спасающий от ветра.

Замки из песка, устоявшие против соленых волн.

Слойки с лимоном на ходу в лабиринтах улочек Норт-Энда.

* * *

Будет дом на тенистой улице. Фонари в ореоле мерцающего света. Рыжая кошка, прыгающая на колени. Большая добрая собака.

Будет зимнее утро, когда я закопаюсь и буду опаздывать на работу.

Скачусь по лестнице через три ступеньки. Поцелую тебя на лету. Подхвачу ключи от машины.

Дверь, мостовая, заурчавший мотор.

И только остановившись на первом светофоре, рассмотрю, что вместе с ключами прихватил еще и соску.

* * *

Вот увидишь, чего только не будет!
Пот, кровь, первый крик малыша.
Обмен взглядами.
Союз, заключенный навеки.
Бутылочка каждые четыре часа, стопки пеленок, памперсы, дождь за окном, солнце в сердце.

* * *

Вот увидишь...
Пеленальный столик, маленькая ванночка, отит за отитом, куча плюшевых мишек, колыбельные вполголоса.
Улыбки, прогулки в парке, первые шаги, трехколесный велосипед.
Прежде чем заснуть, обязательно сказка о принце, который победил дракона.
Дни рождения. Возвращения из школы. Игра в ковбоев. Персонажи из мультиков на холодильнике.
Игра в снежки, фокусы-покусы, хлеб с вареньем на полдник.

* * *

Время будет лететь.
И опять курсы лечения в больнице, осмотры, исследования, анализы, тревоги и новые методы лечения.
И каждый раз ты снова будешь идти в битву с бьющимся сердцем, чувствуя сосущий страх под ложечкой, вооруженная единственным и самым надежным оружием — своим желанием жить.
И каждый раз ты будешь повторять себе: что бы со мной на этот раз ни случилось, все минуты, отвоеванные у неизбежности, стоили моих усилий, я прожила их.
И никто никогда не отнимет их у меня.

Спасибо

Ингрид.

Эдит Леблон, Бернару Фиксо, Катрин де Ларузьер.

Сильви Анжель, Александру Лаброссу, Жаку Бартолетти и Пьеру Колланжу.

Валери Тайефер, Жан-Полю Кампосу, Бруно Барбету. Виржини Плантар, Каролин Сер, Стеани Ле Фоль, Изабель де Шарон.

---

notes

Примечания

1

Колоссальное оборонительное сооружение длиной 117 км, некогда пересекавшее Северную Англию, соединяя глубоководные эстуарии реки Солуэй на западе и реки Тайн на востоке.

Старейшая государственная больница Парижа.

3

Работающая девушка (*англ.*).

4

Прибрежная полоса (*англ.*).

5

Вечность начинается сейчас (*англ.*).

Музыкальное направление, возникшее как соединение приемов рока и джаза, близкое к авангарду.

Полиция Ирландии.

Здесь: два человека... (*англ.*).

Простите, нет. Меня зовут Томас Крейг. Гэбриэл дал мне ваш номер.
Могу я... *(англ.)*.

База данных ФБР, «комбинированная система индексации ДНК» (Combined DNA Index System, CODIS). Введена в действие в 1994 г. в соответствии с «Законом об идентификации ДНК» (DNA Identification Act), представляет собой компьютерную сеть, используемую для получения профилей ДНК и поиска совпадений уполномоченными органами всех уровней — от местного до федерального.

Вдалеке от обыденности (*англ.*).

Ничейная земля (*англ.*).

Условное обозначение одной из сторон в судебном процессе в Англии.

Звезды и полосы (*англ.*). Название американского флага.

Апперкот (*англ.*).

От расетакес — задающий ритм (*англ.*). В медицине прибор, который анализирует работу сердца и посылает ему регулярные электрические импульсы для коррекции нарушений ритма.

Фирма американских игрушек, известная своими маленькими машинками.

Спросите, какого цвета колготки. Свидетели утверждают, что в день смерти Элизабет Харди была в РОЗОВЫХ колготках (*англ.*).

В следственно-оперативной группе секретарь оформляет документы и ведет записи и протоколы, которые и составляют следственное дело.

Разновидность пластичных взрывчатых веществ военного назначения.

Страх и желание (*англ.*).

На ничейной земле (*англ.*).